

Дело «Странд Лоббен и другие (Strand Lobben and Others) против Норвегии»¹

(Жалоба № 37283/13)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 10 сентября 2019 г.

По делу «Странд Лоббен и другие против Норвегии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Линос-Александра Сицилианоса, *Председателя Большой Палаты Суда*,

Гвидо Раймонди,

Роберта Спано,

Винсента А. де Гаэтано,

Йона Фридрика Кьельбро,

Анны Юджовской,

Эгидиуса Куриса,

Карло Ранцони,

Армена Арутюняна,

Жоржа Раварани,

Пере Пастора Вилановы,

Алёны Полачковой,

Полин Коскело,

Петера Пачолаи,

Ладо Чангурии,

Жильберто Феличи, *судей*,

Дага Бюгге Нордена, *судьи ad hoc*,

а также при участии Сёрена Пребенсена, *заместителя Секретаря Большой Палаты Суда*,

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 17 октября 2018 г. и 27 мая 2019 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 37283/13, поданной против Королевства

Норвегия в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) пятью гражданами Норвегии, а именно Труде Странд Лоббен (*Trude Strand Lobben*), ее детьми X и Y и ее родителями, Сиссель (*Sissel*) и Лейфом Лоббенами (*Leif Lobben*), 12 апреля 2013 г.

2. Интересы первой заявительницы, Труде Странд Лоббен, а также второго заявителя, X (далее вместе – заявители), которым была предоставлена правовая помощь, единолично представлял адвокат Г. Туан Дит Дьёдонне (*G. Thuan Dit Dieudonné*), практикующий в г. Страсбурге. Власти Норвегии были представлены своими Уполномоченными при Европейском Суде М. Эмберландом (*M. Emberland*) и Х. Лунд Буш (*H. Lund Busch*), сотрудниками Генеральной прокуратуры по гражданским делам.

3. Заявители утверждали, в частности, что решения органов государственной власти не отменять постановление об опеке в отношении X, а вместо этого лишить первую заявительницу родительских прав в отношении него и разрешить его усыновление приемными родителями нарушали права на уважение их семейной жизни в соответствии со статьей 8 Конвенции.

4. Жалоба была распределена в Пятую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 1 декабря 2015 г. Председатель Пятой Секции Европейского Суда принял решение уведомить власти Норвегии о жалобе заявителей. 30 ноября 2017 г. Палата указанной Секции Европейского Суда в следующем составе: Ангелики Нуссбергер, Эрика Месе, Андре Потоцкого, Йонко Грозева, Шифры О'Лири, Габриэле Кучко-Штадлмейер, Латифа Гусейнова, судей, а также при участии Милана Блашко, заместителя Секретаря Секции Суда, – вынесла Постановление по делу. Палата Европейского Суда единогласно объявила жалобу первой заявительницы и второго заявителя приемлемой для рассмотрения по существу, а в оставшейся части – неприемлемой. Палата Европейского Суда большинством голосов постановила, что по делу не было допущено нарушения требования статьи 8 Конвенции. К Постановлению было приложено совместное особое мнение судей Йонко Грозева, Шифры О'Лири и Латифа Гусейнова.

5. 30 января 2018 г. заявители обратились с ходатайством о передаче дела в Большую Палату Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции. 9 апреля 2018 г. коллегия Большой Палаты Европейского Суда удовлетворила данное ходатайство.

6. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями

¹ Перевод с английского языка И.В. Артамоновой.

² Настоящее Постановление вступило в силу 10 сентября 2019 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правилом 24 Регламента Европейского Суда. В окончательном заседании запасной судья Йон Фридрих Кьельбро заменил Алеша Пейхала, который не мог принять участие в дальнейшем рассмотрении дела (пункт 3 правила 24 Регламента Европейского Суда).

7. Заявители и власти Норвегии представили замечания по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Европейского Суда).

8. Председатель Большой Палаты Европейского Суда разрешил властям Бельгии, Болгарии, Чешской Республики, Дании, Италии, Словакии и Соединенного Королевства, а также Международному альянсу в защиту свободы (*Alliance Defending Freedom International*), Итальянской ассоциации магистратов по делам несовершеннолетних и семьи (*Associazione Italiana dei Magistrati per i Minorenni e per la Famiglia*, далее – AIMMF), Консультационному центру по правам личности в Европе (*Advice on Individual Rights in Europe*, далее – Центр AIRE) и усыновителям X предоставить письменные замечания согласно пункту 2 статьи 36 Конвенции и пункту 3 правила 44 Регламента Европейского Суда.

9. Открытое слушание по делу состоялось 17 октября 2018 г. во Дворце прав человека в г. Страсбурге.

В заседании Большой Палаты Европейского Суда приняли участие:

(a) со стороны властей Норвегии:

Ф. Сейерстед (*F. Sejersted*), Генеральный прокурор, представитель Генеральной прокуратуры,

М. Эмберланд, Уполномоченный при Европейском Суде, сотрудник Генеральной прокуратуры,

Х. Лунд Буш, Уполномоченный при Европейском Суде, сотрудник Генеральной прокуратуры, *уполномоченные*,

А. Сиднес Эгеланд (*A. Sydnes Egeland*), прокурор Генеральной прокуратуры,

Х. Ваалер (*H. Vaaler*), прокурор Генеральной прокуратуры,

Д.Т. Гисхолт (*D.T. Gisholt*), директор Министерства по делам детей и вопросам равенства,

К. Файв Берг (*C. Five Berg*), старший советник Министерства по делам детей и вопросам равенства,

Х. Бауц-Хольтер Гевинг (*H. Bautz-Holter Geving*), сотрудник Министерства по делам детей и вопросам равенства,

Л. Видт (*L. Width*), муниципальный прокурор, *консультанты*;

(b) со стороны заявителей:

Г. Туан Дит Дьёдонне, адвокат, *консультант*,

Т. Странд Лоббен, *первая заявительница*.

Европейский Суд заслушал выступления Г. Туана Дит Дьёдонне и Ф. Сейерстеда, а также их ответы на вопросы судей.

10. В мае 2008 года первая заявительница обратилась в службу опеки и попечительства, поскольку она была беременна и находилась в сложном положении: у нее не было постоянного жилья, и она временно проживала с родителями.

11. 10 июня 2008 г. первая заявительница и предполагаемый будущий отец, Z, посетили гинекологическое отделение в районной больнице. Согласно медицинскому заключению, составленному в тот же день, врач был проинформирован о том, что первая заявительница сделала аборт на позднем сроке в октябре 2007 года и что она хотела вновь сделать аборт. Врач взял у нее анализы на хламидии, сделал ей УЗИ и затем сказал первой заявительнице и Z, что сделать аборт невозможно.

12. 23 июня 2008 г. в больнице подтвердили, что результаты анализа на хламидии, сданного 10 июня 2008 г., были положительными. В качестве одной из мер, принятых родильным домом в целях наблюдения за первой заявительницей и ее положением, врач отметил, что социальный работник свяжется со службами опеки и попечительства по согласованию с первой заявительницей. На следующий день социальный работник J.T. в больнице констатировал, что первая заявительница выразила явное желание получить место в учреждении для родителей с детьми на основании того, что ее возможности были ограничены вследствие черепно-мозговой травмы (*begrensninger på grunn av hjerneskode*), полученной в результате приступа эпилепсии, у нее не было жилья, и она имела сложные отношения с предполагаемым отцом ребенка и другими членами семьи. Первая заявительница также просила помощи для того, чтобы стать по возможности хорошей матерью. Администрация больницы отметила, что нахождение в учреждении для родителей с детьми является добровольным и что первая заявительница и ее ребенок смогут покинуть учреждение в любой момент, когда они того захотят.

13. 1 июля 2008 г. администрация больницы сообщила службе опеки и попечительства, что первая заявительница нуждается в руководстве относительно будущего ребенка и в наблюдении в связи с материнством. Администрация больницы также указала, что первой заявительнице необходимо остаться в учреждении для родителей с детьми. Служба опеки и попечительства приняла данное дело к производству с согласия первой заявительницы. Она согласилась остаться в учреждении для родителей с детьми в течение трех месяцев после рождения ребенка, чтобы можно было оценить

ее способность осуществлять надлежащий уход за ребенком.

14. 16 июля 2008 г. состоялась встреча с представителями службы опеки и попечительства. На встрече присутствовал психолог I.K.A. из Управления по делам детей, молодежи и семьи. Как следует из записей, сделанных во время этой встречи, было решено, что в летние месяцы первая заявительница будет посещать еженедельные психологические консультации в отсутствие социального работника и что психолог впоследствии представит заключение службе опеки и попечительства.

15. 16 сентября 2008 г. было принято официальное решение предложить первой заявительнице и ее ребенку место в учреждении для родителей с детьми на три месяца. В решении указывалось, что служба опеки и попечительства была обеспокоена психическим здоровьем первой заявительницы и ее способностью понимать степень ответственности за ребенка и за последствия ее действий.

16. Несколькими днями ранее, 9 сентября 2008 г., служба опеки и попечительства и первая заявительница согласовали план ее нахождения в таком учреждении. В плане отмечалось, что основная цель пребывания заключается в том, чтобы проводить осмотр первой заявительницы и наблюдение за ней, а также помогать ей и обучить ее достаточным навыкам по уходу за ребенком. В план также был включен ряд более конкретных целей, в том числе наблюдение за матерью и ребенком, оценка психического здоровья (психики) матери и ее зрелости, ее способности получать, понимать и пользоваться рекомендациями в связи с ее ролью матери, а также возможности ее развития. Работа с окружением первой заявительницы также была включена в план.

17. 25 сентября 2008 г. первая заявительница родила сына X, второго заявителя. Первая заявительница отказалась назвать имя отца X. Через четыре дня, 29 сентября 2008 г., первая заявительница и X переехали в учреждение для родителей с детьми. Первые пять дней бабушка X по материнской линии также оставалась с ними.

18. 10 октября 2008 г. учреждение для родителей с детьми связалось со службой опеки и попечительства и высказало обеспокоенность, которую выражал его персонал. Согласно документам службы опеки и попечительства сотрудники учреждения утверждали, что X не набирал достаточный вес и не проявлял активности. Что касается смены подгузников, персонал неоднократно (*gang på gang*) указывал первой заявительнице на то, что на теле ребенка остаются следы экскрементов, но она по-прежнему уделяла основное внимание только себе.

19. 14 октября 2008 г. сотрудники учреждения для родителей с детьми сообщили, что они очень обеспокоены состоянием X и способностью первой заявительницы по уходу за ребенком. Выяснилось, что первая заявительница неправильно указа-

ла вес ребенка и что X, соответственно, потерял в весе больше, чем предполагалось ранее. Кроме того, она не демонстрировала понимания чувств мальчика (*viser ingen forståelse av gutten sine følelser*) и, по-видимому, не могла сопереживать ему (*set seg inn i hvordan babyen har det*). Сотрудники учреждения для родителей с детьми решили перевести первую заявительницу в квартиру на первом этаже, чтобы внимательнее наблюдать за ней. Следующая встреча первой заявительницы с сотрудниками учреждения для родителей с детьми и со службой опеки и попечительства была назначена на 24 октября 2008 г., но сотрудники учреждения хотели перенести встречу, поскольку считали, что данный вопрос требовал безотлагательного рассмотрения.

В. ПРОИЗВОДСТВО ПО ЭКСТРЕННОЙ ПЕРЕДАЧЕ X НА ВОСПИТАНИЕ ПРИЕМНЫМ РОДИТЕЛЯМ

20. 17 октября 2008 г. была проведена встреча сотрудников учреждения для родителей с детьми с первой заявительницей и службой опеки и попечительства. На встрече первая заявительница указала, что она хотела бы покинуть учреждение вместе с ребенком, поскольку она более не нуждалась в руководстве. Сотрудники учреждения для родителей с детьми сообщили, что они очень обеспокоены навыками первой заявительницы по уходу за ребенком. Она не просыпалась ночью, мальчик сильно потерял в весе, ему не хватало энергии, и, казалось, что он страдал от обезвоживания. Патронажный работник также выразил сильное беспокойство, тогда как первая заявительница была спокойна. В учреждении для родителей с детьми было установлено постоянное круглосуточное наблюдение. Сотрудники этого учреждения не спали по ночам и будили первую заявительницу, чтобы она кормила ребенка. Они проверяли ее круглосуточно каждые три часа, чтобы удостовериться в том, что мальчик получал питание. Они высказали опасение, что ребенок мог бы не выжить, если бы они не установили такой способ постоянного наблюдения. Служба опеки и попечительства сочла, что выход первой заявительницы с ребенком из учреждения повлечет за собой определенный риск. У X вес тела был меньше критического показателя (*kritisk normalvekt*), он нуждался в питании и наблюдении.

21. В решении, принятом в тот же день, также указывалось, что первая заявительница предоставила информацию об отце ребенка службе опеки и попечительства, но она отказала ему в разрешении пройти тест на отцовство и расписаться в больнице как отцу. Было указано, что отец хотел взять на себя ответственность за ребенка, но он не имел на это каких-либо прав в качестве стороны по делу.

22. Было принято решение экстренно поместить X в приемную семью, при этом первая заявительница и ее мать могли посещать его в течение не более полутора часов в неделю. Что касается потребностей мальчика, то было указано, что он сильно похудел и, следовательно, нуждался в тщательном и адекватном наблюдении. В решении подчеркивалась важность разработки надлежащего режима кормления ребенка. Кроме того, согласно решению первая заявительница, приемные родители, группа специалистов (*fagteam*) и служба опеки и попечительства должны были постоянно оценивать нахождение X в приемной семье. Муниципалитет должен был поддерживать связь с приемными родителями и отвечать за взаимодействие с первой заявительницей и наблюдение за ней. Председатель Окружного совета по социальному обеспечению (*fylkesnemnda for barnevern og sosiale saker*) (далее – Совет) предварительно утвердил решение 21 октября 2008 г.

23. 22 октября 2008 г. первая заявительница обратилась в Совет с жалобой на решение об экстренном помещении X в приемную семью. Она настаивала на том, что они с X могли проживать совместно в доме ее родителей, утверждая, что ее мать оставалась дома и была готова помочь осуществлять уход за X и что она и ее мать были готовы принять помощь от службы опеки и попечительства.

24. 23 октября 2008 г. семейный консультант и психолог из учреждения для родителей с детьми составили отчет о нахождении там первой заявительницы и ее матери. В отчете упоминалось проведение теста на проверку умственных способностей, по результатам которого первая заявительница получила балл выше, чем 67% лиц ее возраста, в части перцептивной организации (то есть организации визуального материала) и в отношении понимания устной речи балл ниже, чем 93% лиц ее возраста. На основе задач, выполнение которых требовало кратковременной памяти, способности воспринимать и обрабатывать сложную информацию, первая заявительница набрала меньший балл, чем 99% людей ее возраста. Согласно отчету тесты подтверждали клинические наблюдения за первой заявительницей. Кроме того, в отчете указывалось, что руководство учреждения ориентировалось на обучение первой заявительницы по обеспечению основных потребностей ребенка относительно питания, гигиены (*stell*) и безопасности. Первая заявительница получала устные и практические рекомендации и постоянно (*gjennomgående*) нуждалась в повторных инструкциях и наставлениях. По опыту этих сотрудников первая заявительница часто не понимала, что ей сказали или объяснили, и быстро забывала сказанное ей. В заключение в отчете отмечалось, *inter alia*:

«Мать не осуществляет надлежащего ухода за своим ребенком. В течение всего периода нахожде-

ния матери и ребенка [в учреждении для родителей с детьми]... сотрудники... были очень обеспокоены тем фактом, что потребности ребенка не удовлетворяются. С целью обеспечить основные потребности ребенка в уходе и питании сотрудникам приходилось постоянно вмешиваться и круглосуточно внимательно наблюдать за ребенком.

Мать не в состоянии удовлетворять практические потребности мальчика в уходе. Она не взяла на себя достаточную ответственность за заботу о ребенке. Мать нуждалась в руководстве на элементарном уровне, а также ей надо было неоднократно повторять рекомендации.

На протяжении всего периода пребывания мать делала заявления, которые вызывают у нас беспокойство. Она демонстрировала полное отсутствие сочувствия к своему сыну и несколько раз выражала отвращение к ребенку. Мать плохо понимает, что надо мальчику и как он может себя вести.

Функционирование психики матери нестабильно, и она испытывает значительные трудности в некоторых областях, которые имеют решающее значение для способности осуществлять уход за ребенком. Ее возможность осуществлять практический уход должна рассматриваться с учетом этих факторов. Психическое здоровье матери характеризуется сложными и болезненными чувствами по поводу того, кем она является и как она воспринимает других людей. Представляется, что она сама испытывает значительную неудовлетворенную потребность в уходе.

По нашей оценке, мать не в состоянии обеспечить уход за ребенком. Мы также считаем, что матери нужны помощь и последующее наблюдение. Как мы уведомили устно службу опеки и попечительства, мы считаем важным, чтобы в период после экстренного помещения ребенка в приемную семью за его матерью осуществлялся бы особенно тщательный уход.

Мать является уязвимым человеком. Ей следует предложить пройти психологическую оценку и лечение. Вероятно, ей потребуется помощь в поиске мотивации для этого. Для матери должен быть составлен индивидуальный план, чтобы обеспечить ее сопровождение в некоторых вопросах. У матери есть ресурсы (см. тесты на способности), и она нуждается в помощи, чтобы эффективно их использовать».

25. 27 октября 2008 г. Совет рассмотрел жалобу на решение об экстренном помещении X в приемную семью (см. выше §§ 22 и 23). Первая заявительница присутствовала в сопровождении своего адвоката и дала показания. Совет заслушал трех свидетелей.

26. В решении, принятом в тот же день и подписанном председателем Совета, последний пришел к выводу, что ему следует ориентироваться на характеристики, данные психологом из учреждения для родителей с детьми, который составил отчет от имени учреждения, а также представителем муниципальной службы опеки и попечительства. Согласно указанным характеристикам первая заявительница была неспособна надлежащим образом (*betryggende*) осуществлять уход

за X в отношении тех аспектов, которые были жизненно необходимы и имели решающее значение (*helt vesentlige og sentrale områder*). Кроме того, она сообщила, что хочет покинуть учреждение. Было очевидно, что ей нельзя доверить уход за X, не создавая риск того, что ему будет причинен существенный вред. После этого родители первой заявительницы сказали, что они смогут обеспечить надлежащий уход за X. Однако Совет пришел к заключению, что это не обеспечит X достаточную безопасность. Мать первой заявительницы давала показания в Совете и утверждала, что во время ее нахождения в учреждении для родителей с детьми она не испытывала ничего, что вызывало бы беспокойство в связи с осуществлением первой заявительницей ухода за X. Это утверждение явно противоречило отчету психолога. Совет также отметил, что именно первая заявительница, а не ее мать будет отвечать за ежедневный уход за X.

27. В тот же день, 27 октября 2008 г., X был направлен в детскую психиатрическую клинику на обследование.

28. 30 октября 2008 г. первая заявительница обратилась в Окружной суд (*tingrett*) с жалобой на решение Совета от 27 октября 2008 г. (см. выше §§ 25–26).

29. 13 ноября 2008 г. первая заявительница посетила X в приемной семье. Как следует из записей, сделанных куратором, Z накануне получил результат теста на отцовство, согласно которому он не являлся отцом ребенка. Первая заявительница сказала, что не знает, кто может быть отцом X. Она не могла вспомнить, что имела отношения с кем-либо еще. Первая заявительница и консультант службы опеки и попечительства договорились, что первая заявительница свяжется со своим врачом и попросит дать ей направление к психологу.

30. 21 ноября 2008 г. консультант по работе с экстренными помещениями в приемные семьи (*beredskapshjemskonsulent*) из Управления по делам детей, молодежи и семьи подготовила отчет о применении экстренной меры. В заключении она указала:

«Мальчик поступил в приемную семью 17 октября. Он мог делать незначительные движения руками и ногами и почти не произносил каких-либо звуков. Он не мог открыть глаза, поскольку они были красными, опухшими, с большим количеством выделений. Мальчик был истощен, бледен и слаб (*slapp*). Через несколько дней он начал двигаться, произносить звуки, кожа стала приобретать нормальный цвет. Он хорошо ел во время всех приемов пищи и вступал в телесный контакт. Мальчик смог открыть глаза, получив надлежащее лекарство, и постепенно начал контактировать со своим окружением. Был установлен надлежащий режим, и мальчик находился под постоянным наблюдением в отношении питания и развития.

Мальчик достиг очень хороших показателей в развитии во всех областях за те пять недель, которые он проживал в приемной семье. Врач и медицинские работники были удовлетворены развитием мальчика и осуществляли тщательное наблюдение за ним. Детская и юношеская психиатрическая поликлиника [(*Bup, Barneog ungdomspsykiatrisk poliklinikk*)] также осуществляла наблюдение за мальчиком и сообщала о возможных симптомах стресса, возникших у мальчика во время беременности матери или в первые недели его жизни. Приемные родители создали благоприятные условия для развития мальчика, и это пошло ему на пользу. Мальчик нуждается в помощи адекватных взрослых, которые смогут обеспечить хороший уход за ним, соответствующий его возрасту [(*aldersadekvat omsorg*)], и удовлетворить его потребности в будущем».

31. 28 ноября 2008 г. муниципалитет обратился в Совет с ходатайством о выдаче постановления об опеке, утверждая, что первой заявительнице не хватало навыков по уходу за ребенком в отношении его различных потребностей. Муниципалитет полагал, что, если X будет возвращен первой заявительнице, он вскоре окажется в ситуации серьезного игнорирования его интересов. Что касается прав на общение, муниципалитет утверждал, что, по-видимому, речь будет идти о долгосрочном помещении X в приемную семью и что он, вероятно, вырастет в ней. Муниципалитет утверждал, что первая заявительница была молодой женщиной, но предполагалось, что ее способности как матери ограничены, по крайней мере, в отношении X (*[m] or er ung, men det antas at hennes kapasitet som mor vil være begrenset, i hvert fall i forhold til dette barnet*).

32. 5 декабря 2008 г. группа специалистов из детской психиатрической клиники, которая провела шесть различных осмотров в период с 3 по 24 ноября 2008 г. согласно инструкциям от 27 октября 2008 г. (см. выше § 27), изложила свои выводы в отчете, в котором, *inter alia*, указывалось следующее:

«[X] значительно отставал в развитии, когда его направили к нам для проведения осмотра и подготовки заключения. Сегодня он ведет себя как обычный двухмесячный ребенок и имеет возможность для нормального развития. По результатам наблюдений можно сделать вывод, что он находится в группе повышенного риска. Что касается уязвимых детей, то отсутствие реакции и подтверждения или иные препятствия во взаимодействии могут привести к более или менее серьезным психологическим нарушениям и нарушениям развития, если такие дети не получают иного корректирующего опыта отношений. Следовательно, качество взаимодействия в раннем возрасте между ребенком и ближайшим лицом, которое осуществляет уход за ним, имеет большое значение для психосоциального и когнитивного развития. В настоящий момент [X] демонстрирует признаки хорошего психосоциального и когнитивного развития».

33. 12 января 2009 г. Окружной суд в составе одного профессионального судьи, одного психолога

га и одного представителя общественности согласно статье 36–4 Закона о разрешении споров (см. ниже § 133) рассмотрел жалобу на решение Совета о помещении X в приемную семью (см. выше §§ 25–26 и 28). В своем постановлении от 26 января 2009 г. Окружной суд прежде всего указал, что в соответствии со вторым параграфом статьи 4–6 Закона о благополучии детей (см. ниже § 122) промежуточное решение может быть принято только в случаях высокого риска причинения вреда и причинения существенного вреда ребенку, если он не будет помещен в приемную семью незамедлительно. Далее Окружной суд отметил, что дело касалось ребенка, который являлся новорожденным на момент вынесения промежуточного постановления об опеке, и что с тех пор его помещение в приемную семью несколько раз пересматривалось вследствие жалоб со стороны его матери.

34. В своем заключении Окружной суд указал, что отсутствуют какие-либо сомнения в серьезности ситуации X на момент вынесения постановления об опеке. Он явно страдал от плохого ухода как в психологическом, так и в физическом отношениях. Окружной суд установил, что требование о наличии «существенного» вреда (*vesentlighetskravet*) в соответствии со вторым параграфом статьи 4–6 Закона о благополучии детей (см. ниже § 122) было выполнено. На момент вынесения постановления здоровье X улучшилось, и он проявлял признаки нормального развития. Это произошло благодаря усилиям приемных родителей и последующему наблюдению за ребенком. Окружной суд не считал, что способности первой заявительницы по оказанию ухода изменились, и высказал опасение о том, что X будет причинен существенный вред, если он будет возвращен ей. Данный вывод был справедлив даже в том случае, если бы первая заявительница проживала со своими родителями и они поддерживали бы ее. Именно ее способность осуществлять уход была предметом оценки.

35. На основании изложенного Окружной суд не нашел оснований для отмены постановления об экстренной опеке до вынесения решения Совета по вопросу постоянной опеки.

36. Первая заявительница не обращалась с жалобой в апелляционный суд (*lagmannsrett*).

С. ПРОИЗВОДСТВО ПО ВЫДАЧЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБ ОПЕКЕ

1. Производство в Окружном совете по социальному обеспечению

37. 17 и 18 февраля 2009 г. Совет в составе администратора, уполномоченного выступать в качестве профессионального судьи, психолога и представителя общественности в соответствии со статьей 7–5 Закона о благополучии детей (см.

ниже § 122) провел слушания по ходатайству службы опеки и попечительства о выдаче постановления об опеке (см. выше § 31). Первая заявительница присутствовала на слушаниях и давала показания. Кроме того, были заслушаны семь свидетелей, в том числе эксперты и родители первой заявительницы, их сосед и друг семьи. В ходе слушаний служба опеки и попечительства ходатайствовала о передаче X на попечение местных властей, о помещении его в приемную семью и о предоставлении первой заявительнице прав на общение с ним в течение двух часов четыре раза в год под наблюдением. Первая заявительница добивалась отмены постановления об опеке и возврата ей X. В качестве альтернативы она просила предоставить ей право на общение не реже одного раза в месяц или на усмотрение Совета.

38. В решении от 2 марта 2009 г. Совет прежде всего указал, что независимо от доводов и требований сторон его задача заключалась в том, чтобы решить, следует ли передать X на попечение службы опеки и попечительства. В случае вынесения постановления об опеке Совет также должен определить надлежащее место и установить порядок общения.

39. Совет пришел к выводу, что основное условие, изложенное в подпункте «а» первого параграфа статьи 4–12 Закона о благополучии детей, было выполнено (см. ниже § 122). По мнению Совета, если X будет вновь проживать с первой заявительницей, возникнет ситуация, при которой он будет испытывать существенные недостатки в психологическом и практическом уходе.

40. Совет подчеркнул, что он оценивал способности первой заявительницы в качестве лица, осуществляющего уход, и изменения ее подхода, а не ее состояние или личные качества. В то же время Совет отметил, что, по мнению учреждения для родителей с детьми, неспособность первой заявительницы воспользоваться инструкциями связана с ее когнитивными ограничениями. Совет ссылался на выводы данного учреждения относительно того, что результаты выполненных тестов соответствовали их ежедневным наблюдениям (см. выше § 24). Тесты, проведенные в учреждении, также в значительной степени соответствовали предыдущим обследованиям первой заявительницы и отражали обеспокоенность, выраженную, *inter alia*, психологом из Управления по делам детей, молодежи и семьи летом 2008 года (см. выше § 14). По мнению Совета, вышеуказанные факторы свидетельствовали о том, что проблемы первой заявительницы имели фундаментальный характер и что ее возможности по изменению ее поведения были ограничены (*sier noe om at mors problematikk er av en grunnleggende karakter og at endringspotensialet er begrenset*).

41. Совет отметил, что он был вынужден прийти к выводу о необходимости принятия поста-

новления об опеке в наилучших интересах Х. Что касается подходящего помещения, Совет указал, что, учитывая возраст Х и его потребности в уходе, помещение Х в приемную семью, безусловно, является лучшим решением для него на соответствующий момент времени. Таким образом, Совет вынес постановление об опеке. С учетом возраста и уязвимости Х Совет также принял решение поместить его в приемную семью с повышенным уровнем ухода, процедура, предусматривающая, что приемной семье предоставляются дополнительная помощь и поддержка, по крайней мере, на первый год.

42. Обращаясь к вопросу о праве на общение, Совет далее указал, что в соответствии со статьей 4–19 Закона о благополучии детей (см. ниже § 122) дети и родители имеют право общаться друг с другом, если не было принято иного решения. При вынесении постановления об опеке Совет определяет количество контактов. Решения относительно общения должны отвечать наилучшим интересам ребенка, как это предусмотрено статьей 4–1 Закона о благополучии детей (см. *ibid.*). Цель и продолжительность помещения в приемную семью также должны были учитываться при определении количества контактов.

43. По информации, имеющейся в распоряжении Совета на момент вынесения решения, Совет предполагал, что Х будет расти в приемной семье. Это было связано с фундаментальными проблемами (*har sammenheng med*) первой заявительницы и ее ограниченными возможностями для изменений (*mors grunnleggende problemmatikk og begrensede endringspotensial*) (см. выше § 40). Иными словами, приемные родители станут психологически¹ родителями Х, и количество контактов должно быть определено таким образом, чтобы гарантировать, что привязанность, которая уже активно развивается, не была прервана. Х должны были быть обеспечены спокойствие и стабильность в его повседневной жизни, и предполагалось, что у него имеются особые потребности (*det legges do grunn*) в этом отношении. По мнению Совета, цель общения должна заключаться в том, чтобы он знал свою мать.

44. На основе общей оценки, включая вышеизложенные факторы, были установлены шесть сеансов общения в год продолжительностью по два часа. Совет заявил о наличии у него некоторых опасений относительно слишком большой частоты контактов, особенно с учетом реакции Х. Тем не менее Совет полагал, что общение может быть в некоторой степени улучшено со стороны служб опеки и попечительства, которые дадут больше руководящих указаний и помогут в адаптации, а также с помощью значительного снижения количества контактов.

45. По мнению Совета, необходимо уполномочить службу опеки и попечительства осуществлять наблюдение за общением в целях обеспечения надлежащего ухода за Х.

46. Решение Совета завершалось утверждением о том, что время и место встреч общения должны определяться по усмотрению службы опеки и попечительства.

2. Производство в Окружном суде

47. 15 апреля 2009 г. первая заявительница обратилась в Окружной суд с жалобой на решение Совета о том, что Х должен быть передан на попечение государственных органов (см. выше §§ 38–46). В частности, она утверждала, что надлежащие условия в доме могут быть достигнуты путем принятия мер по оказанию помощи и что постановление об опеке было вынесено без предварительного принятия достаточных мер по оказанию ей помощи.

48. 6 мая 2009 г. служба опеки и попечительства направила первой заявительнице письмо, в котором она была приглашена на встречу в целях обсуждения того, какую помощь они могли бы ей предложить. В письме указывалось:

«Служба опеки и попечительства заинтересована в том, чтобы Вы получили помощь для анализа того, что Вы испытали в связи с принятием решения об опеке и так далее. Служба опеки и попечительства по-прежнему предлагает возместить расходы на психолога, если Вы того пожелаете».

49. 14 мая 2009 г. первая заявительница присутствовала во время встречи с двумя знакомыми. Согласно отчету возникла ситуация, в которой куратор от службы опеки и попечительства отметила, что первая заявительница проводила бы время с Х спокойнее, если бы она находилась с ним наедине. Первая заявительница пояснила куратору, что она хотела привести с собой людей, потому что с ней плохо обращались. В конечном счете было решено, что один из знакомых будет сопровождать первую заявительницу. В ходе общения первая заявительница отметила, что она получила неприятное (*ukoselig*) письмо от службы опеки и попечительства с предложением назначить ей встречу для обсуждения какой-либо помощи, которая может ей потребоваться (см. выше § 48). Первая заявительница утверждала, что она не нуждается в помощи и что вне всяких сомнений ей не требуется консультация психолога.

50. 19 августа 2009 г. Окружной суд вынес решение относительно постановления об опеке (см. выше § 47). Прежде всего Окружной суд отметил, что дело касалось судебного пересмотра постановления об опеке, вынесенного в соответствии со статьей 4–12 Закона о благополучии детей (см. ниже § 122), которое должно было

¹ Так в тексте (*примеч. редактора*).

рассматриваться согласно нормам, изложенным в главе 36 Закона о разрешении споров. В рамках судебного пересмотра решения Совета суд вправе пересмотреть все аспекты решения, как юридические, так и фактические, а также административное усмотрение. В законодательстве было четко установлено, что пересмотр решения Совета должен основываться не на тех обстоятельствах, которые существовали на момент вынесения Советом решения, а на обстоятельствах, имеющих место на момент вынесения судебного постановления. Таким образом, Окружной суд, как правило, не анализирует подробно оценки Советом оснований для вынесения постановления об опеке. При этом Окружной суд отметил, что он, тем не менее, установил, что необходимость вынесения такого постановления была вызвана особыми причинами в настоящем деле.

51. На основании представленных ему доказательств Окружной суд, в конечном счете, пришел к выводу о том, что ни на момент вынесения судебного постановления, ни ранее не было в достаточной степени обосновано наличие таких недостатков в способностях первой заявительницы обеспечивать уход, которые свидетельствовали бы о выполнении условий для сохранения опеки и контроля за X со стороны службы опеки и попечительства. Он установил, *inter alia*, что сложности с набором веса у X могли быть связаны с инфекцией глаз. Следовательно, решение Совета должно быть отменено.

52. Таким образом, X должен был быть возвращен первой заявительнице. Как установил Окружной суд, стороны должны понимать, что это следовало сделать, не причиняя X дальнейших травм. X проживал со своими приемными родителями в течение 10 месяцев и привязался к ним. На основании фактов, установленных в ходе судебного производства, Окружной суд исходил из того, что служба опеки и попечительства окажет первой заявительнице и приемным родителям необходимую помощь. Первая заявительница отметила, что она готова сотрудничать, и, учитывая это желание, Окружной суд счел, что должна быть возможность для создания условий сотрудничества, необходимых для того, чтобы служба опеки и попечительства могла оказать требуемую помощь.

53. В последующие дни после вынесения постановления Окружного суда адвокат первой заявительницы и служба опеки и попечительства обменялись рядом электронных писем, и 26 августа 2009 г. состоялась их встреча. На следующий день первая заявительница через своего адвоката подала ходатайство о проведении встречи, чтобы она могла незамедлительно (*omgående*) забрать X из приемной семьи и отвезти его домой. Она также просила, чтобы встреча была назначена на субботу, 29 августа 2009 г. Она утверждала, что приемная мать может привезти X и оставаться, сколько

пожелает. Приемная мать также может посещать X, когда захочет, по согласованию с первой заявительницей. Присутствие представителей службы опеки и попечительства было нежелательным.

54. Служба опеки и попечительства не удовлетворила ходатайство первой заявительницы о немедленном возвращении ей X, однако количество контактов было увеличено. 1, 3, 4 и 7 сентября 2009 г. были проведены сеансы общения в доме родителей первой заявительницы. Куратор делала подробные записи о каждом сеансе, а также записывала беседы с приемной матерью и составляла сводный отчет по всем сеансам. Она, *inter alia*, отметила, что, по словам приемной матери, сеанс 1 сентября 2009 г. «прошел хорошо (*gikk greit*) во многих отношениях», но после этого X очень устал. Его было трудно уложить спать. По завершении сеанса 3 сентября куратор отметила, что X выглядел полностью истощенным и бледным. Очевидная усталость X была отмечена также на сеансах 4 и 7 сентября. Кроме того, из записей следует, что куратор сочла странным (*underlig*), что X не было предложено питания, хотя семье сообщили о времени его кормления. Куратор отметила, что первая заявительница приняла данную информацию к сведению в первый день, но на следующий день забыла об этом. В отчете указывалось, что куратор не была уверена, было ли это связано с неуверенностью первой заявительницы в себе и ее боязнью задать вопрос. В отчете также содержались подробные сведения о реакции X на сеансы общения, в том числе о его плаче, сне, пищеварении и об ином поведении.

3. Производство в апелляционном суде

55. 4 сентября 2009 г. муниципалитет попросил разрешения обжаловать постановление Окружного суда (см. выше §§ 50–52), ходатайствовал о том, чтобы решение Совета от 2 марта 2009 г. (см. выше §§ 38–46) было оставлено в силе, и одновременно подал ходатайство о приостановлении исполнения постановления Окружного суда. Муниципалитет утверждал, во-первых, что постановление Окружного суда содержало серьезные недостатки. По мнению муниципалитета, маловероятно, что инфекция глаз могла быть причиной медленного набора веса X. Кроме того, первая заявительница посещала X, но эти встречи себя не оправдали, хотя ей давали советы по улучшению их качества. После таких посещений X проявлял острые реакции. Во-вторых, муниципалитет утверждал, что в настоящем деле возник вопрос общего интереса, а именно об умственных способностях (*kognitive ferdigheter*) первой заявительницы. Муниципалитет отмечал, что у нее были общие проблемы с обучением и что согласно тестам она испытывала определенные трудности, которые имели последствия в ее повседневной жизни. Ее способности к сло-

весно-логическому мышлению, связанные с обработкой сложной информации, а также с анализом возникающих ситуаций и действиями в них, были важны для обеспечения надлежащего ухода за ребенком. В данном контексте муниципалитет сослался на ряд вопросов, на которые, по его мнению, необходимо было ответить, *inter alia*, вопросы о том, на какие действия первая заявительница была или не была способна, было ли целесообразно оставлять с ней маленького ребенка и имелись ли в наличии реальные меры помощи, которые могли бы компенсировать ее недостатки.

56. 8 сентября 2009 г. Окружной суд принял решение приостановить исполнение своего постановления до рассмотрения дела апелляционным судом.

57. В своем ответе от 11 сентября 2009 г. на апелляционную жалобу муниципалитета первая заявительница через своего адвоката указала, что муниципалитет исходил из того, что она практически была слабоумной (*nærmest er tilbakestående*) и, следовательно, не могла заботиться о ребенке, что она сочла оскорбительным утверждением (*grov beskyldning*). По ее мнению, в постановлении Окружного суда отсутствовали какие-либо недостатки.

58. 9 октября 2009 г. служба опеки и попечительства решила назначить двух экспертов, психолога В.С. и семейного терапевта Е.В.А., для изучения острых реакций Х после проведения частых сеансов общения в доме родителей первой заявительницы (см. выше § 54). Помимо изучения причин реакций Х, экспертов попросили дать советы и рекомендации приемной матери относительно того, как справляться с реакциями, и первой заявительнице, если она согласится, в отношении сеансов общения.

59. 12 октября 2009 г. апелляционный суд дал разрешение на подачу апелляционной жалобы на основании того, что постановление Окружного суда или производство в нем имели серьезные недостатки (см. выше § 55 и ниже § 133). Он также оставил в силе решение Окружного суда о приостановлении исполнения постановления (см. выше § 56).

60. 4 ноября 2009 г. адвокат первой заявительницы обратился в службу опеки и попечительства с запросом, остается ли действительным предложение о консультировании первой заявительницы (см. выше § 48). В своем ответе от 12 ноября 2009 г. служба опеки и попечительства отметила, что она беспокоится за первую заявительницу и считает важным, чтобы она получила помощь. Служба опеки и попечительства подтвердила, что будет возмещать расходы на психолога или иного консультанта по выбору первой заявительницы и что она не будет просить данное лицо предоставлять какую-либо информацию или выступать в качестве свидетеля по делу об опеке и попечительстве.

61. 15 ноября 2009 г. апелляционный суд назначил эксперта-психолога М.С. для анализа дела.

62. 20 февраля 2010 г. два эксперта, назначенные службой опеки и попечительства для анализа сеансов общения и их влияния на Х (см. выше § 58), представили отчет, которых содержал более 18 страниц. В отчете они указали, что не вели наблюдений в отношении каких-либо сеансов общения, «поскольку это делал эксперт, назначенный апелляционным судом». Они также отметили, что первая заявительница отказалась от каких-либо инструкций в отношении сеансов общения. В разделе под названием «Можно ли выдвинуть гипотезу о компетенциях родителей в ситуациях общения на основе их компетенций в качестве лиц, осуществляющих уход?» указывалось следующее:

«Изучив различные документы, мы установили, что [учреждение для родителей с детьми] указывает на серьезный недостаток способностей, необходимых для исполнения материнских функций, что аналогично ситуации, которую мы наблюдаем в ходе сеансов общения спустя более года. Например, в процессе сеансов общения мать демонстрирует отсутствие способности к базовому родительскому уходу, как мы описали выше. Кроме того, в ходе сеансов общения она проявляет равнодушие в отношении родительского ухода. По-видимому, ей очень трудно понять эмоции Х, разделить с ним радость и обеспечить ему чувство безопасности, а также руководить им через подтверждение и называние объектов. Это очень серьезный факт.

По нашему мнению, мать испытывает серьезные проблемы в процессе всех сеансов общения. Нельзя не отметить, что эти проблемы также затрагивают ее общую компетенцию в качестве лица, осуществляющего уход. В отчете от 19 февраля 2008 г., то есть два года назад, доктор философии (Dr Philos.) [Н.В.], специалист в области клинической неврологии, утверждал: «Отсутствуют какие-либо существенные изменения в результатах тестов на проверку умственных способностей, проведенных до операции и в ходе медицинского осмотра спустя два года после операции. Ее результаты в тестах на проверку умственных способностей были очень похожи на те, которые были, как ей исполнилось 10,5 лет, то есть ее умственные способности оставались стабильными на протяжении всех этих лет».

По его словам, по своему умственному развитию она отстает примерно на два стандартных отклонения от своих сверстников, и у нее имеются проблемы с долговременной памятью и с переносом информации от одного объекта к другому.

Мы полагаем, что матери вследствие ее когнитивных проблем на контролируемых сеансах общения труднее, чем обычно, поскольку периодически (*fra gang til gang*) она не знает, что делать с мальчиком, так как она в значительной степени руководствуется импульсами. В отчете [Н.В.] также говорится о том, что она испытывает проблемы с пониманием содержания прочитанного, и мы также отмечаем, что она не может читать и осознавать ситуацию, когда она находится со своим ребенком. По нашему мнению, это важный

и основной вопрос, позволяющий прояснить способности матери в процессе общения и ее компетенцию в качестве лица, осуществляющего уход. Что касается компетенции матери как лица, осуществляющего уход, мы исходим из того, что когнитивные навыки матери будут дополнительно разъяснены [M.S.], экспертом-психологом, назначенным апелляционным судом. Считается, что это играет определенную роль в поведении матери *vis-à-vis* X в ходе общения и в ее усилиях эмоционально приспособиться к его потребностям в различном возрасте.

На странице 5 своего отчета [судебного постановления] от 2009 года Окружной суд кратко изложил [ситуацию] следующим образом: «Общеизвестно, что многие женщины, особенно родившие впервые, могут испытывать психологическую реакцию после родов, которая в чрезвычайных случаях может принимать форму серьезной послеродовой депрессии. Все реакции в виде чувства отчуждения и незащищенности по отношению к новорожденному находятся в пределах нормы».

Мы считаем, что сложности матери в ходе сеансов общения не могут рассматриваться как серьезная послеродовая депрессия, поскольку такие сложности в ходе общения проявляются у нее аналогичным образом в течение более 1,5 лет. Скорее они свидетельствуют о недостаточных базовых родительских навыках и связаны не только с послеродовой депрессией. Мы считаем крайне важным (*avgjørende viktig*), чтобы сложности матери в ходе общения и в целом ее компетенция в качестве лица, осуществляющего уход, понимались в свете более сложных психологических объяснительных моделей, которые связаны как с когнитивными проблемами, так и с серьезными травматическими переживаниями в раннем возрасте и во взрослой жизни, что, как нам известно из результатов исследований, влияет на способность человека быть родителем без значительных индивидуальных усилий и лечения. Мы полагаем, что эксперт-психолог даст более подробное разъяснение».

63. 3 марта 2010 г. M.S., эксперт-психолог, назначенный апелляционным судом (см. выше § 61), представила свое заключение. Она вела наблюдения в отношении двух сеансов общения, на одном из которых первая заявительница присутствовала одна, а на другом – вместе со своей матерью и сестрой. В главе под названием «Социальные и академические функции» указывалось, *inter alia*, следующее:

«На протяжении многих лет SSE (Государственный центр эпилепсии, *Statens senter for epilepsi*) проводил неоднократные обследования [первой заявительницы], используя тесты, которые оценивают течение ее болезни, и тесты, которые в основном ориентированы на описание ее функций. В настоящем деле особое внимание было уделено тесту Векслера (далее – WAIS-R), который проводился до и после операции. Результаты данного теста выражаются в виде балла IQ, ставшего предметом обсуждения в деле об опеке и попечительстве, частью которого также является настоящее заключение. В связи с этим важно прокомментировать результаты данных тестов.

WISC-R – очень известный и часто используемый тест для оценки умственных способностей у детей. Эти способности связаны с успеваемостью в школе. Результат теста дает полезную информацию о способностях ребенка к обучению и применению методов обучения. Таким образом, функциональный профиль по результатам теста WISC-R служит основой для принятия специальных адресных образовательных мер в школе и может помочь в разработке индивидуально адаптированных образовательных программ для детей с особыми потребностями.

Конечным результатом теста на проверку умственных способностей является показатель IQ, который представляет собой операционное определение интеллекта, обеспечивающее числовое выражение распределения способностей, определяемых как интеллект, между людьми в группе населения. Тест стандартизирован, то есть имеется статистическое нормальное распределение со средним отклонением в обе стороны. Среднее значение теста WISC-R – 100 со стандартным отклонением ± 15 . Считается, что балл в диапазоне распределения 85–115 находится в пределах нормы. В данном диапазоне находится 68% группы сравнения, тогда как 98% находится в пределах двух стандартных отклонений, то есть в диапазоне 70–130 баллов. При проведении оценки лица с показателями IQ в диапазоне от 50 до 69 определяются как умственно отсталые в легкой степени. Показатели теста на проверку умственных способностей могут улучшиться в процессе развития лица при наличии фундаментальных когнитивных ресурсов. В настоящем деле имеется информация о том, что показатель IQ [первой заявительницы] был стабильным в период ее детства и юности, а это означает, что ей не удалось преодолеть отставание в интеллектуальном развитии после операции на головном мозге.

1.3. Вывод

Общая информация, полученная из школы, от специализированных служб здравоохранения и от семьи, в целом создает общую картину низкой способности к обучению и социальному функционированию в раннем детстве и во взрослой жизни. [Первая заявительница] плохо училась в школе, несмотря на хорошие условия, значительные дополнительные ресурсы, надлежащие усилия и мотивацию со своей стороны. Таким образом, трудно дать какое-либо иное объяснение ее показателям, кроме общих трудностей в обучении, вызванных фундаментальными когнитивными нарушениями. Это подчеркивается ее неизменно низким показателем IQ, независимо от хирургического лечения эпилепсии.

Она также испытывает трудности, связанные с социальными и эмоциональными функциями, на что постоянно указывалось во всех документах, касающихся детства и юности [первой заявительницы]. Сообщается об отсутствии социальных навыков и социальной адаптации, в первую очередь в отношении социального поведения, которое не соответствует ее возрасту (*ikkealdersadekvat sosial fremtreden*) (“инфантильное”), и о слабом контроле за проявлением импульсивности. Также отмечалось, что [первая заявительница] была очень замкнутой и неуверенной

в себе, что следует рассматривать во взаимосвязи с ее проблемами».

В главе под названием «Оценка функций по осуществлению ухода, компетенций в ситуациях общения и влияния мер по оказанию помощи» содержалась следующая информация:

«5.1. Компетенции лица, осуществляющего уход

Как следует из вышеизложенного, я особо подчеркнула последствия состояния [первой заявительницы] для ее общих функций, а также то, имеются ли у нее необходимые навыки для осуществления ухода за ребенком. Важно отметить, что ни сама [первая заявительница], ни ее родители не считают, что существует связь между ее историей болезни, ее приспособленностью ко взрослой жизни и ее способностью осуществлять уход.

Это не тот случай, когда эпилепсия лишает человека способности осуществлять уход, точно так же, как низкий показатель IQ сам по себе не является основанием для передачи ребенка на попечение государства. Однако результаты теста помогают прояснить, почему нарушаются функции у какого-либо лица, особенно если они рассматриваются во взаимосвязи с другими наблюдениями и описаниями.

[Первая заявительница] с детства страдает серьезной рефрактерной эпилепсией. Это нестабильная форма эпилепсии, которая вызывает поражение головного мозга и влияет на развитие личности в целом. Кроме того, существует проблема появления побочных эффектов от приема ею сильного лекарства в детстве. Д-р [R.B.L.] из SSE, который хорошо знает историю [первой заявительницы], говорит о «бремени эпилепсии», то есть о социально-эмоциональных проблемах, которые могут возникнуть вследствие ограниченной способности к обучению и социальной дезадаптации. Таким образом, вполне разумно предположить, что бремя заболевания само по себе несколько задержало ее развитие. Объективные оценки ее функций, сделанные в разное время в период ее воспитания, подтверждают это. С учетом клинических наблюдений складывается впечатление о [первой заявительнице] как о молодой женщине со значительными когнитивными нарушениями. По моему мнению, именно это выявили государственные службы здравоохранения, когда [первая заявительница] сообщила о своей беременности, и это вызвало беспокойство. При описании ее поведения в период воспитания часто используются такие выражения, как “незрелое” и “инфантильное”, которые встречаются до сих пор, когда ей исполнилось 24 года. Внешность и поведение [первой заявительницы] во многом оправдывают использование таких прилагательных: она небольшого роста, хрупкая и выглядит намного младше своего биологического возраста. Она проживает в доме своих родителей, где ее комната украшена обоями с изображением мумифицированных предметов, которые можно увидеть в комнате подростка.

Меня беспокоит способность [первой заявительницы] заботиться о самой себе. Она кажется юной, неуверенной в себе и отчасти беспомощной. Ее отношения с мужчинами несколько неясны. У нее

были романтические отношения с мужчиной, с которым она проживала в течение короткого периода, однако эти отношения были нестабильными, с эпизодами сексуального насилия. Она забеременела X, когда проживала вместе со своим другом, но [первая заявительница] не смогла объяснить, почему ее друг не является отцом ребенка. Она казалась смущенной в связи с этим и рассказывала разные истории. Она также заразилась венерическим заболеванием (хламидиозом), не зная источника заражения инфекцией. [Первая заявительница] хотела ребенка, однако она положила на волю случая, не принимая во внимание последствия единоличной ответственности за ребенка и то, что для этого потребуется. 7 ноября 2007 г. она сказала врачу из SSE, что не использовала противозачаточные средства и полагала, что на соответствующий момент времени она могла быть беременной. Позднее в тот же день она сказала, что хотела забеременеть. Аборт был сделан на основании социальных показаний в [больнице R.] в ноябре 2007 года на 18 неделе беременности. [Первая заявительница] сделала фотографию плода, что может показаться несколько странным. Она также получила слепок руки и ноги плода. [Больнице R.] описывала [первую заявительницу] как незрелую, имеющую ограниченный круг общения.

Обстоятельства обеих беременностей позволяют сделать некоторые выводы об осознании [первой заявительницей] своего собственного выбора и его последствий. Это важно при оценке ее способности осуществлять уход за ребенком.

Кроме того, [первая заявительница] не получила образование и не имела постоянной работы. В основном она проживала дома в своей прежней комнате, и у нее было мало опыта самостоятельной взрослой жизни с принятием на себя ответственности за устройство своей жизни, обеспечение дохода и определение финансовых приоритетов. Ее отношения с родителями в настоящий момент описываются как хорошие, но в прошлом между ними происходили конфликты. Я считаю их отношения уязвимыми. [Первая заявительница] сама выражает значительное двойственное отношение к своей матери, поскольку, с одной стороны, она считает, что ее мать слишком часто вмешивается в ее жизнь, а, с другой стороны, она сильно зависит от своей матери, воспринимает ее мнение как свое собственное и доверяет ее советам. В то же время ее раздражает, что мать многое решает за нее, и первая заявительница хотела бы, чтобы ее мать “уяснила своей тупой башкой”, что ей нужно немного больше личного пространства, чем сейчас. По словам ее матери, [первая заявительница] просто сидела в своей комнате после того, как ее сына отдали на попечение государства. Ее мать выразила сильную обеспокоенность и сказала, что “едва может вынести” такое состояние своей дочери.

По моему мнению, у [первой заявительницы] есть проблемы с контролем эмоций, что затрудняет ее взаимодействие с другими людьми. С тех пор, как ребенок был отдан на попечение государства, [первая заявительница] чувствовала обиду, боль и злость. Данные эмоции можно понять, если человек считает, что с ним обошлись несправедливо, но в настоящем деле они выражаются без самоконтроля в такой степени, что это обращает

на себя внимание. Описание Окружного совета по социальному обеспечению как “кучки вонючек, подкупленных службой опеки и попечительства”, а сотрудников [учреждения для родителей с детьми] как “этих психопатов” не создает представление о взрослом человеке, способном общаться с другими взрослыми социально приемлемым образом. Интенсивные всплески эмоций [первой заявительницы] в виде плача как дома у ее родителей при обсуждении дела, так и во время сеансов общения также являются поведением, нехарактерным для взрослого человека. Кроме того, рыдания на коленях у отца или матери (как это описано в связи с сеансами общения) не свидетельствуют о том, что человек способен контролировать свои эмоции согласно своему возрасту. [Первая заявительница] также не очень зрело воспринимала поведение своего сына, но чувствовала себя лично отвергнутой и действовала исходя из этого ощущения.

В общении с [первой заявительницей] сложно не отклоняться от сути дела. Ее когнитивный стиль характеризуется неспособностью видеть связи или делать обобщения. Она демонстрирует эгоцентрическое мышление, когда продолжает говорить о злых службах опеки и попечительства или упоминает, что ее родители и все остальные люди не понимают, почему ребенок был передан на попечение государства. Я ссылаюсь на заявление психолога из [учреждения для родителей с детьми] о том, что “утверждениям матери трудно придать какое-либо значение”. Мое мнение о [первой заявительнице], сформированное в ходе наших бесед, заключается в том, что она имеет фрагментированное представление о ситуации. Иными словами, она воспринимает различные ситуации как отдельные эпизоды, не связанные между собой. Соответственно, наставления воспринимается ею как критика, хороший совет – как ругательство и так далее. Данная неспособность к обобщению характерна для мышления [первой заявительницы]. Ей также не хватает способности к абстрактному мышлению и совершению формальных мыслительных операций. Ей трудно думать о прошлом и будущем. Таким образом, сложно получить ответ на вопрос о ее мнении в связи с возможным возвращением ребенка. Она делает некоторые общие заявления, например, что она должна спросить, что он любит есть и смотрит ли он детское телевидение. При этом она не думает о том, какие специальные меры следует принять в отношении эмоционального стресса ребенка, если он будет ей передан. На вопрос о том, что должна делать приемная мать для содействия процессу возвращения ребенка, [первая заявительница] не выдвигает конструктивных предложений. Однако ей хотелось бы, чтобы “она (приемная мать) чувствовала себя так же дерьмово, как и я в течение последнего года”. Данное заявление в совокупности с явной враждебностью (*uttalt fiendtlighet*) в ходе общения не благоприятствует сотрудничеству ни с приемной семьей, ни со службой опеки и попечительства в случае возвращения мальчика.

[Первая заявительница] вложила много энергии в агрессию и развитие враждебности. Это способствовало укреплению у нее стереотипа о службе опеки и попечительства, а также о других лицах, оказывающих помощь, как о противниках.

Рассуждения [первой заявительницы] основываются на принципе «Если вы не со мной, вы против меня», и она не в состоянии различать нюансы. Такое черно-белое мышление характерно для людей с ограниченными когнитивными способностями. Кроме того, мне кажется, что [первая заявительница] страдает депрессией. Я рассматриваю ее интенсивную агрессию как стратегию психологического удержания.

Отсутствуют основания сомневаться в сильном желании [первой заявительницы] стать хорошей матерью. Для этого она сама связалась со службой поддержки. Однако ее мысли и ожидания в этом отношении остаются неясными. По словам ее матери, они думали, что [учреждение для родителей с детьми] является своего рода отелем, где можно получить практическую помощь по уходу за ребенком. Несмотря на всю подготовительную работу и подробную информацию, предоставленную заранее, они не поняли, что пробное пребывание предполагает от родителя демонстрацию своих качеств, а также потребует находиться под наблюдением и проходить обучение. Следовательно, [первая заявительница] чувствует себя преданной и обманутой, что выражается в высказывании оскорбительных выражений и угроз.

Пребывание в [учреждении для родителей с детьми] демонстрирует, что у [первой заявительницы] были проблемы с обработкой и запоминанием информации таким образом, чтобы ее можно было использовать для определения ее поведения. Дело не в отсутствии желания, а в недостаточной способности [первой заявительницы] планировать, организовывать и структурировать свое поведение. Подобные проявления когнитивных нарушений будут распространяться и на уход за ребенком и могут привести к отсутствию ухода за ним.

5.2. Влияние мер по оказанию помощи

Следует придавать значение тому факту, что в настоящее время [первая заявительница] проживает со своими родителями, и это может продолжаться, сколько потребуется. Это своего рода мера оказания помощи. Однако это может стать более проблематичным, чем кажется: [первой заявительнице] 24 года, и она хочет стать независимой, что может противоречить желанию ее матери оказывать ей помощь. Ни ее родители, ни иные лица не смогут указывать, как [первая заявительница] должна организовать свою жизнь и жизнь своего ребенка. Если [первая заявительница] захочет переехать, она сможет сделать это в любой момент. Ее родители не обеспокоены этим. Следовательно, решение должно основываться на том, что в случае возвращения ребенка нельзя с достаточной степенью уверенности сказать, где будет осуществляться основной уход за ребенком в будущем. Таким образом, решение прежде всего должно основываться на способности [первой заявительницы] осуществлять уход за ребенком, а не на возможностях ее окружения по оказанию помощи.

Нахождение в семейном центре стало серьезной мерой по оказанию помощи, которая не имела каких-либо последствий. Последующее наблюдение со стороны службы опеки и попечительства

за сеансами общения отрицательно сказалось на сотрудничестве между семьей [заявительницы] и данной службой. Как члены семьи, так и [первая заявительница] указали, что им не требуется наблюдение или помощь в связи с возвращением ребенка.

5.3. Заключение

По моей оценке, имеются основания утверждать о наличии серьезных недостатков в уходе за ребенком со стороны матери, а также о наличии серьезных недостатков в плане личных контактов и безопасности, в которых он нуждается в соответствии со своим возрастом и уровнем развития. Когнитивные нарушения [первой заявительницы], личностное функционирование и недостаточные умственные способности сделали невозможным нормальный разговор с ней о физических и психологических потребностях маленьких детей. Ее оценки последствий возвращения ребенка на ее попечение и того, что потребуется от нее как от матери, очень ограничены и инфантильны, при этом ее собственные насущные потребности выступают на первый план. Таким образом, установлено, что существует риск сохранения указанных выше недостатков, если ребенок будет проживать с матерью.

Кроме того, установлено, что удовлетворительные условия для ребенка не могут быть созданы матерью посредством мер оказания помощи в соответствии со статьей 4–4 Закона о благополучии детей (например, мер по оказанию помощи на дому или иных мер поддержки родителей) ввиду отсутствия доверия с ее стороны и ее нежелания принимать вмешательство со стороны органов государственной власти с учетом истории ее болезни».

64. Апелляционный суд Норвегии провел слушание по делу с 23 по 25 марта 2010 г. Первая заявительница присутствовала на слушании вместе со своим адвокатом. Были заслушаны 11 свидетелей, кроме того, дала показания назначенная судом эксперт-психолог M.S. (см. выше § 61). Представители муниципальной службы опеки и попечительства главным образом утверждали, что заявители не должны общаться друг с другом. В качестве альтернативы общение могло проходить только два раза в год. Сотрудники службы опеки и попечительства считали, что речь должна идти о «долгосрочном помещении в приемную семью» (*langvarig plassering av barnet*).

65. В постановлении от 22 апреля 2010 г. апелляционный суд оставил в силе решение Совета о принудительной передаче X на попечение государства (см. выше §§ 38–46). Он также сократил права первой заявительницы на общение до четырех посещений в год продолжительностью по два часа.

66. Апелляционный суд принял во внимание информацию, содержащуюся в отчете, подготовленном учреждением для родителей с детьми 23 октября 2008 г. (см. выше § 24). Он также учел показания семейного консультанта, который указал, что мать первой заявительницы находилась с ней в учреждении первые четверо суток (также

см. выше § 17). Далее апелляционный суд отметил:

«Именно после этого усилилось беспокойство по поводу практического ухода за ребенком. По соглашению [первая заявительница] должна была сообщать обо всех сменах подгузников и так далее, о приемах пищи ребенком, но она этого не делала. Ребенок спал дольше, чем обычно. [Семейный консультант] обратил внимание на дыхание ребенка и на то, что он спал во время еды. Вследствие потери веса ребенка нужно было кормить каждые три часа круглосуточно. Иногда персоналу приходилось заставлять мать кормить сына».

67. Апелляционный суд установил, что учреждение для родителей с детьми правильно оценило и, в отличие от Округового суда (см. выше § 51), сочло маловероятным, что оценка была бы другой, если бы у X не было инфекции глаз.

68. Кроме того, апелляционный суд сослался на отчет детской психиатрической клиники от 5 декабря 2008 г. (см. выше § 32). Он также принял во внимание заключение назначенного судом эксперта M.S. (см. выше § 63).

69. Поскольку нахождение в учреждении для родителей с детьми было непродолжительным, апелляционный суд счел целесообразным проанализировать поведение (*fungering*) первой заявительницы в ходе сеансов общения, которые были организованы после помещения X в приемную семью. Наблюдение за этими сеансами было поручено двум лицам, которые составили письменные отчеты, ни один из которых не был положительным. Апелляционный суд решил, что один из кураторов дал «общее негативное описание сеансов общения».

70. Апелляционный суд также сослался на заключения психолога и семейного врача, назначенных службой опеки и попечительства, которые изучали реакции X, проявленные им после посещения первой заявительницы (см. выше §§ 58 и 62).

71. Кроме того, апелляционный суд отметил, что назначенная судом психолог M.S. (см. выше §§ 61 и 63) утверждала в суде, что сеансы общения оказывали настолько негативное влияние на ребенка, что, по ее мнению, мать не должна иметь права на общение с сыном. M.S. считала, что сеансы общения «не были конструктивными для ребенка». В качестве вывода по вопросу о компетенции первой заявительницы как лица, осуществляющего уход, M.S. в своем заключении указала (см. выше § 63), что нахождение в учреждении для родителей с детьми продемонстрировало наличие у первой заявительницы «проблем с обработкой и запоминанием информации таким образом, чтобы ее можно было использовать для руководства ее поведением». Далее психолог отметила:

«Дело не в отсутствии желания, а в недостаточной способности [первой заявительницы] планировать, организовывать и структурировать свое поведение. Подобные проявления когнитивных

нарушений будут распространяться и на уход за ребенком и могут привести к отсутствию ухода за ним» (см. *ibid.*).

72. Апелляционный суд согласился с выводом эксперта M.S., прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о том, могут ли меры по оказанию помощи в достаточной степени скорректировать недостатки в навыках первой заявительницы по уходу за ребенком. В этом отношении апелляционный суд отметил, что причины недостатков компетенции первой заявительницы в качестве лица, осуществляющего уход, являются критическими. В связи с этим апелляционный суд сослался на описание экспертом истории болезни первой заявительницы, а именно на то, что она с детства страдала эпилепсией в тяжелой форме до проведения операции на головном мозге в 2005 году, когда ей было 19 лет.

73. Апелляционный суд отметил, что согласно заключению M.S. история болезни первой заявительницы обязательно должна была отразиться на ее детстве в нескольких аспектах. Оценка апелляционного суда была основана на описании M.S. проблем первой заявительницы со здоровьем и их влиянии на ее социальные навыки и развитие. Кроме того, апелляционный суд отметил, что в качестве меры оказания помощи была предпринята попытка поместить первую заявительницу в учреждение для родителей с детьми (см. выше § 17). Предполагалось, что нахождение там продлится три месяца, но оно было прервано менее, чем через три недели. В качестве условия для более длительного пребывания первая заявительница потребовала гарантии того, что ей разрешат забрать сына домой после окончания периода нахождения в учреждении. Служба опеки и попечительства не смогла предоставить такую гарантию, поэтому первая заявительница вернулась домой 17 октября 2008 г.

74. Апелляционный суд отметил, что соответствующие меры по оказанию помощи предполагали наличие куратора, предоставление дальнейшей помощи и оказание обучения по уходу за детьми. Однако апелляционный суд установил, что надлежащая подготовка первой заявительницы потребует настолько длительного времени, что это не являлось реальной альтернативой непрерывному помещению ребенка в приемную семью. Кроме того, результат такого обучения был неопределенным. В связи с этим апелляционный суд придавал большое значение тому факту, что как первая заявительница, так и ее ближайшие родственники утверждали, что им не требуется наблюдение или помощь в случае возвращения им X. Апелляционный суд согласился с выводами назначенной судом эксперта M.S. (см. выше § 63).

75. Апелляционный суд в своем постановлении от 22 апреля 2010 г. заключил, что постановление об опеке необходимо, и что мер по оказанию помо-

щи матери будет недостаточно, чтобы ее сын мог остаться с ней. Таким образом, условия для вынесения постановления об опеке в соответствии со вторым параграфом статьи 4–12 Закона о благополучии детей (см. ниже § 122) были выполнены. В связи с этим апелляционный суд также придавал значение привязанности, которая возникла у X к его приемным родителям, особенно приемной матери. Что касается права на общение, апелляционный суд отметил, что для лишения родителя права на общение после передачи ребенка на попечение государства требуются исключительные и веские основания, поскольку обычно считается, что такое общение отвечает наилучшим интересам ребенка, особенно в долгосрочной перспективе. В настоящем деле, несмотря на отрицательную информацию о сеансах общения и на рекомендацию психолога-эксперта M.S., согласно которой первой заявительнице не следует предоставлять каких-либо прав на общение, апелляционный суд установил, что не существует исключительных и веских оснований для отказа в общении, но что сеансы общения не должны проводиться слишком часто. Далее апелляционный суд указал следующее:

«Что касается частоты встреч, мнения судей Верховного суда разделились на большинство и меньшинство.

Большинство судей... постановили, что целесообразно установить четыре посещения в год продолжительностью по два часа.

Большинство судей считают необходимым подчеркнуть, что только мать имеет право на общение. Тот факт, что она редко встречалась с [X] наедине, имел определенные негативные последствия. Напряженная атмосфера между присутствующими взрослыми усилилась. Считается, что в присутствии большого количества людей стресс для ребенка увеличивается. Меньшее количество участников приведет к более спокойной атмосфере. Это также соответствует наблюдениям психолога [M.S.]. Атмосфера отношений между взрослыми также может стать менее напряженной, когда дело будет юридически разрешено и пройдет некоторое время. Тот факт, что сеансы общения станут менее частыми, чем в соответствии с предыдущей договоренностью, также уменьшит стресс для ребенка. Следует предположить, что в дальнейшем реакции ребенка будут не такими сильными. Однако самый важный фактор заключается в том, удастся ли матери и, если применимо, иным членам семьи сотрудничать более эффективно и по возможности хорошо относиться к приемной матери, особенно в ходе общения.

Вывод большинства судей о том, что сеансы общения не могут проводиться чаще, чем четыре раза в год, обусловлен вышеизложенными соображениями. Кроме того, помещение в приемную семью, скорее всего, будет долгосрочным. Таким образом, сеансы общения могут служить способом поддержания контакта между матерью и сыном, чтобы он знал о своем происхождении. Представляется, что это важно для развития личности. Целью сеансов общения не является уста-

новление отношений для будущего возвращения ребенка его биологической матери.

Следует уполномочить службу опеки и попечительства контролировать осуществление права на общение. Это необходимо по нескольким причинам, в том числе для ограничения количества участников во время сеансов общения».

Меньшинство судей апелляционного суда, один профессиональный судья, придерживались мнения о том, что права на общение следует установить в количестве двух раз в год.

76. Первая заявительница не обжаловала данное постановление суда, которое, таким образом, стало юридически обязательным.

D. ЖАЛОБА ПЕРВОЙ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ ГУБЕРНАТОРУ ОКРУГА

77. В письме без указания даты первая заявительница жаловалась губернатору округа (*fylkesmannen*) на службу опеки и попечительства. Она утверждала, что служба опеки и попечительства предоставляла ложные сведения и называла ее умственно отсталой, что психолог, назначенная апелляционным судом (см. выше § 61), не была объективной, что ей не следовало разрешать входить в дом первой заявительницы, а также что в ходе сеансов общения первая заявительница подвергалась издевательствам и оскорблениям со стороны куратора и приемной матери, если она приходила одна, и ей больше не разрешалось приводить своих родителей. Первая заявительница утверждала, что можно только предполагать, в какой степени они являются умственно отсталыми или насколько низкий у них IQ. Она считала, что всё дело было основано на недостоверных данных. Она также утверждала, что служба опеки и попечительства лишает людей дееспособности (*umyndiggjør*) и с радостью объявляет их умственно отсталыми (*gjør gjerne folk evneveike*), чтобы получить детей для себя или своих друзей.

78. Директор (*barnevernleder*) муниципальной службы опеки и попечительства ответил 22 июля 2010 г., пояснил, что первая заявительница и ее семья были больше заинтересованы в конфликте со службой опеки и попечительства, чем в установлении хороших и позитивных отношений с X. Первая заявительница с самого начала жаловалась на сотрудников службы опеки и попечительства, которые в свою очередь удовлетворили ее просьбу о назначении нового куратора, но ничего не изменилось в отношении первой заявительницы. Количество контактов было увеличено до трех раз в неделю в соответствии с постановлением Окружного суда (см. выше § 54), и X стал эмоционально реагировать на это. Директор службы опеки и попечительства также сообщил, что его служба понимала сложность данной ситуации для первой заявительницы и предлагала ей помощь (см., *inter*

alia, выше § 48). Что касается сеансов общения, то они попробовали несколько альтернативных вариантов. Сначала они организовывали встречи в комнатах для свиданий в своих офисах, где куратор и приемная мать могли сидеть за столом на некотором расстоянии от первой заявительницы и X таким образом, чтобы они могли при этом вмешиваться, если требовался контроль. Первая заявительница осталась недовольна этим решением. Затем несколько сеансов общения было проведено в приемной семье, но приемная мать сочла это затруднительным ввиду тяжелой атмосферы: она хотела, чтобы дом приемной семьи являлся безопасной средой для X. После этого они сняли квартиру, предназначенную для организации общения. Данный вариант также не подошел первой заявительнице, которая снова подала жалобу. Затем сеансы общения вновь стали проводиться в помещении службы опеки и попечительства, где для указанных целей была выделена новая комната.

79. Директор службы опеки и попечительства также сообщил, что приемная мать по-прежнему присутствовала на сеансах общения. Это было признано абсолютно необходимым, так как она являлась ответственным лицом, осуществляющим уход за X. Кроме того, было признано необходимым присутствие куратора, который бы помогал первой заявительнице. В задачи куратора также входило прекращение сеанса общения, если первая заявительница откажется от руководства. До настоящего момента сеансы не прекращались, но куратор пытался сказать первой заявительнице, что важно уделять больше внимания X и получать удовольствие от общения с ним вместо того, чтобы кричать на службы опеки и попечительства и на приемную мать.

80. В письме на имя первой заявительницы от 26 июля 2010 г. губернатор округа, получив ответ службы опеки и попечительства на свой запрос, проинформировал ее об отсутствии у него возражений против работы службы опеки и попечительства в настоящем деле.

E. ПРОИЗВОДСТВО В ЦЕЛЯХ ОТМЕМЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБ ОПЕКЕ ИЛИ О ЛИШЕНИИ ПЕРВОЙ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ В ОТНОШЕНИИ X И РАЗРЕШЕНИИ ЕГО УСЫНОВЛЕНИЯ

1. Производство в Окружном совете по социальному обеспечению

(a) Введение

81. 29 апреля 2011 г. первая заявительница обратилась в службу опеки и попечительства с ходатайством об отмене постановления об опеке или в качестве альтернативы о расширении прав на общение с X.

82. 13 июля 2011 г. муниципальная служба опеки и попечительства направила запрос в Совет. Муниципалитет предлагал отклонить ходатайство первой заявительницы, лишить ее родительских прав в отношении X (передать их органам государственной власти) и разрешить приемным родителям X, с которыми он проживал с момента его передачи на попечение государства (см. выше § 22), усыновить его. Личность биологического отца X до сих пор неизвестна органам власти. В качестве альтернативы муниципалитет предлагал лишить первую заявительницу прав на общение.

83. В ходе сеанса общения 6 сентября 2011 г. куратор отметила, что первая заявительница была беременна, и спросила, когда должен родиться ребенок, на что первая заявительница, согласно записям куратора, ответила, что, по ее мнению, это должно произойти в канун Нового года. Согласно записям сеанс общения прошел хорошо.

84. 13 сентября 2011 г. адвокат первой заявительницы нанял специалиста по клинической неврологии для тестирования и оценки ее когнитивных способностей.

85. В письмах от 14 сентября и 28 октября 2011 г. в ходе производства в Совете муниципалитет запросил дополнительную информацию о муже первой заявительницы, чтобы иметь возможность связаться с ним и обсудить его будущую роль в жизни первой заявительницы.

86. Между тем, 18 октября 2011 г., первая заявительница родила Y. Она вышла замуж за отца Y летом того же года. Новая семья переехала в другой муниципалитет. Когда службе опеки и попечительства муниципалитета, в котором первая заявительница проживала ранее, стало известно о рождении второго ребенка, она направила письмо с выражением озабоченности в новый муниципалитет, который приступил к изучению родительских навыков первой заявительницы.

87. Также 18 октября 2011 г. специалист по клинической неврологии, нанятый адвокатом первой заявительницы (см. выше § 84), представил свой отчет, в заключении которого отмечалось:

«Согласно шкале интеллекта Векслера для взрослых (WAIS-III) в третьей редакции показатель IQ [первой заявительницы] равен 86. Стандартные погрешности в измерениях указывают, что с вероятностью 95% ее показатель IQ находится в диапазоне от 82 до 90. Нормой считается диапазон от 85 до 115. Способности [первой заявительницы] находятся в пределах нижней части нормального диапазона. Однако она демонстрирует значительные трудности в обучении, которые... [svak¹], чем это следует из ее показателя IQ (*betydelige lærevansker som er svakere enn hva hennes IQ skulle tilsi*). Указанные трудности считаются совместимыми с когнитивными нарушениями».

¹ Svak (норв.) – слабый, мягкий (примеч. переводчика).

В ответ на запрос о последующем сопровождении специалист по клинической неврологии написал письмо адвокату первой заявительницы 27 октября 2011 г., указав следующее:

«Общий показатель IQ от 82 до 90 сам по себе не является фактором, на основании которого можно сделать вывод о ее неспособности к осуществлению ухода за детьми. Способности к уходу следует в большей степени оценивать посредством наблюдения за лицом, осуществляющим уход, и за ребенком, а также на основании общей информации о других обстоятельствах. Не будучи экспертом в данной области, я полагаю, что оценка решающих факторов будет включать в себя, среди прочего, способность лица, осуществляющего уход, проявлять сочувствие к ребенку, понимать и удовлетворять его потребности, способность интерпретировать сигналы, подаваемые ребенком, и способность откладывать (*utsette*) реализацию своих собственных желаний в пользу потребностей ребенка.

Такая оценка должна быть проведена квалифицированным психологом, имеющим опыт работы в данной области».

88. 8 ноября 2011 г. адвокат первой заявительницы направил Совету копию медицинского журнала от 2 ноября 2011 г. Как следует из этого документа, врач согласился дать показания по телефону в ходе предстоящего производства по делу. Врач не выявил ничего, что было бы связано с эпилепсией или когнитивными способностями первой заявительницы и что указывало бы на ее неспособность осуществлять уход за ребенком.

89. 28–30 ноября 2011 г. Совет в составе адвоката, психолога и представителя общественности провел слушания, на которых присутствовала первая заявительница вместе со своим законным представителем. Кроме того, был заслушан 21 свидетель.

(b) Решение Совета

90. 8 декабря 2011 г. Совет принял решение о лишении первой заявительницы родительских прав в отношении X и о разрешении приемным родителям X усыновить его. Совет пришел к выводу, что ничто в настоящем деле не указывало на улучшение родительских навыков первой заявительницы с момента вынесения постановления апелляционным судом от 22 апреля 2010 г. (см. выше §§ 65–75). Следовательно, она по-прежнему считалась неспособной обеспечить X надлежащий уход. Кроме того, Совет отметил:

«В своем обращении в Окружной совет по социальному обеспечению мать поддержала свое мнение о том, что постановление об опеке явилось результатом заговора между службой опеки и попечительства, [учреждением для родителей с детьми] и приемными родителями с целью “помочь женщине, которая не может иметь детей”. По словам матери, имел место “предварительный заказ на ребенка”. Мать не осознавала,

что не оказывала внимания [X], и утверждала, что она потратила большую часть своего времени и энергии на “дело”.

Отчеты о сеансах общения между матерью и [X] последовательно (*gjennomgående*) свидетельствуют о том, что она по-прежнему не способна сконцентрироваться на [X] и на том, что лучше для него, но она находится под влиянием своей негативной позиции в отношении приемной матери и службы опеки и попечительства.

[Первая заявительница] вышла замуж и родила второго ребенка этой осенью. Психолог [К.М.] отметил в Совете, что, по его наблюдениям, взаимодействие между матерью и ребенком хорошее и что мать осуществляет надлежащий уход за ребенком. Совет принимает данную информацию к сведению. По мнению Совета, это наблюдение ни в коем случае не может быть использовано в качестве основания для заключения о том, что мать обладает компетенцией в качестве лица, осуществляющего уход за [X].

Окружной совет по социальному обеспечению считает разумным предположить, что [X] является особенно уязвимым ребенком. Он испытывал серьезное отсутствие ухода за ним, представляющее угрозу для его жизни, в течение первых трех недель своей жизни. Кроме того, следует принимать во внимание тот факт, что было проведено много сеансов общения с матерью, некоторые из которых вызвали значительный стресс у [X]. В целом он многое пережил. Он три года проживал в приемной семье и не знает о своей биологической матери. Если вернуть [X] на попечение его матери, это потребует, помимо прочего, развитой способности сопереживать и понимать [X] и проблемы, с которыми он столкнется, что особенно проявится в чувствах грусти и тоски по его приемным родителям. Мать и ее семья казались полностью лишенными такого сочувствия и понимания. Мать и бабушка заявили, что это не будет являться проблемой и что “его просто нужно отвлекать”. Таким образом, сложилось впечатление, что они не испытывают сочувствия к мальчику и, следовательно, не способны оказывать психологическую помощь, которая потребуется ему в случае возвращения».

91. Кроме того, Совет особо отметил выводы эксперта M.S. (см. выше § 63). Они были процитированы апелляционным судом в его постановлении от 22 апреля 2010 г. (см. выше §§ 65–75). Совет установил, что указанное описание первой заявительницы по-прежнему было точным. В любом случае решающим фактором стало то, что X настолько привязался к своей приемной семье, что его изъятие приведет к возникновению у него серьезных и долговременных трудностей.

92. Совет далее отметил:

«[X] три года проживал в приемной семье как равный член семьи. Эти три года составляют всю жизнь мальчика. Мы считаем обоснованным, что его основным источником безопасности и чувства принадлежности является его приемная семья. Он считает приемных родителей своими биологическими родителями. Кроме приемной семьи, надлежащее наблюдение за [X] осуществляется в детском саду и со стороны остальных членов семьи

приемных родителей. Мы не сомневаемся в том, что изъятие [X] из этой среды и возвращение его биологической матери приведет к значительным и серьезным проблемам. Следует учитывать тот факт, что у него уже возникли значительные трудности через год, когда количество контактов существенно увеличилось. По нашей оценке, для развития и благополучия мальчика крайне важно, чтобы он продолжал жить в приемной семье.

Исходя из этого Окружной совет по социальному обеспечению должен решить вопрос о лишении родительских прав и, если необходимо, дать согласие на усыновление.

В первом и втором параграфах статьи 4–20 Закона о благополучии детей указано, что может быть принято решение о лишении родителей родительских прав, которое является предварительным условием для согласия на усыновление. Условием является вынесение Окружным советом по социальному обеспечению постановления об опеке над ребенком.

Совет принимает свое решение на основе сложившейся прецедентной практики, допускающей лишение биологических родителей их родительских прав в целях создания возможностей для усыновления. В этом состоит основная цель предложения службы опеки и попечительства лишить мать ее родительских прав в настоящем деле.

Формулировка статьи 4–20 Закона о благополучии детей устанавливает гораздо более строгие условия для предоставления согласия на усыновление, чем для лишения родителей их родительских прав. Однако если цель решения в соответствии с первым параграфом состоит в предоставлении возможности для усыновления, то основания, требующие усыновления, также будут являться причинами для лишения родительских прав.

Таким образом, в настоящем деле необходимо решить вопрос о том, соблюдаются ли условия предоставления согласия на усыновление. Третий параграф статьи 4–20 Закона о благополучии детей гласит:

“Согласие может быть дано, если:

(a) следует считать вероятным, что родители не смогут на постоянной основе обеспечить надлежащий уход за ребенком, или ребенок настолько привязался к людям и среде, в которой он проживает, что по общей оценке изъятие ребенка из такой среды может привести к серьезным последствиям для него, и

(b) усыновление отвечает наилучшим интересам ребенка, и

(c) лица, ходатайствующие об усыновлении, являлись приемными родителями ребенка и продемонстрировали свою способность воспитать ребенка как своего собственного, и

(d) условия для разрешения усыновления в соответствии с Законом об усыновлении удовлетворены”.

Прежде всего Окружной совет по социальному обеспечению отмечает, что имеются веские основания для лишения матери родительских прав в отношении [X], независимо от вопроса об усыновлении. Следует принимать во внимание, что

[X] проживал в приемной семье практически всю свою жизнь, поэтому вполне естественно, что приемные родители принимают решения от его имени, что связано с осуществлением родительских прав. Невосприимчивое поведение матери, не в последнюю очередь в режиме реального общения, также указывает на то, что она может причинить ребенку значительный вред (*ramme ham hardt*), когда он станет достаточно взрослым, чтобы понять это.

Окружной совет по социальному обеспечению считает (*legger til grunn*), что мать не сможет на постоянной основе обеспечить [X] надлежащий уход и что [X] так сильно привязался к своим приемным родителям, брату и остальным членам семьи, что его переезд приведет к серьезным осложнениям для него. Мы учитываем изложенные выше соображения. Условие, содержащееся в пункте «а» [третьего параграфа] статьи 4–20 Закона о благополучии детей, выполнено.

Усыновление представляет собой весьма насильственную меру по отношению к биологическим родителям и ребенку. По этой причине требуются особенно веские основания. В соответствии с прецедентной практикой Верховного суда Норвегии решение должно быть основано на конкретной оценке, но также должно опираться на общий опыт, накопленный детской психологией или детской психиатрией. Следует упомянуть, в частности, решение Верховного суда Норвегии, опубликованное в Сборнике решений Верховного суда (*Norsk Retstidende, Rt.*) за 2007 год, с. 561 и далее, где упоминается высказывание назначенного судом эксперта, который указал, что по общему правилу приемная семья не является предпочтительным вариантом для долгосрочного размещения детей, которые попали в приемную семью до развития привязанности к своим биологическим родителям. В подобных случаях усыновление будет в наибольшей степени способствовать развитию ребенка. В решении отмечалось, что следует придавать большое значение такому общему, но гибкому опыту.

Окружной совет по социальному обеспечению принимает свое решение (*legger til grunn*) на основании того, что мать не дает согласия на усыновление [X]. Как описано выше, она всецело, хотя и неуместно (*uhensiktsmessig*) стремится к тому, чтобы вернуть его под свое попечение.

По оценке Окружного совета по социальному обеспечению, согласие на усыновление, безусловно, отвечает наилучшим интересам [X]. Окружной совет по социальному обеспечению не считает, что возвращение [X] на попечение его матери является возможным вариантом. Его помещение в приемную семью считается постоянным. [X] считает своих приемных родителей своими биологическими родителями, и они единственные родители, которых он знает. Усыновление даст [X] дополнительную гарантию того, что он – сын своих приемных родителей».

93. Далее Совет вновь сослался на решение Верховного суда Норвегии (*Høyesteretts*), опубликованное в Сборнике решений *Norsk Retstidende (Rt.)* за 2007 год, с. 561 (также см. ниже § 125), и пришел к выводу, что доводы, лежащие в основе следующего параграфа из указанного решения, подтверж-

денные Европейским Судом в Постановлении по делу «Эуне против Норвегии» (*Aune v. Norway*) (от 28 октября 2010 г., жалоба № 52502/07, § 37), также были уместны в настоящем деле:

«Решение о том, чтобы он оставался приемным ребенком, будет означать для него, что люди, с которыми он всегда проживал, которые являются его родителями и с которыми он установил самые ранние отношения и чувство принадлежности, должны оставаться под контролем служб опеки и попечительства, органов государственной власти, и что общество не рассматривает их как его настоящих родителей, а, скорее, как приемных родителей по соглашению, которое может быть расторгнуто...».

Совет счел, что приведенные общие соображения точно описывали ситуацию X. Усыновление отвечает наилучшим интересам X. Условие, содержащееся в пункте «b» третьего параграфа статьи 4–20 Закона о благополучии детей (см. ниже § 122), было признано выполненным.

94. Кроме того, X был экстренно передан на воспитание приемным родителям, которые оставались его приемными родителями в течение всего периода с момента его экстренной передачи на воспитание, когда ему было три недели. Совет отметил, что согласно документам они обеспечивали X отличный уход и что связь между ними и X была прочной и тесной. Приемные родители очень хотели усыновить X. По мнению Совета, приемные родители продемонстрировали, что они готовы воспитывать X как своего собственного ребенка. Условия, содержащиеся в пункте «с» третьего параграфа статьи 4–20 Закона о благополучии детей (см. ниже § 122), были признаны выполненными.

95. Таким образом, усыновление отвечает наилучшим интересам X. Совет учитывал положения статьи 8 Конвенции при принятии решения.

2. Производство в Окружном суде

(a) Вводная информация

96. 19 декабря 2011 г. первая заявительница обжаловала данное решение, утверждая, что Совет неверно оценил доказательства при принятии решения о том, что она не могла обеспечить X надлежащий уход. Она считала, что возвращение X на ее попечение отвечает его наилучшим интересам, и утверждала, что ее положение и ее навыки по уходу за детьми изменились. Теперь она была замужем, и у пары родился ребенок. Она утверждала, что службы опеки и попечительства в новом муниципалитете их проживания помогли им заботиться о ребенке. Кроме того, по ее мнению, изъятие X из приемной семьи создаст для него сложности только в краткосрочной перспективе, и не стоит ожидать возникновения долгосрочных проблем. X проживал в приемной семье в течение короткого периода, и это не приемные родители вырази-

ли желание усыновить ребенка, а служба опеки и попечительства проявила данную инициативу. Первая заявительница также отмечала, что контакты между нею и X были удовлетворительными. Если служба опеки и попечительства считает сеансы общения ненадлежащими, то данная служба как более сильная сторона должна принять меры к тому, чтобы они стали удовлетворительными.

97. Муниципалитет выразил возражения против жалобы и в своем ответе отметил, что X, которому в соответствующий период было три года и четыре месяца и который проживал в приемной семье с тех пор, как ему исполнилось три недели, привязался к приемной семье. Муниципалитет повторил, что его возвращение на попечение своей матери приведет к возникновению для него серьезных и долгосрочных проблем. Мальчик не помнил того периода, когда он находился на попечении своей матери. По мнению муниципалитета, способность первой заявительницы осуществлять уход за X не изменилась с момента вынесения постановления апелляционного суда от 22 апреля 2010 г. Контакты между X и первой заявительницей не дали результатов. У нее случались приступы в ходе общения, и она уходила раньше срока. После этого X реагировал отрицательно. Первая заявительница и ее мать проявили достаточно негативное отношение к службе опеки и попечительства. Первая заявительница утверждала, что служба опеки и попечительства помогала им заботиться о ребенке, в то время как в действительности они отказали сотрудникам службы опеки и попечительства в доступе в их дом, и, соответственно, не было принято каких-либо мер по оказанию помощи. Признается, что именно служба опеки и попечительства взяла на себя инициативу ходатайствовать об усыновлении, но это было ее обязанностью в таком деле, каковым является настоящее дело. Наилучшим вариантом для X была возможность развить крепкую привязанность к приемной семье, которую дало бы ему усыновление. Муниципалитет подчеркнул, что не эпилепсия первой заявительницы и не ее показатель IQ послужили основанием для принятия мер, а ее незрелость и фактическое отсутствие навыков по уходу за детьми. Психологу К.М., нанятому первой заявительницей (см. ниже § 98), не следует давать разрешение на дачу показаний. Он снял на видео сеанс общения без согласия сторон, отказался отправить это видео в службу опеки и попечительства, никогда не предоставлял каких-либо документов в письменном виде или документов, качество которых было бы проверено, что соответствовало обычной процедуре вынесения экспертных заключений. Муниципалитет уже направил информацию о нем органам здравоохранения и Совету по этике при Ассоциации психологов.

98. 22 февраля 2012 г. Окружной суд в составе одного профессионального судьи, одного психоло-

га и одного представителя общественности в соответствии со статьей 36–4 Закона о разрешении споров (см. ниже § 133) оставил решение в силе после проведения слушания, которое продолжалось с 13 по 15 февраля 2012 г. и в ходе которого был заслушан 21 свидетель. Среди свидетелей, вызванных службой опеки и попечительства, были лица, ответственные за наблюдение за приемной семьей и сеансами общения, S.H. из детской и юношеской психиатрической поликлиники, эксперты-психологи B.S. и M.S. (см., *inter alia*, выше §§ 58, 61–63) и семейный консультант из учреждения для родителей с детьми (см., например, выше § 24). Среди свидетелей, вызванных первой заявительницей, были члены ее семьи, ее муж и члены его семьи, главный врач больницы, в которой первой заявительнице в 2005 году была сделана операция (см. выше § 72), и специалист в области психологии К.М. (см. выше § 97). Первая заявительница присутствовала вместе со своим адвокатом.

(b) Доводы Окружного суда о возможности прекращения государственного попечения в отношении X

99. В предварительной части своего постановления Окружной суд констатировал, что в ходе слушания некоторое время было уделено тому, чтобы прояснить обстоятельства, предшествовавшие принятию решения о передаче X на попечение государства. Окружной суд отметил, что он изучит ситуацию до принятия решения о помещении в приемную семью только в той степени, в которой это необходимо для надлежащей оценки ситуации на момент вынесения постановления.

100. Окружной суд также подчеркнул, что положение первой заявительницы в некоторых аспектах улучшилось за последний год. Она вышла замуж в августе 2011 года, у ее мужа была постоянная работа, и у них была дочь Y. Окружной суд также отметил, что служба опеки и попечительства в муниципалитете текущего проживания пары постоянно изучает способности матери осуществлять уход за Y. Сотрудники службы опеки и попечительства нового муниципалитета дали показания в ходе устного слушания, указав, что они не получали каких-либо сообщений, в которых бы выражалось беспокойство, кроме как от службы опеки и попечительства муниципалитета предыдущего места проживания первой заявительницы. В рамках изучения вопроса они провели ряд исследований в доме первой заявительницы. Они отметили много позитивных признаков, но также и то, что родителям, возможно, потребует некоторая помощь с привычками и в повседневной деятельности. Как установил Окружной суд, это указывало на то, что служба опеки и попечительства в муниципалитете, куда переехала первая заявительница, сочла, что родители смогут обеспечить Y надлежащий уход,

если им будет оказана помощь со стороны службы опеки и попечительства. У не имела особых потребностей в уходе.

101. Тем не менее, как следует из доказательств, иная ситуация складывалась в отношении X, которого несколько экспертов назвали уязвимым ребенком. Окружной суд сослался, в частности, на заявление специалиста из детской и юношеской психиатрической поликлиники, в котором пояснялось, что еще в декабре 2011 года X быстро приходил в возбужденное состояние и нуждался в тишине, безопасности и поддержке. Чтобы его эмоциональное развитие в будущем было полноценным, лицо, осуществляющее уход, должно знать об этом и учитывать этот фактор. Когда первая заявительница давала показания в суде, она четко продемонстрировала непонимание того, с какими трудностями она столкнется в случае изъятия X из приемной семьи. Она не замечала его уязвимости, ее главная задача состояла в том, чтобы он рос там, «где его место». Первая заявительница полагала, что его возвращение не будет проблематичным, и по-прежнему не понимала, почему службе опеки и попечительства пришлось вмешаться, когда X экстренно передали на воспитание в приемную семью. Она не хотела говорить о своем мнении по поводу того, как X развивается в приемной семье. По мнению Окружного суда, первая заявительница не сможет в достаточной мере заметить или понять потребности X в особом уходе, а неудовлетворение данных потребностей приведет к существенному риску патологического развития X.

102. Окружной суд также принял во внимание описание приемными родителями и куратором эмоциональных реакций X после общения с матерью, а именно его безудержные рыдания и потребность много спать. В ходе сеансов общения X неоднократно сопротивлялся контакту с первой заявительницей и по мере общения проявлял реакции, которые были описаны как отстраненность. По мнению Окружного суда, возможная причина такого поведения заключалась в том, что мальчик был подвержен ненадлежащему взаимодействию и информации, которые не были адаптированы к его возрасту и особенностям функционирования. Эмоциональные всплески первой заявительницы в ходе сеансов общения, например, когда X пошел к своей приемной матери и назвал ее «мумией», считались потенциально пугающими (*skremmende*) и не способствующими полноценному развитию X.

103. Окружной суд постановил, что представленные доказательства «четко указывали» на то, что «фундаментальные ограничения» (*grunnleggende begrensningene*), которые существовали на момент вынесения постановления апелляционного суда, по-прежнему имели место. Во время рассмотрения дела Окружным судом не было установлено фактов, которые бы указывали на развитие у пер-

вой заявительницы положительного отношения к службе опеки и попечительства или приемной матери, кроме ее заявления о том, что она готова к сотрудничеству. Она одергивала приемную мать, когда та здоровалась с ней во время сеансов общения, и никогда не спрашивала об X. Во время последней встречи первая заявительница в раздражении ушла за 40 минут до ее планируемого окончания. Все лица, присутствовавшие в ходе сеансов общения, описали атмосферу во время них как неприятную. По мнению Окружного суда, одна из возможных причин, по которой компетенция первой заявительницы в процессе сеансов общения не улучшилась, состояла в том, что она подобным образом пыталась справиться со своими эмоциями и тоской по X, что она была неспособна принять во внимание чувства ребенка и защитить его от своих эмоциональных вспышек. Улучшение могло наступить лишь при условии понимания первой заявительницей X и его потребностей и при ее желании работать над собой и своими недостатками. В компетенции первой заявительницы в ситуациях общения не проявлялись какие-либо положительные изменения в течение трех лет, когда она имело право на общение. Тот факт, что ее родители весьма отрицательно относились к муниципальным службам опеки и попечительства, не облегчал ей жизнь.

104. Первая заявительница утверждала в суде, что она стала жертвой несправедливости и что она будет бороться до тех пор, пока X не будет возвращен ей. Чтобы объяснить свою ситуацию, она решила опубликовать свою историю в Интернете в июне 2011 года, разместив свою фотографию и фотографию X. В данной статье и нескольких комментариях, данных осенью 2011 года, она выступила с серьезными обвинениями против службы опеки и попечительства и приемных родителей и сообщила, что обвинения, которые она признала в суде, не соответствуют действительности. Первая заявительница не считала, что публичность и повторные судебные разбирательства могут причинить вред ребенку в долгосрочной перспективе.

105. Окружной суд отметил, что психолог К.М. (см. выше §§ 97–98), который осматривал и лечил первую заявительницу, пояснил, что ее состояние не соответствовало критериям какого-либо психиатрического диагноза. Он консультировал ее в связи с травмой, причиненной ей вследствие изъятия ребенка. Цель лечения состояла в том, чтобы дать первой заявительнице возможность почувствовать себя хорошей матерью. Он полагал, что предыдущие оценки способностей первой заявительницы осуществлять уход были неверными, и утверждал в Окружном суде, что наилучшим исходом для X будет возвращение его биологической матери. При этом Окружной суд отметил, что доводы психолога К.М. были основаны на исследованиях, прове-

денных в 1960-х годах, и признал их несовместимыми с недавними исследованиями здоровья младенцев. Он также подчеркнул, что другие эксперты, которые давали показания в суде, в том числе психологи В.С. и М.С., рекомендовали не возвращать Х матери, так как в связи с этим ему мог быть причинен существенный вред.

106. В заключение, на настоящий момент Округной суд согласен с Округным советом по социальному обеспечению в том, что поведение первой заявительницы не изменилось таким образом, который указывал бы на высокую вероятность того, что она сможет предоставить Х надлежащий уход. Округной суд поддержал доводы Совета, решив, что явно выраженные ограниченные способности первой заявительницы как лица, осуществляющего уход, нельзя сгладить посредством адаптированной переходной программы, мер по оказанию помощи или поддержки со стороны ее окружения. Округной суд не нашел оснований для более подробного рассмотрения иных доводов, касающихся ее способности осуществлять уход, поскольку возвращение ей Х в любом случае не считалось приемлемым вариантом ввиду серьезных проблем, которые возникнут у него вследствие изъятия из приемной семьи. На настоящий момент Округной суд согласен с решением Совета, который установил, что Х настолько привязался к своим приемным родителям, брату и к общей атмосфере в приемной семье, что его предполагаемый переезд вызовет у него серьезные проблемы. Первичное чувство безопасности и принадлежности сформировалось у Х в приемной семье, и психологически он считал приемных родителей своими биологическими родителями. На этом основании постановление об опеке не может быть отменено.

*(с) Доводы Округного суда
о возможности лишения матери
родительских прав в отношении Х
и дачи согласия на его усыновление*

107. Обращаясь к вопросу о лишении родительских прав и дачи согласия на усыновление, Округной суд прежде всего отметил, что в случае вынесения постановления об опеке для лишения родительских прав, по общему правилу, достаточно, чтобы это отвечало наилучшим интересам ребенка. В то же время в нескольких решениях Верховного суда Норвегии подчеркивалось, что лишение родительских прав представляет собой исключительную меру и что для принятия соответствующего решения требуются очень веские основания (см., *inter alia*, ниже § 125). Требования к усыновлению были еще строже. Тем не менее вопросы о лишении матери родительских прав и даче согласия на усыновление следует рассматривать во взаимосвязи, поскольку основной причиной лишения родительских прав является со-

действие усыновлению. Округной суд также принял во внимание, что, если первая заявительница сохранит свои родительские права, в будущем она может вступать в конфликты по поводу прав, которые они за собой влекут, например, в связи с показом ребенка в Интернете.

108. Округной суд далее отметил, что усыновление может быть разрешено только в том случае, если были соблюдены четыре условия, изложенные в третьем параграфе статьи 4–20 Закона о благополучии детей (см. ниже § 122), и поддержал доводы Совета, на основании которых было установлено соблюдение следующих критериев: указанных в подпункте «а», а именно, что следует считать вероятным тот факт, что первая заявительница не сможет предоставить Х надлежащий уход на постоянной основе или что Х настолько привязался к своей приемной семье и окружению, что, по общей оценке, его изъятие может привести к серьезным проблемам для него; в подпункте «с», а именно, что лица, ходатайствующие об усыновлении, являлись приемными родителями Х и продемонстрировали свою способность воспитать его как своего собственного ребенка; в подпункте «d», а именно, что условия для разрешения усыновления в соответствии с Законом об усыновлении (см. ниже § 132) удовлетворены. Что касается подпункта «d», Округному суду были представлены дополнительные документы. В настоящем деле решающим являлся вопрос о том, отвечало ли усыновление наилучшим интересам Х в соответствии с подпунктом «b» и следует ли дать согласие на усыновление на основе общей оценки. В отношении такой оценки в нескольких решениях Верховного суда Норвегии указывалось на необходимость наличия очень веских оснований для того, чтобы дать согласие на усыновление против воли биологического родителя. Требуется высокая степень уверенности в том, что усыновление отвечает наилучшим интересам ребенка. Кроме того, также было очевидно, что решение должно основываться не только на конкретной оценке, но и на общем опыте исследований в области детской психологии. Следует упомянуть, в частности, решение Верховного суда Норвегии, опубликованное в Сборнике решений Верховного суда (Rt.) за 2007 год, с. 561 (см. ниже § 125).

109. Применяя общие принципы в настоящем деле, Округной суд прежде всего отметил, что Х в соответствующий период было три года и он проживал в приемной семье с тех пор, как ему исполнилось три недели. Его основная привязанность в социальном и психологическом смысле сформировалась в отношении приемных родителей, и в любом случае речь шла о его долгосрочном помещении. Кроме того, Х являлся уязвимым ребенком, и усыновление помогло бы укрепить его чувство привязанности к своим приемным родителям, которых он считал своими родными роди-

телями. Для развития ребенка ему было особенно важно чувствовать надежную и крепкую связь со своими психологическим родителям. Усыновление давало бы X чувство общности и безопасности в последующие годы в течение более длительного периода, чем если бы у него продолжались отношения с приемной семьей. Практические соображения также указывают на то, что лица, которые осуществляли уход за ребенком и контроль за ним и фактически действовали как его родители, должны выполнять функции, вытекающие из родительских прав.

110. Окружной суд отметил, что усыновление означало разрыв правовых связей с биологической семьей. По его мнению, X не имел психологической связи со своей матерью, несмотря на то, что провел с ней первые три недели жизни и многократно общался с нею. Ситуация далее не изменилась, хотя позднее ему сообщили, что его родила первая заявительница.

111. Кроме того, Окружной суд принял во внимание тот факт, что даже в отсутствие дальнейших сеансов общения приемные родители положительно отнеслись к тому, чтобы разрешить X общаться со своей биологической матерью, если он захочет это делать.

112. На основании общей оценки Окружной суд решил, что в наилучших интересах X будет лишиться первую заявительницу родительских прав и позволить приемным родителям усыновить его. Окружной суд счел, что в настоящем деле имелись особенно веские основания для дачи согласия на усыновление.

113. Наконец, Окружной суд отметил, что, поскольку он принял решение об усыновлении X, он не может принять решение о правах первой заявительницы на общение, так как данный вопрос должен быть разрешен приемными родителями. Он отметил, что статья 4–20а Закона о благополучии детей предусматривает правовое основание для определения прав на общение после усыновления (см. ниже § 122, где данное положение повторяется, а также § 128 о системе «открытого усыновления»). Однако Окружной суд не обладал полномочиями для рассмотрения или определения подобных прав, поскольку его полномочия зависели от стороны дела, обратившейся с соответствующим ходатайством. В настоящем деле ни одна из сторон не обращалась с таким ходатайством.

3. Производство в апелляционном суде и Верховном суде Норвегии

114. 14 марта 2012 г. первая заявительница через своего адвоката обжаловала данное постановление, утверждая, что Окружной суд неправильно оценил доказательства, сделав вывод о том, что первая заявительница не сможет обеспечить X надлежащий уход на постоянной основе. Адвокат

указал, что апелляционный суд должен назначить эксперта, чтобы оценить помощь, которую муж первой заявительницы оказывает матери и ребенку, а также навыки первой заявительницы по уходу за ребенком на соответствующий период времени. В ответ на письмо апелляционного суда от 16 марта 2012 г. адвокат также отметил, что Окружной суд должен был получить оценку эксперта относительно способности первой заявительницы и ее мужа обеспечивать надлежащий уход.

115. В своем ответе от 26 апреля 2012 г. на доводы первой заявительницы о том, что с учетом ее новой ситуации необходимо проведение экспертизы, муниципалитет, *inter alia*, сообщил, что он несколько раз обращался за разрешением познакомиться с мужем первой заявительницы (см., например, выше § 85), но первая заявительница последовательно игнорировала такие обращения. Поскольку служба опеки и попечительства, ответственная за X, не знала о положении семьи в их новом муниципалитете, она ориентировалась только на информацию, полученную от службы опеки и попечительства в указанном муниципалитете, на основании которой нельзя было сделать вывод о том, что первая заявительница может осуществлять уход за X.

116. 12 июня 2012 г. первая заявительница, которая консультировалась с новым адвокатом, предоставила апелляционному суду заявление службы опеки и попечительства в ее новом муниципалитете. Из этого заявления от 21 марта 2012 г. следовало, что данная служба опеки и попечительства посещала семью пять раз, каждый визит продолжался полтора часа. По мнению службы опеки и попечительства, семье требовалась помощь в форме руководства по взаимодействию с ребенком, которую они могли бы получить на дому от местных специалистов по работе с детьми (*spedbarNSTeamet*), а также от социального работника (*miljøterapeut*), который мог бы помочь с установлением режима дня, повседневной жизни и обеспечением чистоты. Адвокат первой заявительницы также утверждал, что присутствие приемной матери во время сеансов общения препятствовало (*virket forstyrrende på*) их реализации.

117. 23 августа 2012 г. адвокат первой заявительницы предоставил отчет службы опеки и попечительства в новом муниципалитете первой заявительницы от 5 июня 2012 г. В отчете, *inter alia*, указывалось, что родители ранее сообщили, что они примут советы и наставления по рекомендации службы опеки и попечительства. Мать заявила, что у нее был отрицательный опыт взаимодействия со «специалистами по работе с детьми», но что она может принять помощь от них, если ее контактным лицом назначат другого человека. В отчете далее отмечалось, что, по мнению службы опеки и попечительства, речь шла о двух родителях, которые сказали, что они хотят лучшего для свое-

го ребенка. Первая заявительница играла с ребенком, разговаривала с ней¹ и активно занималась ею. На основании всей информации, полученной по результатам наблюдений, служба опеки и попечительства сочла, что родителям необходимо работать над режимом дня, чистотой и вовлеченностью в жизнь ребенка. Родители согласились с назначением социального работника для оказания им помощи по дому.

118. Одновременно с этим 22 августа 2012 г. апелляционный суд отказал в разрешении на обжалование, поскольку условия, изложенные в статье 36–10 Закона о разрешении споров (см. ниже § 133), не были соблюдены. Апелляционный суд решил, что дело не затрагивает каких-либо новых правовых вопросов, имеющих значение для единообразного применения права. Что касается вопроса о том, появилась ли новая информация, апелляционный суд отметил, что оценка от 21 марта 2012 г. была сделана, *inter alia*, лицом, которое давало показания в Окружном суде, и что данный документ не изменит исход дела. Навыки первой заявительницы по осуществлению ухода за ребенком были тщательно изучены в рамках рассмотрения дела Советом, и отсутствовала какая-либо информация, указывающая на изменения в этом отношении. Кроме того, доводы Окружного суда были убедительны, и апелляционный суд отметил, что первая заявительница не ходатайствовала о том, чтобы заслушать эксперта в апелляционном суде, и не привела каких-либо оснований в Окружном суде относительно необходимости назначения эксперта. Как было отмечено, отсутствовала информация, которая указывала бы на какие-либо изменения в ее навыках по осуществлению ухода за ребенком. Таким образом, постановление Окружного суда и процедура рассмотрения дела в нем не содержали каких-либо серьезных недостатков, поэтому отсутствовали основания для разрешения обжалования.

119. 24 сентября 2012 г. первая заявительница обжаловала данное постановление в Верховном суде Норвегии. Она предоставила оценку от 14 августа 2012 г., касающуюся опыта социального работника по работе с семьей и того, как семья осуществляет уход за Y (см. выше § 117). В данном документе был сделан вывод о том, что имело место положительное развитие [первой заявительницы] и что социальный работник должен по-прежнему оказывать помощь семье. Первая заявительница утверждала, что Окружной суд ориентировался в основном на старые документы, а не на обстоятельства, существовавшие на момент вынесения постановления, и игнорировал тот факт, что оспариваемое постановление лишило Y возможности общения с X. Она также повторила свой довод

о том, что присутствие приемной матери мешало сеансам общения (см. выше § 116), и настаивала на том, что служба опеки и попечительства не организовала сеансы общения должным образом.

120. В своем ответе от 4 октября 2012 г. муниципалитет отметил, *inter alia*, положительную сторону того, что первая заявительница и ее муж сумели воспользоваться наставлениями социального работника, но X был уязвимым ребенком, тогда как Y не сталкивалась с подобными проблемами. Что касается довода первой заявительницы о том, что Окружной суд не основывал свое постановление на обстоятельствах, существовавших на дату его вынесения, муниципалитет отметил, что пять из восьми свидетелей, которых он вызвал, и все свидетели, вызванные первой заявительницей, дали показания в Окружном суде об обстоятельствах, которые существовали в период, относившийся к обстоятельствам дела. Окружной суд также отметил, что Y не будет лишена права общения с X, если первая заявительница примет приемную семью X и будет способствовать тому, чтобы это стало положительным опытом для детей. Что касается отца Y, то утверждалось, что, как следовало из его показаний в Совете и Окружном суде, он мало что знал о помещении X в приемную семью и о проблемах, связанных с сеансами общения. Муниципалитет также считал, что в Верховном суде Норвегии он будет утверждать, что право X на уважение его семейной жизни также охраняется статьей 8 Конвенции и что его потребности в стабильности в приемной семье и надлежащем уходе будут наилучшим образом обеспечены, если он будет усыновлен.

121. 15 октября 2012 г. Специальный проверочный апелляционный комитет Верховного суда Норвегии (*Høyesteretts ankeutvalg*) отклонил жалобу первой заявительницы на постановление апелляционного суда.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НОРВЕГИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

A. ЗАКОН О БЛАГОПОЛУЧИИ ДЕТЕЙ

122. Соответствующие статьи Закона о благополучии детей (*barnevernloven*) от 17 июля 1992 г. гласят следующее:

«Статья 4–1. Учет наилучших интересов ребенка

При применении положений настоящей главы решающее значение следует придавать поиску мер, отвечающих наилучшим интересам ребенка.

Предполагается, что необходимо придавать значение обеспечению ребенку стабильного и надлежащего общения со взрослыми и непрерывности предоставляемого ухода...

¹ Так в тексте. По-видимому, речь идет о втором ребенке, Y (примеч. редактора).

Статья 4–6. Временные постановления в экстренных ситуациях

Если ребенок находится без присмотра по причине болезни родителей или по иным причинам, службы опеки и попечительства должны оказывать такую помощь, которая требуется незамедлительно. Подобные меры не должны применяться против воли родителей.

При наличии риска причинения ребенку существенного вреда, если он останется в семье, руководитель службы опеки и попечительства или орган прокуратуры может незамедлительно вынести временное постановление об опеке без согласия родителей.

В таком случае руководитель службы опеки и попечительства может также вынести временное постановление в соответствии со статьями 4–19 настоящего закона.

Если в соответствии со вторым параграфом настоящей статьи было вынесено постановление, то заявление о принятии мер, указанных в статье 7–11 настоящего закона, должно быть направлено в Окружной совет по социальному обеспечению в кратчайшие сроки и не позднее, чем в течение шести недель, но если речь идет о мерах, предусмотренных статьями 4–24 настоящего закона – в течение двух недель.

Если дело не было передано в Окружной совет по социальному обеспечению в сроки, указанные в четвертом параграфе настоящей статьи, действие постановления прекращается...

Статья 4–12. Постановление об опеке

Постановление об опеке может быть вынесено, если:

- (а) имеются серьезные недостатки в обеспечении ежедневного ухода за ребенком или серьезные недостатки в отношении личных контактов и безопасности, необходимых ребенку соответствующего возраста и уровня развития;
- (б) родители не обеспечивают ребенку, который болен, имеет ограниченные возможности или нуждается в специальной помощи, получение необходимого лечения и обучения;
- (в) ребенок подвергается жестокому обращению или иным формам насилия в семье, или
- (г) существует высокая вероятность того, что здоровью или развитию ребенка может быть причинен серьезный ущерб, поскольку родители не могут взять на себя надлежащую ответственность за ребенка.

Постановление в соответствии с первым подпунктом¹ может быть вынесено только в случае, если это необходимо в связи с текущим положением ребенка. Соответственно, такое постановление не может быть вынесено, если для ребенка могут быть созданы удовлетворительные условия посредством мер по оказанию помощи в соответствии со статьями 4–4 или мер, предусмотренных статьями 4–10 или 4–11 настоящего закона.

Постановление в соответствии с первым подпунктом должно быть вынесено Окружным советом по социальному обеспечению в соответствии с положениями главы 7 настоящего закона...

Статья 4–19. Права на общение. Засекреченный адрес

Если не предусмотрено иное, дети и родители имеют право общаться друг с другом.

После вынесения постановления об опеке Окружной совет по социальному обеспечению должен установить объем общения, но в интересах ребенка также вправе принять решение об отсутствии общения. Окружной совет по социальному обеспечению также может принять решение о том, что родители не вправе знать местонахождение ребенка...

Частные стороны не могут требовать рассмотрения дела о порядке общения с Окружным советом по социальному обеспечению, если данное дело рассматривалось Окружным советом по социальному обеспечению или судом в предыдущие двенадцать месяцев...

Статья 4–20. Лишение родительских прав. Усыновление

Если Окружной совет по социальному обеспечению вынес постановление об опеке над ребенком, он также может принять решение о лишении родителей всех родительских прав. Если в результате лишения родителей родительских прав ребенок остается без опекуна, Окружной совет по социальному обеспечению должен в кратчайшие сроки принять меры в целях назначения нового опекуна для ребенка.

При вынесении постановления о лишении родительских прав Окружной совет по социальному обеспечению может дать согласие на усыновление ребенка лицами, не являющимися родителями.

Согласие может быть дано, если:

- (а) следует считать вероятным, что родители не смогут на постоянной основе обеспечить надлежащий уход за ребенком, или ребенок настолько привязался к людям и среде, в которой он проживает, что по общей оценке изъятие ребенка из такой среды может привести к серьезным последствиям для него, и
- (б) усыновление отвечает наилучшим интересам ребенка, и
- (в) лица, ходатайствующие об усыновлении, являлись приемными родителями ребенка и продемонстрировали свою способность воспитать ребенка как своего собственного, и
- (г) условия для разрешения усыновления в соответствии с Законом об усыновлении удовлетворены.

Если Окружной совет по социальному обеспечению дает согласие на усыновление, Министерство [по делам детей и вопросам равенства] издает распоряжение об усыновлении...

Статья 4–20а. Общение между ребенком и его биологическими родителями после усыновления [внесена в 2010 году]

Если Окружной совет по социальному обеспечению издает распоряжение об усыновлении в со-

¹ Здесь и далее так в тексте. По-видимому, имеются в виду пункты цитируемых статей (примеч. редактора).

ответствии со статьей 4–20 настоящего закона, он должен, если какая-либо из сторон ходатайствует об этом, одновременно рассмотреть вопрос о возможности определения общения между ребенком и его биологическими родителями после усыновления. Если ограниченное общение после усыновления отвечает наилучшим интересам ребенка и лица, ходатайствующие об усыновлении, дают согласие на такое общение, то Окружной совет по социальному обеспечению выносит постановление о порядке такого общения. В указанном случае Окружной совет по социальному обеспечению одновременно определяет объем общения...

Постановление о порядке общения может быть пересмотрено только в том случае, если это оправдано особыми причинами. К особым причинам может относиться нежелание ребенка общаться или несоблюдение биологическим родителем постановления о порядке общения...

Статья 4–21. Отмена постановления об опеке

Окружной совет по социальному обеспечению отменяет постановление об опеке при наличии высокой вероятности того, что родители смогут обеспечить ребенку надлежащий уход. Однако постановление не может быть отменено, если ребенок настолько привязался к людям и среде, в которой он проживает, что по общей оценке изъятие ребенка из такой среды может привести к серьезным проблемам для него. До отмены постановления об опеке приемные родители ребенка имеют право высказать свое мнение.

Стороны не могут требовать рассмотрения дела об отмене постановления об опеке Окружным советом по социальному обеспечению, если данное дело рассматривалось Окружным советом по социальному обеспечению или судом в предыдущие двенадцать месяцев. Если ходатайство об отмене предыдущего распоряжения или постановления не было удовлетворено со ссылкой на второе предложение первого параграфа статьи 4–21 настоящего закона, проведения нового производства по делу можно требовать только в том случае, если представлены документальные доказательства, свидетельствующие о существенных изменениях в положении ребенка...

Статья 7–5. Состав совета в отдельных случаях

В отдельных случаях Окружной совет по социальному обеспечению должен состоять из председателя, одного члена обычного комитета и одного члена экспертного комитета. Если это обусловлено сложностью дела, председатель может принять решение о том, что Окружной совет по социальному обеспечению, помимо председателя, должен состоять из двух членов обычного комитета и двух членов экспертного комитета.

Если стороны дают свое согласие, председатель вправе единолично принимать решения по делам, указанным в первом параграфе, если требование надлежащего рассмотрения дела не исключает этого.

Если дело касается ходатайства о внесении изменений в предыдущее решение/распоряжение или постановление, председатель вправе единолично принимать решение по делу, если это не вызывает возражений с надлежащим учетом существа дела, его сложности, необходимости наличия профес-

сиональных знаний и надлежащего рассмотрения дела.

Если дело касается продления срока действия постановления о помещении в приемную семью, вынесенного Окружным советом по социальному обеспечению в соответствии со статьей 4–29 настоящего закона, председатель принимает решение по делу единолично».

В. ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПРАКТИКА В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОМ О БЛАГОПОЛУЧИИ ДЕТЕЙ

123. Верховный суд Норвегии вынес несколько постановлений в соответствии с Законом о благополучии детей. В контексте настоящего дела важное значение имеет его постановление от 23 мая 1991 г. (*Rt.* за 1991 год, с. 557), в котором Верховный суд Норвегии отметил, что, поскольку лишение родительских прав в целях усыновления влечет за собой окончательный разрыв правовых связей между ребенком и его биологическими родителями и иными родственниками, для принятия подобного решения должны быть приведены веские основания. Кроме того, Верховный суд Норвегии подчеркнул, что решение о лишении родительских прав не должно приниматься без предварительного тщательного изучения и рассмотрения долгосрочных последствий альтернативных мер с учетом конкретных обстоятельств каждого дела.

124. В более позднем постановлении от 10 января 2001 г. (*Rt.* за 2001 год, с. 14) Верховный суд Норвегии счел, что правовой критерий «веских оснований» в данном контексте следует толковать в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда, в частности, с учетом Постановления Европейского Суда по делу «Йохансен против Норвегии» (*Johansen v. Norway*) от 7 августа 1996 г., жалоба № 17383/90, § 78. По мнению Верховного суда Норвегии, это означало, что согласие на усыновление вопреки желанию биологических родителей может быть дано только в «экстренных ситуациях».

125. Вышеуказанная прецедентная практика получила дальнейшее развитие, *inter alia*, в постановлении Верховного суда Норвегии от 20 апреля 2007 г. (*Rt.* за 2007 год, с. 561) после объявления Европейским Судом второй жалобы заявителя в вышеупомянутом деле «Йохансен против Норвегии» неприемлемой для рассмотрения по существу (см. Решение Европейского Суда по делу «Йохансен против Норвегии» (*Johansen v. Norway*) от 10 октября 2002 г., жалоба № 12750/02). Верховный суд Норвегии напомнил, что требование о том, чтобы усыновление отвечало наилучшим интересам ребенка, как предусмотрено статьей 4–20 Закона о благополучии детей (см. выше § 122), означало наличие «веских оснований» (*sterke grunner*) для дачи согласия на усынов-

ление вопреки желанию биологических родителей. Кроме того, Верховный суд Норвегии подчеркнул, что подобное решение должно основываться на конкретных обстоятельствах каждого дела, а также учитывать общий опыт, включая опыт исследований в области детской психологии или детской психиатрии. Верховный суд Норвегии рассмотрел общие принципы прецедентной практики Европейского Суда и пришел к выводу, что законодательство Норвегии соответствовало таким принципам: усыновление разрешалось только при наличии «особо веских оснований». Указанное дело впоследствии было передано в Европейский Суд, который установил, что не было допущено нарушения требований статьи 8 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эуне против Норвегии», § 37, где представлено обобщение анализа Верховным судом Норвегии общих принципов, выработанных в прецедентной практике Верховного суда Норвегии и Европейского Суда).

126. Верховный суд Норвегии вновь изложил общие принципы, применимые к делам об усыновлении, в постановлении от 30 января 2015 г. (Rt. за 2015 год, с. 110). Он подтвердил, что принудительное усыновление оказывает серьезное влияние на родителей и, как правило, причиняет им сильные эмоциональные страдания. Семейные связи охраняются статьей 8 Конвенции и статьей 102 Конституции Норвегии. Усыновление также является насильственной мерой и для ребенка, и согласно статье 21 Конвенции ООН о правах ребенка (см. ниже § 134) решение об усыновлении принимается только в том случае, если это отвечает наилучшим интересам ребенка. Однако при наличии решающих с точки зрения ребенка факторов в пользу усыновления интересы родителей должны отступать на второй план, как предусмотрено статьей 104 Конституции Норвегии и пунктом 1 статьи 3 Конвенции о правах ребенка (см. *ibid.*). Верховный суд Норвегии сослался на упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эуне против Норвегии», § 66, в котором Европейский Суд отметил, что усыновление может быть разрешено только в тех случаях, когда это оправдано «приоритетным требованием, касающимся наилучших интересов ребенка», что соответствовало стандарту «особо веских оснований», как было установлено Верховным судом Норвегии в постановлении, которое было тщательно проанализировано Европейским Судом в упоминавшемся выше Постановлении по делу «Эуне против Норвегии» (см. выше § 125).

127. Парламент Норвегии рассмотрел, и большинство его членов поддержали предложение властей Норвегии (Предложение Одельстингу¹ (Ot.

prp.), № 69 (2008–2009 годы)), в котором обсуждалась проблема значительного снижения количества усыновлений в Норвегии. Было высказано предположение о том, что службы опеки и попечительства неохотно предлагали усыновление после установления Европейским Судом нарушения в вышеупомянутом деле «Йохансен против Норвегии», хотя исследования показывали, что усыновление в большей степени отвечало интересам ребенка, чем непрерывное проживание в приемной семье до достижения им совершеннолетия. В соответствии с толкованием Верховного суда Норвегии данное предложение подчеркивает, что службы опеки и попечительства фактически должны предлагать усыновление в тех случаях, когда это целесообразно, но оно не подразумевает изменение порогового показателя в соответствии со статьей 8 Конвенции. Верховный суд Норвегии добавил, что общая информация, полученная в результате исследований случаев усыновления, имеет отношение к конкретной оценке того, следует ли разрешать усыновление в отдельном случае.

128. Верховный суд Норвегии также проанализировал последствия изменений норм, касающихся общения между ребенком и биологическими родителями, которые в вышеупомянутом Решении Европейского Суда по делу «Йохансен против Норвегии» были названы «открытым усыновлением». Соответствующие нормы были внесены в статью 4–20а Закона о благополучии детей, которая действует с 2010 года. Эти нормы требовали, чтобы «открытое усыновление» отвечало интересам ребенка и чтобы усыновители дали на это свое согласие (см. выше § 122). Верховный суд Норвегии отметил, что причины, по которым законодательный орган предусмотрел систему «открытого усыновления», заключались в обеспечении ребенку стабильной и предсказуемой среды для его взросления при одновременном сохранении некоторого контакта со своими биологическими родителями, если это отвечает наилучшим интересам ребенка. Таким образом, ребенок может воспользоваться всеми преимуществами усыновления, общаясь при этом со своими биологическими родителями. Верховный суд Норвегии установил, что введение системы «открытых усыновлений» не означало снижения законодательного порога для разрешения усыновления. Однако в некоторых случаях дальнейшее общение между ребенком и биологическими родителями позволит ослабить некоторые доводы против усыновления. Верховный суд Норвегии сослался на упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эуне против Норвегии», § 78.

129. Верховный суд Норвегии вновь рассмотрел общие принципы, касающиеся усыновления, в постановлении от 11 сентября 2018 г. Он, *inter alia*, отметил, что Европейский Суд в Постановлении по делу «Мохамед Хасан против Норвегии» (Mohamed

¹ Одельстинг – (норв. *odelsting*) нижняя палата норвежского парламента (примеч. переводчика).

Hasan v. Norway) от 26 апреля 2018 г., жалоба № 27496/15, § 148, подчеркнул строгие процессуальные требования, которые принимающие решения органы государств-ответчиков должны соблюдать в делах об усыновлении. Обобщая предмет анализа, Верховный суд Норвегии отметил, что наилучшие интересы ребенка являлись наиболее важными и значимыми соображениями при решении вопроса об усыновлении. В силу того, что усыновление является исключительной и необратимой мерой, оно может быть оправдано с точки зрения ребенка особо вескими основаниями. Такие основания должны быть сопоставлены с последствиями усыновления для общения ребенка с его биологическими родителями в каждом конкретном случае. При незначительных контактах между родителями и ребенком или при их отсутствии соображениям, касающимся защиты их семейной жизни, придается меньшее значение, чем в случаях обычной семейной жизни.

130. Текущее положение в отношении знаний и научных исследований усыновленных детей было изучено назначенным судом экспертом и представлено в приложении к его заявлению в Верховном суде Норвегии. По мнению эксперта, краткий вывод, изложенный в постановлении Верховного суда Норвегии от 20 апреля 2007 г. (*Rt.* за 2007 год, с. 561, см. выше § 125), по-прежнему является точным. На основе актуализированного изучения соответствующих исследований и исходя из своего профессионального опыта в области психологии эксперт по настоящему делу отметил, что:

«Психосоциальное развитие детей, переданных на долгосрочное попечение, которые были усыновлены, осуществляется более эффективно, чем психосоциальное развитие детей в аналогичной ситуации, которые не были усыновлены. Ощущение принадлежности ребенка к семье имеет чрезвычайно важное значение».

131. Эксперт в своем заявлении в Верховном суде Норвегии отметил, что данная область исследований является сложной. Это одна из причин, по которой в Норвегии ежегодно имеет место незначительное количество принудительных усыновлений. Кроме того, как подчеркивалось в постановлении Верховного суда Норвегии от 20 апреля 2007 г. (*Rt.* за 2007 год, с. 561, см. выше § 125), в каждом случае следовало проводить индивидуальную оценку. При этом, как отмечалось в том же постановлении, особое значение следовало придавать представлению о том, что по общему правилу является наилучшим для ребенка на основе исследований и опыта. Кроме того, в вышеупомянутом (см. выше § 127) предложении властей Норвегии (*Ot. prp.* № 69 (2008–2009 годы)) указывалось, что согласно исследованию «...некоторым детям усыновление позволит обеспечить более безопасное и предсказуемое воспитание, чем долгосрочное помещение в приемную семью».

С. ЗАКОН ОБ УСЫНОВЛЕНИИ

132. Закон об усыновлении от 28 февраля 1986 г. в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам дела, содержал следующие положения:

«Статья 2

Постановление об усыновлении должно быть вынесено только в том случае, когда можно предположить, что усыновление пойдет ребенку на пользу (*til gagn for barnet*). Кроме того, необходимо, чтобы лицо, ходатайствующее об усыновлении, хотело воспитать или воспитывало ребенка либо чтобы существовала иная особая причина для усыновления...

Статья 12

Усыновители сообщают ребенку о том, что он был усыновлен, как только это становится целесообразным.

По достижении 18 лет ребенок имеет право получить информацию от Министерства [по делам детей и вопросам равенства] о личности его биологических родителей.

Статья 13

При усыновлении ребенок и его наследники имеют такой же правовой статус, как если бы усыновленный ребенок был биологическим ребенком усыновителей, если иное не предусмотрено статьей 14 настоящего закона или иными законами. При этом правовые отношения ребенка с его первоначальной семьей прекращаются, если иное не предусмотрено специальным законом.

Если один из супругов усыновил ребенка другого супруга или гражданского партнера, такой ребенок имеет одинаковый правовой статус по отношению к обоим супругам, как если бы он был их общим ребенком. Данное положение также относится к детям, усыновленным в соответствии со вторым, третьим и четвертым параграфами статьи 5(b) настоящего закона.

Статья 14а. Общение после усыновления

В случае усыновления на основании решений, принятых в соответствии со статьей 4–20 Закона о благополучии детей, применяются последствия усыновления, вытекающие из статьи 13 настоящего закона, с учетом любых ограничений, которые могут быть предусмотрены решением в соответствии со статьей 4–20а Закона о благополучии детей относительно общения между ребенком и его биологическими родителями».

Д. ЗАКОН О РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ

133. Первый параграф статьи 36–4 и третий параграф статьи 36–10 Закона о разрешении споров от 17 июня 2005 г. (*tvisteloven*) гласят:

«Статья 36–4. Состав суда. Коллегия экспертов

(1) Суд первой инстанции заседает в составе двух непрофессиональных судей, один из которых должен быть обычным непрофессиональ-

ным судьей, а другой – экспертом. В особых случаях суд может заседать в составе двух профессиональных судей и трех непрофессиональных судей, один или два из которых должны быть экспертами...

Статья 36–10. Обжалование

...(3) Обжалование решения суда первой инстанции по делам, касающимся решений Окружного совета по социальному обеспечению в соответствии с Законом о благополучии детей, требует рассмотрения дела апелляционным судом.

Разрешение может быть предоставлено только, если:

- a) жалоба касается вопросов, значение которых выходит за рамки рассматриваемого дела;
- b) имеются основания для повторного рассмотрения дела ввиду появившейся новой информацией;
- c) постановление суда первой инстанции или процедура в нем имеет серьезные недостатки (*vesentlige svakheter ved tingrettens avgjørelse eller saksbehandling*), или
- d) постановление предусматривает принудительные меры, которые не были одобрены Окружным советом по социальному обеспечению».

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

A. ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

134. Конвенция ООН о правах ребенка, заключенная в г. Нью-Йорке 20 ноября 1989 г., содержит, *inter alia*, следующие положения:

«Статья 3

1. Во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка...

Статья 9

1. Государства-участники обеспечивают, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка. Такое определение может оказаться необходимым в том или ином конкретном случае, например, когда родители жестоко обращаются с ребенком или не заботятся о нем или когда родители проживают раздельно и необходимо принять решение относительно места проживания ребенка.

2. В ходе любого разбирательства в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи всем заинтересованным сторонам предоставляется возможность участвовать в разбирательстве и излагать свои точки зрения.

3. Государства-участники уважают право ребенка, который разлучается с одним или обоими родителями, поддерживать на регулярной основе личные отношения и прямые контакты с обоими родителями, за исключением случая, когда это противоречит наилучшим интересам ребенка.

4. В тех случаях, когда такое разлучение вытекает из какого-либо решения, принятого государством-участником, например, при аресте, тюремном заключении, высылке, депортации или смерти (включая смерть, наступившую по любой причине во время нахождения данного лица в ведении государства) одного или обоих родителей или ребенка, такое государство-участник предоставляет родителям, ребенку или, если это необходимо, другому члену семьи по их просьбе необходимую информацию в отношении местонахождения отсутствующего члена (членов) семьи, если предоставление этой информации не наносит ущерба благосостоянию ребенка. Государства-участники в дальнейшем обеспечивают, чтобы представление такой просьбы само по себе не приводило к неблагоприятным последствиям для соответствующего лица (лиц)...

Статья 18

1. Государства-участники предпринимают все возможные усилия к тому, чтобы обеспечить признание принципа общей и одинаковой ответственности обоих родителей за воспитание и развитие ребенка. Родители или в соответствующих случаях законные опекуны несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка. Наилучшие интересы ребенка являются предметом их основной заботы.

2. В целях гарантии и содействия осуществлению прав, изложенных в настоящей Конвенции, государства-участники оказывают родителям и законным опекунам надлежащую помощь в выполнении ими своих обязанностей по воспитанию детей и обеспечивают развитие сети детских учреждений.

3. Государства-участники принимают все необходимые меры для обеспечения того, чтобы дети, родители которых работают, имели право пользоваться предназначенными для них службами и учреждениями по уходу за детьми...

Статья 20

1. Ребенок, который временно или постоянно лишен своего семейного окружения или который в его собственных наилучших интересах не может оставаться в таком окружении, имеет право на особую защиту и помощь, предоставляемые государством.

2. Государства-участники в соответствии со своими национальными законами обеспечивают замену ухода за таким ребенком.

3. Такой уход может включать, в частности, передачу на воспитание, «кафала» по исламскому праву, усыновление или, в случае необходимости, помещение в соответствующие учреждения по уходу за детьми. При рассмотрении вариантов замены необходимо должным образом учитывать желательность преемственности воспитания ребенка и его этническое происхождение, рели-

гиозную и культурную принадлежность и родной язык.

Статья 21

Государства-участники, которые признали и/или разрешают существование системы усыновления, обеспечивают, чтобы наилучшие интересы ребенка учитывались в первостепенном порядке, и они:

а) обеспечивают, чтобы усыновление ребенка решалось только компетентными властями, которые определяют в соответствии с применимыми законом и процедурами и на основе всей относящейся к делу и достоверной информации, что усыновление допустимо ввиду статуса ребенка относительно родителей, родственников и законных опекунов и что, если требуется, заинтересованные лица дали свое осознанное согласие на усыновление на основе такой консультации, которая может быть необходимой...».

135. В своем Замечании общего порядка № 7(2005) об осуществлении прав ребенка в раннем детстве Комитет ООН по правам ребенка стремился призвать государства-участников к признанию того, что дети младшего возраста являются обладателями всех прав, закрепленных в Конвенции о правах ребенка, а раннее детство – очень важным периодом для реализации таких прав. В частности, Комитет ООН по правам ребенка ссылался на наилучшие интересы ребенка:

«13. ...В статье 3 Конвенции [о правах ребенка]¹ установлен принцип, согласно которому наилучшие интересы ребенка должны в первую очередь приниматься во внимание при любых действиях, касающихся детей. В силу их относительной незрелости дети младшего возраста зависят от ответственных инстанций в том, что касается оценки и отстаивания их прав и наилучших интересов при принятии решений и мер, затрагивающих их благополучие, при одновременном учете их мнений и формирующихся способностей. Принцип наилучших интересов многократно упоминается в Конвенции [о правах ребенка] (в том числе в статьях 9, 18, 20 и 21, которые непосредственно касаются раннего детства). Принцип наилучших интересов распространяется на все действия, касающиеся детей, и требует принятия активных мер для защиты их прав и содействия их выживанию, росту и благополучию, а также мер, направленных на оказание поддержки и помощи родителям и другим лицам, на которых лежит повседневная обязанность по осуществлению прав детей.

(а) Наилучшие интересы отдельных детей. Весь процесс принятия решений, касающихся ухода за детьми, их здоровья, образования и т.п., должен учитывать принцип обеспечения наилучших интересов, в том числе со стороны родителей, специалистов и других лиц, отвечающих за детей. Государствам-участникам настоятельно предлагается предусмотреть возможность того, чтобы дети младшего возраста могли быть независимо представлены во всех процессуальных действиях кем-

либо из лиц, действующих в интересах ребенка, и чтобы дети могли заслушиваться во всех случаях, когда они способны выразить свои мнения или предпочтения...».

136. В Замечании общего порядка № 14(2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3 Конвенции о правах ребенка) от 29 мая 2013 г. Комитет ООН по правам ребенка перечисляет следующие элементы, «подлежащие учету при оценке наилучших интересов ребенка»:

- «(а) Взгляды ребенка...
- (b) Индивидуальность ребенка...
- (c) Сохранение семейного окружения и поддержание отношений...
- (d) Попечение, защита и безопасность ребенка...
- (e) Уязвимое положение...
- (f) Право ребенка на здоровье...
- (g) Право ребенка на образование...».

В разделе под названием «Установление баланса между элементами при оценке наилучших интересов» и в разделе под названием «Процессуальные гарантии обеспечения наилучших интересов ребенка» говорится, *inter alia*, следующее:

«84. При оценке наилучших интересов необходимо иметь в виду, что способности ребенка будут развиваться. Поэтому лицам, ответственным за принятие решений, следует изыскивать меры, которые поддаются последующему анализу и соотвествующей корректировке, а не принимать окончательные и бесповоротные решения. Для этого им следует не только оценивать физические, эмоциональные, образовательные и иные потребности на момент принятия решения, но и прорабатывать возможные сценарии развития ребенка, подвергая их анализу с точки зрения краткосрочной и долгосрочной перспективы. Соответственно, при принятии решений должна производиться оценка преемственности и устойчивости нынешнего и будущего положения ребенка...».

85. Для того, чтобы добиться корректного осуществления права ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов, необходимо ввести и применять некоторые ориентированные на интересы детей процессуальные гарантии. В этом смысле концепцию наилучшего обеспечения интересов ребенка можно рассматривать как правило процедуры...

87. Государства должны разработать подкрепленные строгими процессуальными гарантиями формализованные процедуры, призванные обеспечить оценку и определение наилучших интересов ребенка в связи с принятием решений, затрагивающих ребенка, включая механизмы оценки результатов. Государства должны разработать транспарентные объективные процедуры, регулирующие принятие законодательными органами, судьями или административными органами любых решений, особенно по вопросам, непосредственно затрагивающим детей».

¹ Текст в квадратных скобках добавлен при переводе (примеч. редактора).

В. СОВЕТ ЕВРОПЫ

137. Конвенция Совета Европы об усыновлении детей в новой редакции от 27 ноября 2008 г. содержит, *inter alia*, следующие положения:

«Статья 3. Действительность усыновления»

Усыновление действительно лишь в том случае, если оно разрешено судом или административным учреждением (далее – компетентный орган).

Статья 4. Выдача разрешения на усыновление

1. Компетентный орган не выдает разрешение на усыновление, пока не удостоверится в том, что усыновление отвечает наилучшим интересам ребенка.

2. В каждом конкретном случае компетентный орган должен обращать особое внимание на значимость усыновления, обеспечивающего ребенка стабильной и гармоничной семьей.

Статья 5. Согласие на усыновление

1. В соответствии с положениями пунктов 2–5 настоящей статьи усыновление разрешается только в том случае, если получено согласие, по крайней мере, следующих лиц и такое согласие не отозвано:

а) согласие матери и отца, при отсутствии и отца, и матери согласие любого лица или органа, которые имеют право давать согласие вместо них;

б) согласие ребенка, который по закону считается достаточно понимающим; ребенок считается достаточно понимающим при достижении возраста, который предусматривается законом и не должен составлять более 14 лет;

с) согласие супруга или зарегистрированного партнера усыновляющего лица.

2. Лицам, согласие которых требуется для усыновления, должны быть предоставлены консультации по мере необходимости, а также надлежащая информация о последствиях дачи согласия, в частности, о том, повлечет ли усыновление прекращение правовых отношений между ребенком и его первоначальной семьей. Согласие дается без принуждения, в требуемой юридической форме и выражается или подтверждается в письменном виде.

3. Компетентный орган не вправе игнорировать согласие или признавать недействительным отказ дать согласие со стороны любого лица или органа, упомянутых в пункте 1 настоящей статьи, за исключением особых оснований, определенных законодательством. При этом согласие ребенка, который является ограниченно дееспособным, что препятствует выражению действительного согласия, не должно учитываться.

4. Если отец или мать лишены родительских прав в отношении ребенка или по крайней мере права на дачу согласия на усыновление, законодательством может быть предусмотрено отсутствие необходимости в получении их согласия.

5. Согласие матери на усыновление ребенка является действительным, если оно дано в срок не менее шести недель после рождения ребенка, как может быть предусмотрено законодательством, или, в отсутствие предусмотренного срока, в такой срок, который, по мнению уполномоченного органа, является достаточным для матери, чтобы в достаточной степени оправиться после рождения ребенка.

6. В целях настоящей Конвенции под “отцом” и “матерью” понимаются лица, которые являются родителями ребенка в соответствии с законодательством».

138. 22 апреля 2015 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла Резолюцию № 2049, которая, *inter alia*, содержит следующие положения:

«...5. Плохое финансовое и материальное положение не должны являться единственным оправданием для изъятия у родителей, а должны рассматриваться как сигнал о необходимости оказания надлежащей поддержки данной семье. Кроме того, недостаточно доказать, что ребенок может быть помещен в более благоприятные условия для воспитания для того, чтобы забирать ребенка у родителей, тем более окончательно разрывать семейные связи...

8. Таким образом, Парламентская Ассамблея рекомендует государствам-членам...

8.2) ввести в действие законы, нормативные акты и процедуры, которые действительно обеспечивают первоочередное соблюдение наилучших интересов ребенка при принятии решений об изъятии, помещении под опеку и воссоединении;

8.3) продолжать и активизировать усилия для обеспечения того, чтобы все соответствующие процедуры проводились с учетом возрастных особенностей детей и чтобы мнения заинтересованных детей принимались во внимание в соответствии с их возрастом и уровнем зрелости;

8.4) выявлять и устранять влияние предубеждений и дискриминации при принятии решений об изъятии, в том числе путем обеспечения надлежащей подготовки всех соответствующих специалистов;

8.5) оказывать семьям необходимую поддержку (в том числе финансовую, материальную, социальную и психологическую), чтобы в первую очередь не допускать принятия необоснованных решений об изъятии, а также для увеличения количества случаев успешного воссоединения семей после нахождения ребенка под опекой;

8.6) обеспечивать, чтобы любое (временное) осуществление альтернативного ухода за ребенком, когда это оказывается необходимым в качестве крайней меры, сопровождалось мерами, предполагающими последующее возвращение ребенка в семью, включая содействие нормальному общению ребенка с его семьей, а также периодически пересматривалось;

8.7) избегать, кроме как в исключительных обстоятельствах, которые предусмотрены законодательством и подлежат эффективной (своевременной и полной) судебной проверке, окончательного разрыва семейных связей, изъятия

детей у родителей при рождении, использования в качестве основания для принятия решений естественное истечение срока, а также принятия решений об усыновлении без согласия родителей;

8.8) обеспечивать, чтобы персонал, связанный с принятием решений об изъятии и помещении под опеку, руководствовался надлежащими критериями и стандартами (по возможности междисциплинарного характера), имел соответствующую квалификацию и регулярно проходил профессиональную подготовку, располагал достаточными ресурсами для принятия решений в надлежащие сроки и не был перегружен слишком большим количеством дел...

8.10) обеспечить, чтобы за исключением неотложных случаев первоначальные решения об изъятии принимались только на основании судебных постановлений с целью избежать необоснованных решений об изъятии и не допустить предвзятой оценки ситуации...».

139. 28 июня 2018 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла Резолюцию № 2232 («Достижение баланса между наилучшими интересами ребенка и необходимостью сохранения семьи»), в которой, *inter alia*, указывалось следующее:

«...4. Парламентская Ассамблея подтверждает, что наилучшие интересы ребенка должны оставаться главным соображением при совершении любых действий, касающихся детей, как это предусмотрено в Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка. Однако практическое соблюдение данного принципа зависит от контекста и конкретных обстоятельств. Иногда легче сказать, что не отвечает наилучшим интересам ребенка: получить серьезный вред, находясь на попечении родителей, или оказаться изъятым из семьи без веских оснований.

5. С учетом указанной оговорки Парламентская Ассамблея напоминает о рекомендациях, которые она сформулировала в Резолюции № 2049(2015), и рекомендует государствам – членам Совета Европы сосредоточиться на том, как именно можно добиться наилучших результатов как для детей, так и для их семей. Государствам-членам следует:

...5.2) своевременно и положительным образом оказывать семьям необходимую поддержку, чтобы в первую очередь избежать необходимости принимать решения об изъятии из семьи, а также чтобы способствовать воссоединению семей, когда это представляется возможным и отвечает наилучшим интересам ребенка. Для этого требуется наладить более тесное сотрудничество с родителями с целью избежать возможных ошибок, обусловленных недопониманием, стереотипами и дискриминацией, ошибок, которые будет сложнее исправить на последующем этапе, когда доверие утрачено...

5.5) стремиться сводить к минимуму практику изъятия детей из-под родительской опеки при рождении, использования естественного истечения срока в качестве основания для принятия решений о помещении ребенка под опеку, а также усыновления без согласия родителей и прибегать к ним только в крайнем случае. Если это отвечает наилучшим интересам ребенка, следует стремиться сохранять семейные связи;

5.6) при принятии решения об изъятии ребенка из семьи обеспечивать, чтобы:

5.6.1) такие решения являлись соразмерной реакцией на заслуживающую доверия и подтвержденную оценку со стороны компетентных органов, которая подлежит судебной проверке, наличия действительной угрозы причинения таким детям реального и серьезного вреда;

5.6.2) подробное решение вручалось родителям, а один экземпляр передавался на хранение, чтобы решение разъяснялось ребенку с учетом его возраста или чтобы ребенку иным образом предоставлялся доступ к такому решению, и чтобы в судебном постановлении были изложены обстоятельства, обусловившие принятие данного решения, и причины изъятия ребенка из семьи;

5.6.3) изъятие детей из семьи являлось крайней мерой и производилось только на необходимый срок;

5.6.4) братья и сестры во всех случаях оставались вместе, если это не противоречит наилучшим интересам детей;

5.6.5) если это отвечает наилучшим интересам детей, они передавались на попечение дальним родственникам, чтобы минимизировать разрыв семейных связей для таких детей;

5.6.6) вопросы воссоединения семей и/или общения с членами семьи регулярно пересматривались с должным учетом наилучших интересов и взглядов ребенка;

5.6.7) порядок посещения и общения содействовал поддержанию семейных связей и способствовал воссоединению семьи, если это не является очевидно неприемлемым обстоятельством...».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

140. Заявители жаловались на то, что отказ отменить передачу X под попечение государственных органов и лишение первой заявительницы родительских прав в отношении него, а также разделение на его усыновление приемными родителями нарушали их права на уважение их семейной жизни, гарантированные статьей 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

141. Власти Норвегии оспаривали данный довод.

А. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ПОСТАВЛЕННЫЕ ПЕРЕД БОЛЬШОЙ ПАЛАТОЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Пределы рассмотрения дела Большой Палатой Европейского Суда

(a) *Временные пределы*

(i) *Доводы сторон*

142. Власти Норвегии утверждали, что к юрисдикции Большой Палаты Европейского Суда не относится рассмотрение вопроса о том, соответствовало ли производство в Норвегии о передаче X на попечение государственных органов и о правах первой заявительницы на общение, которое имело место до производства по делу о разрешении на усыновление, статье 8 Конвенции. Вопреки требованиям пункта 1 статьи 35 Конвенции, заявители не исчерпали внутригосударственные средства правовой защиты и не исполнили требование шестимесячного срока в отношении решения об экстренном помещении X в приемную семью от 17 октября 2008 г., постановления об опеке от 2 марта 2009 г. и решений о правах на общение. В любом случае жалоба в Европейский Суд от 12 апреля 2013 г. касалась только тех мер, которые были оставлены в силе постановлением Верховного суда Норвегии от 15 октября 2012 г., то есть лишения родительских прав и разрешения на усыновление. Меньшинство судей Палаты Европейского Суда вышли за рамки компетенции Европейского Суда и проигнорировали пределы жалобы заявителей, чтобы высказать абстрактную критику в отношении всей системы опеки и попечительства. Заявители были не вправе расширять пределы рассмотрения дела путем направления запроса на его рассмотрение Большой Палатой Европейского Суда. Хотя последняя могла принимать во внимание предыдущие производства, это могло быть сделано только в той степени, в которой они упоминались в решении о лишении родительских прав и разрешении усыновления или служили основанием для принятия такого решения.

143. Не соглашаясь с позицией властей Норвегии, заявители утверждали, что Большая Палата Европейского Суда обладала компетенцией для рассмотрения не только вопроса о лишении родительских прав и разрешении усыновления, но и о первоначальных решениях об экстренном помещении, решений о передаче X на попечение государства и решений, касающихся прав первой заявительницы на общение. Юрисдикция Большой Палаты Европейского Суда охватывает производства в государстве-ответчике во всей полноте, даже если в конечном счете она была призвана установить нарушение только в отношении некоторых из них. Согласие на усыновление должно рассматри-

ваться как окончательное решение в ряде событий, которые начались с принятия решения об экстренном помещении. Решение о лишении родительских прав и разрешение об усыновлении являлись следствием отсутствия привязанности между X и первой заявительницей, что в свою очередь явилось прямым результатом постановлений от 2 марта 2009 г. и 22 апреля 2010 г. о долгосрочной передаче X на попечение государства, которыми права первой заявительницы на общение были значительно и неоправданно сокращены.

(ii) *Мнение Большой Палаты
Европейского Суда*

144. Европейский Суд напоминает, что содержание и пределы «дела», переданного на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда, ограничены решением Палаты Европейского Суда о приемлемости жалобы. Иными словами, Большая Палата Европейского Суда не вправе рассматривать те части жалобы, которые были объявлены Палатой Европейского Суда неприемлемыми для рассмотрения по существу (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ильнзеер против Германии» (*Inseher v. Germany*) от 4 декабря 2018 г., жалобы №№ 10211/12 и 27505/14¹, § 100). В настоящем деле Большая Палата Европейского Суда отмечает, что Палата Европейского Суда объявила приемлемой для рассмотрения по существу поданную заявителями жалобу (см. выше § 2) по вопросам лишения родительских прав и разрешения на усыновление, решения по которым впервые были приняты Окружным советом по социальному обеспечению 8 декабря 2011 г. и оставлены в силе при рассмотрении апелляционной жалобы (см., *inter alia*, §§ 3, 76, 93, 94 и 111 Постановления Палаты Европейского Суда).

145. Большая Палата Европейского Суда отмечает, что X был передан на воспитание в приемную семью в экстренном порядке в 2008 году (см. выше §§ 20–22) и в обычном порядке на основании решения Окружного совета по социальному обеспечению от 2 марта 2009 г. (см. выше §§ 38–46). В том же решении первой заявительнице были предоставлены ограниченные права на общение (см. выше §§ 42–46). Она обжаловала указанное решение, которое в итоге было оставлено в силе постановлением апелляционного суда от 22 апреля 2010 г. (см. выше §§ 65–75), и первой заявительнице вновь были предоставлены ограниченные права на общение (см. выше § 75). Поскольку заявительница не воспользовалась возможностью обжалования, постановление апелляционного суда вступило

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2019. № 1 (примеч. редактора).

ло в силу по истечении срока, установленного для обжалования.

146. В своем ходатайстве о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда заявители предприняли попытку расширить пределы своих жалоб, включив в него также вышеуказанные производства в период с 2008 по 2010 год. Однако указанные требования не являлись частью их жалобы, которую Палата Европейского Суда объявила приемлемой для рассмотрения по существу. В любом случае они впервые были представлены Большой Палате Европейского Суда более чем через шесть месяцев после принятия судами Норвегии последних решений в рамках рассматриваемых производств и, как упомянуто выше (см. выше § 145), без исчерпания внутрисударственных средств правовой защиты в отношении самого последнего по времени из указанных решений.

147. Следовательно, Европейский Суд не обладает юрисдикцией для рассмотрения в соответствии со статьей 8 Конвенции судебных разбирательств, в том числе касающихся ограничений права на общение, которые предшествовали вынесению апелляционным судом постановления от 22 апреля 2010 г. или были завершены вынесением данного постановления (см. выше § 76).

148. Тем не менее при анализе судебного разбирательства в отношении решения Окружного совета по социальному обеспечению от 8 декабря 2011 г. и решений, принятых при рассмотрении жалобы на данное решение, а именно в отношении постановления Окружного суда от 22 февраля 2012 г., Европейский Суд будет вынужден рассмотреть указанные судебные разбирательства и решения в контексте. Это неизбежно означает, что Европейский Суд должен учесть предыдущие разбирательства и решения в некотором объеме (см. аналогичные доводы в Постановлении Европейского Суда по делу «Йованович против Швеции» (*Jovanovic v. Sweden*) от 22 октября 2015 г., жалоба № 10592/12, § 73, и в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Мохамед Хасан против Норвегии», § 151).

(b) Пределы рассмотрения дела по существу

149. Европейский Суд отмечает, что жалоба заявителей, поданная в Европейский Суд 12 апреля 2013 г., непосредственно касается только решения о лишении первой заявительницы родительских прав в отношении X и разрешения на усыновление последнего приемными родителями (см. постановление Окружного суда выше в §§ 107–112), а не на сопутствующий вывод, сделанный в том же постановлении, о том, что условия для отмены постановления об опеке в отношении X не были выполнены (см. выше §§ 99–106).

150. Палата Европейского Суда сочла, что решение не отменять постановление об опеке, тем не

менее, по существу связано с решением о лишении первой заявительницы родительских прав в отношении X и с разрешением на усыновление последнего, и на основании этого рассмотрела первое решение по существу (см. §§ 113–117 Постановления Палаты Европейского Суда) независимо от того, что заявители в своей жалобе и доводах, представленных Палате Европейского Суда, прямо уделяли основное внимание последнему решению.

151. Большая Палата Европейского Суда отмечает, что, хотя власти Норвегии не возражали против подхода Палаты в этом отношении, заявители представили Большой Палате Европейского Суда доводы, указав, что их жалоба также охватывала решение не отменять постановление об опеке, принятое в рамках того же судебного разбирательства.

152. Большая Палата Европейского Суда отмечает, что решение не отменять постановление об опеке настолько тесно связано с решением о лишении первой заявительницы родительских прав и о разрешении на усыновление ребенка, что его следует рассматривать как часть первоначальной жалобы первой заявительницы в Европейский Суд. Действительно, как следует из положений статьи 4–20 Закона о благополучии детей (см. выше § 122), для применения данного положения требовалось, чтобы попечение государства по-прежнему было оправдано. Следовательно, Большая Палата, как и Палата Европейского Суда, проанализирует решение не отменять постановление об опеке при рассмотрении вопроса о том, были ли нарушены права заявителей, предусмотренные статьей 8 Конвенции.

2. Право первой заявительницы на подачу жалобы от имени второго заявителя

(a) Постановление Палаты Европейского Суда

153. Палата Европейского Суда, подчеркнув, что жалоба касалась решения о лишении первой заявительницы родительских прав в отношении X и разрешения на его усыновления, что приводило к утрате первой заявительницей попечительства над X, а не фактов, последовавших за таким решением, пришла к выводу, что первая заявительница имела право подать жалобу от имени второго заявителя, X.

(b) Доводы сторон в Большой Палате Европейского Суда

154. В рамках предварительных возражений, представленных Большой Палате Европейского Суда, власти Норвегии утверждали, что первая заявительница не имела права подавать жалобу от имени X. Данное право имели его усыновители, но они не сделали этого. Тот факт, что Европейский

Суд принял жалобу матери от имени ее ребенка в деле «Скоццари и Джунта против Италии» (Scozzari and Giunta v. Italy) (Постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалобы №№ 39221/98 и 41963/98, § 138, ECHR 2000-VIII), был обусловлен особыми обстоятельствами указанного дела. В настоящем деле интересы X также представляли его усыновители, которые вступили в производство по делу в Европейском Суде.

155. Заявители утверждали, что в соответствии со сложившейся прецедентной практикой Европейского Суда биологический родитель, который был лишен родительских прав, может подать жалобу на такое лишение от имени своего ребенка. Соответственно, первая заявительница имела неоспоримое право представлять X в настоящем деле.

(с) Мнение Большой Палаты Европейского Суда

156. Европейский Суд отмечает, что оспариваемое решение о лишении родительских прав и разрешении на усыновление, вынесенное Окружным советом по социальному обеспечению 8 декабря 2011 г. и оставленное в силе Окружным судом 22 февраля 2012 г., в обжаловании которого было отказано апелляционными судами, несомненно привело к разрыву правовых связей между первой заявительницей и вторым заявителем. Европейский Суд постановил, что данный фактор не имеет решающего значения при определении того, обладает ли родитель *locus standi* для подачи жалобы в Европейский Суд от имени ребенка (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «А.К. и Л. против Хорватии» (A.K. and L. v. Croatia) от 8 января 2013 г., жалоба № 37956/11, § 46). В указанном Постановлении Европейский Суд отметил:

«...Условия, регулирующие подачу индивидуальных жалоб в соответствии с Конвенцией, необязательно совпадают с внутригосударственными критериями, касающимися *locus standi*. Соответствующие нормы государств-ответчиков могут служить целям, отличным от тех, что предусмотрены статьей 34 Конвенции, и, хотя данные цели в некоторых случаях могут быть аналогичными, это не всегда так (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Норрис против Ирландии» (Norris v. Ireland) от 26 октября 1988 г., § 31, Series A, № 142).

47. Европейский Суд обращает внимание на то, что предмет и цель Конвенции как инструмента защиты отдельно взятых лиц требуют, чтобы ее положения, как процессуальные, так и материально-правовые, толковались и применялись таким образом, чтобы сделать гарантии практичными и эффективными (см. среди многих прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Лоизиду против Турции» (Loizidou v. Turkey) (предварительные возражения) от 23 марта 1995 г., §§ 70–72, Series A, № 310). Положение детей в соответствии со статьей 34 Конвенции

требует тщательного анализа, поскольку дети, как правило, должны полагаться на других лиц при предъявлении своих требований и представлении своих интересов, и так как, возможно, они не достигли соответствующего возраста или не обладают необходимой дееспособностью, чтобы санкционировать какие-либо меры, принимаемые от их имени, в фактическом смысле данного слова (см. Решение Европейского Суда по делу «Р. С. и S. против Соединенного Королевства» (R.C. and S. v. United Kingdom) от 11 ноября 2001 г., жалоба № 56547/00). Европейский Суд считает, что в этой области следует избегать ограничительного или формального подхода (см. *ibid.*, §§ 46–47)».

157. Поскольку X был усыновлен, его единственными представителями в соответствии с законодательством Норвегии по любым вопросам, касающимся фактов, которые имели место после того, как решение об усыновлении стало окончательным, являются его усыновители. Однако в отношении разбирательства по делу об усыновлении, проводимого в период, когда первая заявительница сохраняла полную ответственность за X, согласно прецедентной практике Европейского Суда в интересах ребенка сохранять семейные связи, кроме случаев, когда веские основания оправдывают их разрыв (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «А.К. и Л. против Хорватии», § 49). Кроме того, в контексте статьи 8 Конвенции Европейский Суд неоднократно признавал, что родители, лишенные родительских прав, могут подавать жалобы от имени своих несовершеннолетних детей (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоццари и Джунта против Италии», §§ 138–139). Основным критерием для Европейского Суда в подобных делах был риск того, что некоторые интересы детей могут быть не доведены до его сведения, поэтому они будут лишены эффективной защиты своих конвенционных прав (см., *mutatis mutandis*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ламбер и другие против Франции» (Lambert and Others v. France), жалоба № 46043/14¹, § 94, ECHR 2015 (извлечения)).

158. Если жалоба была подана биологическим родителем от имени его ребенка, Европейский Суд, тем не менее, может установить конфликт интересов между родителем и ребенком. Конфликт интересов имеет отношение к вопросу о том, является ли жалоба, поданная одним лицом от имени другого человека, приемлемой для рассмотрения по существу (см., например, Решение Европейского Суда по делу «Крушкич против Хорватии» (Krušić v. Croatia) от 25 ноября 2014 г., жалоба № 10140/13, §§ 101–102). Власти Норвегии в настоящем деле

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 9 (примеч. редактора).

представили возражения по указанным основаниям.

159. По мнению Европейского Суда, вопрос о возможном конфликте интересов между первой заявительницей и вторым заявителем частично совпадает и тесно связан с вопросами, которые Европейский Суд призван решить при рассмотрении жалобы, сформулированной первой заявительницей от своего имени и от имени второго заявителя, на нарушения их права на уважение семейной жизни в соответствии со статьей 8 Конвенции. Европейский Суд не усматривает в настоящем деле такого конфликта интересов, который потребовал бы отклонения жалобы первой заявительницы, поданной от имени второго заявителя. Соответственно, возражение властей Норвегии должно быть отклонено.

В. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. Постановление Палаты Европейского Суда

160. Палата Европейского Суда удостоверилась в том, что оспариваемые разбирательства в Норвегии соответствовали Закону о благополучии детей 1992 года и преследовали правомерную цель «охраны здоровья или нравственности» или «прав и свобод» X согласно пункту 2 статьи 8 Конвенции. Что касается вопроса о «необходимости» оспариваемого вмешательства, Палата Европейского Суда решила, что первая заявительница в полной мере участвовала во всех разбирательствах в Норвегии и что процесс принятия решений в рамках этих производств был справедливым и способным защитить права заявителей по смыслу статьи 8 Конвенции. Большинство судей Палаты Европейского Суда также отметили, что перед Окружном судом стояла трудная и ответственная задача: установить справедливый баланс между соответствующими конкурирующими интересами в сложном деле. По мнению большинства судей, Окружной суд явно руководствовался интересами X, в частности, его особой потребностью в безопасности в приемной семье с учетом его психологической уязвимости. Кроме того, принимая во внимание вывод Окружного суда о том, что в течение трех лет, когда первая заявительница имела право на общение, отсутствовала положительная динамика ее навыков общения, а также с учетом того, что власти Норвегии имели возможность прямого контакта со всеми заинтересованными лицами, большинство судей Палаты Европейского Суда решили, что в настоящем деле существовали такие исключительные обстоятельства, которые оправдывали принятые меры, и что власти Норвегии руководствовались приоритетным требованием, касающимся наилучших интересов X.

2. Доводы сторон в Большой Палате Европейского Суда

(а) Заявители

161. Заявители утверждали, что в своем Постановлении Палата Европейского Суда не приняла во внимание особый контекст, касающийся Норвегии, а именно широко распространенную критику норвежской системы опеки и попечительства внутри страны и на международном уровне, что указывает на наличие серьезной системной проблемы.

162. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда концепция пределов усмотрения, по мнению заявителей, характеризовалась своим казуистическим характером. Пределы усмотрения, которые предоставляются компетентным органам государств-ответчиков, различаются в зависимости от характера проблем и важности затронутых интересов. Установлено, что в делах, касающихся передачи детей на попечение государства и усыновления, органам власти государств-ответчиков предоставлены широкие пределы усмотрения. При этом Европейский Суд был склонен прикрываться концепцией пределов усмотрения таким образом, что это могло в некоторой степени ослабить его контроль и функции.

163. Учитывая характер и серьезность рассматриваемого вмешательства, пределы усмотрения должны были бы быть особенно узкими даже в отношении первых принятых мер по обеспечению благополучия ребенка. Кроме того, большинство судей Палаты Европейского Суда не рассмотрели основания для крайне ограниченных прав на общение, которые были предоставлены с самого начала.

164. В прецедентной практике Европейского Суда четко установлен приоритет по защите биологической семьи. Настоящее дело касается малолетнего ребенка. По подобным делам органы государственной власти могли действовать только при наличии в высшей степени убедительных оснований. Особая уязвимость X, на которую органы государственной власти ссылались в своих решениях, не была подтверждена конкретными и реальными доказательствами. Кроме того, не было дано объяснения в отношении его особых потребностей в уходе, как отметили меньшинство судей Палаты Европейского Суда.

165. Права на общение в Норвегии были очень жесткими, и они неоднократно подвергались критике Европейского Суда. Учитывая, что ограниченные права на общение имели особенно пагубные последствия в первые недели, месяцы и годы жизни ребенка, обстоятельства настоящего дела кажутся особо ужасающими. Права первой заявительницы на общение были существенно ограничены без объективных причин и за достаточно корот-

кий промежуток времени. Установление крайне ограниченных прав на общение лишило семью всех шансов на воссоединение, а X – возможности сформировать естественную привязанность к первой заявительнице. Поскольку органы государственной власти несут непосредственную ответственность за распад семьи, довод об отсутствии психологических связей между X и его матерью является неприемлемым.

166. Между первой заявительницей, приемной матерью и службой опеки и попечительства имел место конфликт, который едва ли можно считать исключительным и который легко объяснить. Органы власти не предприняли каких-либо действий, чтобы нормализовать отношения первой заявительницы с ними и приемной матерью. Напротив, приемная мать присутствовала на всех сеансах общения, хотя это не было предписано или разрешено решениями каких-либо органов государственной власти. Позитивное обязательство, возложенное на органы власти в соответствии со статьей 8 Конвенции, требует, чтобы они предлагали изменить условия прав на общение или принимали соответствующие решения. Окружной совет по социальному обеспечению и Окружной суд уделили внимание только краткосрочным последствиям разлучения X с его приемными родителями и не учли долгосрочное влияние постоянного разлучения на связь с его биологической матерью. Органы государственной власти должны были применить менее ограничительные меры.

167. Органы государственной власти не рассматривали дело добросовестно, скорее, наоборот. Предполагаемое отсутствие у первой заявительницы навыков по уходу за ребенком прямо противоречило материалам дела. Ее нельзя было винить в том, что она задавала одни и те же вопросы несколько раз, находясь в учреждении для родителей с детьми, когда сотрудники учреждения угрожали ей тем, что X будет передан на попечение государства. Хотя заключения экспертов содержали такие общие формулировки, как «серьезный недостаток способностей, необходимых для исполнения материнских функций», «проблемы с контролем эмоций» и «недостаточные базовые родительские навыки», это не было подтверждено. Отсутствовали конкретные и реальные доказательства, оправдывающие предполагаемые фундаментальные ограничения первой заявительницы и ее навыки по уходу за ребенком.

168. Предыдущие и новые исследования привязанности ребенка свидетельствовали о том, что органы государственной власти не принимали во внимание базовые и фундаментальные принципами привязанности, чтобы поддержать воссоединение семьи. Они не доказали, что возвращение X первой заявительнице приведет к возникновению у него серьезных проблем.

(b) *Власти Норвегии*

169. В целом власти Норвегии призвали Большую Палату Европейского Суда последовать подходу большинства судей Палаты Европейского Суда, который являлся правильным и показательным как в отношении толкования, так и относительно применения норм Конвенции. Напротив, они предостерегали от попыток меньшинства судей Палаты Европейского Суда провести «судебную экспертизу фактов»: пересмотр фактов, установленных судами Норвегии много лет назад, создавал опасность того, что такой пересмотр будет произвольным и будет противоречить доктрине суда четвертой инстанции, разработанной Европейским Судом.

170. Власти Норвегии утверждали, что процесс принятия решений на внутрисударственном уровне был справедливым и способным защитить права заявителей в соответствии со статьей 8 Конвенции. Дело заявителей было рассмотрено независимо и беспристрастно судами нескольких инстанций.

171. Наилучшие интересы ребенка, которые со временем изменяются, имеют первостепенное значение. Первая заявительница стремилась отстоять свое право на семейную жизнь, но, хотя она представила требование, которое подлежало оценке по смыслу статьи 8 Конвенции, в сущности это было не столько требование о защите существующей «семейной жизни», сколько утверждение биологического права даже при обстоятельствах незначительной фактической привязанности или ее полного отсутствия. Второй заявитель, X, также имел право в соответствии со статьей 8 Конвенции на защиту своей семейной жизни. В связи с этим возникает следующий вопрос: заключалась ли его «семейная жизнь» в его биологических связях с первой заявительницей или в единственной семейной жизни, которую он знал, а именно с лицами, которые приняли на себя заботу о нем с трехнедельного возраста и которых он считал своими настоящими родителями?

172. Настоящее дело затрагивает конкурирующие интересы, однако среди Договаривающихся Государств отсутствует единое мнение относительно того, в какой степени органы государственной власти могут осуществлять вмешательство в семейную жизнь в интересах благополучия ребенка, что предполагает предоставление им более широких пределов усмотрения. В рассматриваемом деле основания, приведенные органами государственной власти для принятия оспариваемых решений, были относимыми и достаточными. X испытывал серьезное отсутствие надлежащего ухода за ним в первые недели своей жизни. Впоследствии первая заявительница не демонстрировала каких-либо изменений по отношению к нему. X подвергался опасности повторения тех же рисков и реакций. В связи с отсутствием удовлетворения его потребностей в уходе существовал риск повторного трав-

мирования и изменения положительного развития его функций. Первая заявительница по-прежнему казалась «полностью лишенной такого сочувствия и понимания», которые потребуются, если X будет возвращен на ее попечение.

173. Органы государственной власти выполнили свои позитивные обязательства. Первая заявительница не приняла помощь от службы опеки и попечительства. Органы государственной власти также приняли к сведению ее недавний брак и рождение у нее второго ребенка, но этих изменений было недостаточно, чтобы превзойти необходимость принятия оспариваемых мер. Меньшинство судей Палаты Европейского Суда ошибочно предположили, что запрос, направленный службой опеки и попечительства в муниципалитет, куда переехала первая заявительница, «не выявил каких-либо недостатков».

174. Меньшинство судей Палаты Европейского Суда проигнорировали пункт 1 статьи 35 Конвенции и «возобновили» производство по более ранним делам. При этом меньшинство судей неправомерно применили стандарт «более строгого контроля» не только к решению об усыновлении, но и к предыдущим решениям, касающимся передачи X в приемную семью. Кроме того, меньшинство судей допустили ошибку в отношении фактов. Предыдущим постановлением предусматривались минимальные законные права на общение, и дальнейшее общение не было исключено, если оно отвечало наилучшим интересам X. Однако три эксперта пришли к выводу, что в отношениях между X и первой заявительницей отсутствовала какая-либо положительная динамика. Вместо того, чтобы воспользоваться мерами поддержки, первая заявительница продолжала использовать сеансы общения как средство для укрепления своего мнения о том, что она стала жертвой несправедливости, а не для того, чтобы уделять внимание X. «Конфликт» между первой заявительницей, службой опеки и попечительства и приемной матерью имел место, главным образом, по мнению первой заявительницы и ее семьи.

175. Таким образом, обстоятельства настоящего дела были исключительными, и оспариваемые решения были явно мотивированы приоритетным требованием, касающимся наилучших интересов X. Окружному суду удалось выполнить трудную и ответственную задачу по установлению справедливого баланса между соответствующими конкурирующими интересами в сложном деле.

3. Комментарии, представленные третьими сторонами

(a) *Власти Бельгии*

176. Власти Бельгии отметили, что, хотя существуют разные мнения о том, какой способ вме-

шательства в отношении опеки и попечительства является надлежащим, законодательство Бельгии не допускает усыновления вопреки желанию биологических родителей. Они также утверждали, что в таком деле, как настоящее, органы власти государства-ответчика должны были согласовать наилучшие интересы ребенка с интересами биологических родителей. Власти Бельгии также высказали ряд соображений в отношении фактов, которые были вновь сформулированы в Постановлении Палаты Европейского Суда, и подчеркнули, что они отличаются от тех, что были приведены в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Эуне против Норвегии».

(b) *Власти Болгарии*

177. Власти Болгарии полагали, что дело об опеке и попечительстве должно было рассматриваться в целом, поскольку ранее принятые решения, в частности о передаче в приемную семью и о праве на общение, были неразрывно связаны с разбирательством по усыновлению. Договаривающиеся Государства наделены широкими пределами усмотрения при принятии решения о передаче ребенка на попечение государства, но требуется установление более строгого контроля в связи с любыми дополнительными ограничениями. В случае их введения Европейский Суд призван не только изучить процессуальные аспекты принятия решений, но и при необходимости выйти за рамки формы и оценить суть дела. Кроме того, власти Болгарии подчеркнули позитивное обязательство прилагать конкретные усилия для содействия воссоединению семьи в кратчайшие разумные сроки и отметили, что недостаточно доказать, что ребенок может быть помещен в более благоприятные условия для воспитания.

(c) *Власти Чешской Республики*

178. Власти Чешской Республики уделили основное внимание подходу соответствующих органов государственной власти после чрезвычайного или постоянного помещения детей в приемные семьи, поскольку, по их мнению, непосредственная активная работа с биологическими семьями после такого помещения, а также частота контактов между детьми и их биологическими родителями являются решающими факторами в поддержании первоначальных семейных связей.

179. Они также подчеркнули, что при оценке выполнения органами государственной власти их обязательств в соответствии со статьей 8 Конвенции необходимо учитывать положение всех членов семьи. Достигнут широкий консенсус, в том числе в международном праве, о том, что при принятии решений, касающихся детей, их интересы должны иметь первостепенное значение. Однако

принцип «наилучших интересов» был разработан не для того, чтобы стать «козырем». Статья 8 Конвенции охватывает как наилучшие интересы ребенка, так и право родителей на помощь со стороны государства в нахождении или воссоединении со своими детьми. Системы опеки и попечительства не должны пренебрегать правами биологических родителей, которые следует надлежащим образом учитывать и сопоставлять с наилучшими интересами ребенка, а не сводить к минимуму до их полного игнорирования.

180. Кроме того, власти Чешской Республики отметили важность общения между биологическими родителями и их ребенком в системе государственного попечения и иных мер по воссоединению семьи, *inter alia*, для обеспечения того, чтобы передача на воспитание оставалась временной мерой: ограничение общения может послужить началом отчуждения ребенка от его биологической семьи и, следовательно, невозможности для воссоединения семьи. Для того, чтобы можно было говорить о серьезности усилий по воссоединению семьи, общение должно происходить несколько раз в неделю, даже под наблюдением или при определенном содействии, и увеличиваться по времени до ежедневных посещений. Если бы это было так, то можно было бы говорить о постепенном установлении связи между ребенком и его биологическими родителями. Также необходимо предусмотреть ускоренные процедуры.

181. Что касается усыновления, власти Чешской Республики утверждали, что Европейский Суд должен установить баланс между правами биологических родителей и правами усыновителей. Наилучшие интересы ребенка должны оцениваться на основе *ad hoc*, что иногда противоречит другим соответствующим интересам: существуют и иные права, которые необходимо учитывать при определении того, может ли быть ребенок усыновлен.

(d) Власти Дании

182. Власти Дании отметили, что органы власти Норвегии провели всестороннее и тщательное изучение оспариваемого вопроса и что Европейский Суд был обязан ограничиться рассмотрением процесса принятия решений. Европейский Суд не должен, как это сделали меньшинство судей Палаты Европейского Суда, проводить «судебную экспертизу фактов» и подменять своей оценкой оценку судов Норвегии, которые провели сопоставление интересов в соответствии с критериями, установленными статьей 8 Конвенции и прецедентной практикой Европейского Суда.

183. Большинство судей Палаты Европейского Суда дали правильную оценку данному вопросу, и отсутствовали веские основания, по которым Европейский Суд должен был бы пересматривать факты дела в качестве суда четвертой инстанции

через несколько лет после произошедших событий на основе документальных доказательств, представленных Европейскому Суду. Власти Дании ссылались на пункт «с» пункта 28 Копенгагенской декларации¹. Выражая особое мнение, предполагающее совершенно новую оценку, меньшинство судей Палаты Европейского Суда попытались примерить на себя роль суда четвертой инстанции. Власти Норвегии явно показали, что они провели тщательную оценку вопроса, включая всестороннее согласование противоречащих друг другу интересов, и продемонстрировали понимание того, что дело касалось масштабных ограничений семейной и личной жизни, а также приняли во внимание статью 8 Конвенции и правильно применили критерии, установленные в прецедентной практике Европейского Суда.

(e) Власти Италии

184. Власти Италии считали, что интересы первой заявительницы необязательно совпадали с интересами Х. Если Европейский Суд хотел обеспечить соблюдение интересов Х, он мог указать властям Норвегии на необходимость назначения адвоката для него. Кроме того, власти Италии утверждали, что принятые до решения об усыновлении Х акты вступили в силу, и если Европейский Суд будет пересматривать их в связи с жалобой на решение об усыновлении, то это будет противоречить статье 35 Конвенции. Предыдущие решения являются только фактами, и их следует рассматривать как таковые.

185. Кроме того, власти Италии подчеркнули, что в Европе отсутствует консенсус относительно защиты прав родителей и детей на уважение их семейной жизни и что Договаривающиеся Государства обладают широкими пределами усмотрения. В прецедентной практике Европейского Суда есть примеры дел, подход в которых противоречил общим принципам, обычно устанавливаемым Европейским Судом, и в которых он принимал на себя роль суда четвертой инстанции и изучал, имели ли место обстоятельства, оправдывающие изъятие ребенка, что было связано с идеей «судебной экспертизы фактов», изложенной в особом мнении, приложенном к Постановлению Палаты Европейского Суда, а также дел, в которых Европейский Суд исходил из того, что наилучшие интересы ребенка совпадают с интересами его биологических родителей.

186. Что касается наилучших интересов ребенка, власти Италии подчеркнули, что в соответствующих международных документах ребенок считается подвергнутым ненадлежащему уходу,

¹ Имеется в виду Копенгагенская декларация о реформе системы Конвенции о защите прав человека и основных свобод, принятая по итогам конференции Совета Европы 13 апреля 2018 г. (примеч. переводчика).

если родители не поддерживают необходимые отношения для его воспитания или развития или не оказывают ему психологическую и материальную помощь. В связи с этим власти Италии подняли вопросы, связанные с долгосрочной опекой, а именно, что дети, находящиеся на попечении, находились в состоянии неопределенности между отношениями с биологическими родителями и заменяющими их лицами, осуществляющими за ними уход, что приводило к возникновению таких проблем, как конфликты привязанности. Власти Италии ссылались на Постановление Европейского Суда по делу «Барнеа и Кальдарару против Италии» (*Barnea and Caldararu v. Italy*) от 22 июня 2017 г., жалоба № 37931/15, и на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Парадизо и Кампанелли против Италии» (*Paradiso and Campanelli v. Italy*) от 24 января 2017 г., жалоба № 25358/12¹. Специалисты и эксперты подчеркивали, что сохранение связей с биологической семьей не является нормой. Оно должно иметь место только в том случае, если это приносит пользу ребенку в конкретном деле. Только лица, принимающие решения на внутригосударственном уровне, могут провести необходимую оценку данного индивидуального вопроса. У Европейского Суда отсутствуют необходимые инструменты для того, чтобы стать судом четвертой инстанции и провести «судебную экспертизу фактов».

(f) *Власти Словакии*

187. Власти Словакии утверждали, что из прецедентной практики Европейского Суда совершенно четко следовало, что она была главным образом направлена на защиту биологической семьи. Помещение ребенка в приемную семью является крайней мерой, и органам государственной власти следует принимать иные меры, если таковые могут достичь преследуемой цели. В частности, если решение объясняется необходимостью защиты ребенка от опасности, следовало фактически установить наличие такой опасности. Одновременно с этим передача ребенка на попечение должна рассматриваться как временная мера, которая должна быть прекращена, как только это позволят обстоятельства. При этом любая принимаемая мера должна соответствовать конечной цели воссоединения биологического родителя с его ребенком.

188. Власти Словакии представили дополнительные комментарии по делу, в которых действия по обеспечению благополучия детей касались граждан Словакии, а также по поводу обеспокоенности международного сообщества, связанного с мерами по обеспечению благополучия детей, принятыми властями Норвегии.

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 11 (примеч. редактора).

(g) *Власти Соединенного Королевства*

189. Власти Соединенного Королевства считали, что в таких делах, как настоящее, Европейский Суд, как правило, должен проверять соответствие процедур и достаточность оснований, приведенных властями государства-ответчика, а не проводить анализ фактов *de novo*.

190. Европейский Суд перечислил ряд подающихся проверке факторов, которые, по всей видимости, имеют отношение к настоящему делу. В частности, власти Соединенного Королевства отметили, что постоянный характер является неотъемлемой частью любого решения об усыновлении и что баланс интересов необходим, но следует руководствоваться преобладанием интересов ребенка. Таким образом, необходимо учитывать связи ребенка с его *de facto* семьей. Кроме того, статья 8 Конвенции не требует, чтобы органы государственной власти предпринимали бесконечные попытки воссоединения семьи.

191. Что касается принципа subsidiarity, власти Соединенного Королевства ссылались на пункт 28 Копенгагенской декларации. В делах, схожих с настоящим, следует учитывать важность опыта и вовлеченность в ситуацию властей государства-ответчика по сравнению с Европейским Судом, уровень участия сторон, затронутых производством на внутригосударственном уровне, и степень консенсуса между Договаривающимися Государствами. Серьезность оспариваемого вмешательства также имела значение, но более тщательный анализ не мог повлечь за собой новую оценку фактов, особенно в том случае, когда с момента принятия оспариваемого решения прошло много времени. Как можно понять, меньшинство судей Палаты Европейского Суда стремились доказать, что Европейский Суд должен был осуществить собственную оценку лежащих в основе дела фактов, а не пересматривать решения, в частности, с учетом их ссылки на необходимость «судебной экспертизы фактов» и указаний на то, что судьи, выразившие особое мнение, предполагали, что Европейский Суд сам должен был принять решение «по существу». Власти Соединенного Королевства предложили Большой Палате отклонить данный подход. Как было указано большинством судей Палаты Европейского Суда, последний должен был проанализировать вопрос о том, привели ли органы власти государства-ответчика относимые и достаточные основания для своих решений, но только органы власти Норвегии были в состоянии определить, что отвечало наилучшим интересам ребенка.

(h) *Международный альянс в защиту свободы*

192. Международный альянс в защиту свободы утверждал, что семья получила международное признание в качестве основной группы

общества и имеет особое значение для детей. Согласно прецедентной практике Европейского Суда Договаривающиеся Государства должны были организовать свои службы опеки и попечительства таким образом, чтобы содействовать воссоединению семьи при отсутствии явных доказательств риска для благополучия ребенка. Кроме того, Международный альянс в защиту свободы подчеркнул обязанность поддерживать контакты между родителями и детьми и оказывать практическую помощь семьям.

(i) *Итальянская ассоциация магистратов по делам несовершеннолетних и семьи (далее – АИММФ)*

193. АИММФ подчеркнула важность личного участия биологического родителя в получении правовой помощи, в разбирательствах в органах власти государства-ответчика, как это делала первая заявительница. В дополнение к некоторым комментариям относительно решения об экстренном помещении АИММФ также подчеркнула необходимость предоставления ребенку правовой помощи в целях обеспечения защиты его наилучших интересов.

194. Кроме того, АИММФ утверждала, что междисциплинарный состав Окружного совета по социальному обеспечению и Окружного суда представлял особую значимость, что также было отмечено Европейским Судом в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Парадизо и Кампанелли против Италии», § 212. Лица, принимающие решения, которые обладают междисциплинарными полномочиями, формируют важный аспект системы правосудия, приспособленной для потребностей детей.

195. Кроме того, АИММФ подчеркнула важность учета того факта, что настоящее дело касается конкретно X и что было необходимо найти решение в свете его уязвимости и истории, включая его переживания в ходе сеансов общения и его связь с приемными родителями. Как следует из Постановления Палаты Европейского Суда, большинство судей понимали потребности X в более широком смысле, чем это было отражено в особом мнении. Именно исходя из индивидуальных обстоятельств и истории X органы власти Норвегии пришли к выводу о том, что укрепление отношений с приемными родителями отвечает его наилучшим интересам.

(j) *Центр AIRE*

196. Центр AIRE призвал Европейский Суд напомнить, что Конвенция является «живым инструментом» и что необходимо учитывать эволюционирующий характер прав детей в соответствии с Конвенцией ООН о правах ребенка.

197. В отношении оценки наилучших интересов ребенка центр AIRE подчеркнул важность единства семьи и права ребенка быть выслушанным, которое предусмотрено статьей 12 Конвенции ООН о правах ребенка. Что касается пороговых показателей для изъятия ребенка из семьи и его усыновления, Центр AIRE напомнил о принципах, касающихся необходимости и соразмерности. Он также указал на необходимость правовой определенности и гибкости и подчеркнул, что «простое усыновление» («*adoption simple*») или длительное помещение в приемную семью возможно в качестве альтернативы «закрытому» усыновлению. Хотя в крайне исключительных обстоятельствах сохранение контакта с биологическими родителями может не отвечать наилучшим интересам ребенка (например, если родители обеспечивают функционирование сети педофилов, занимаются торговлей детьми или неоднократно подвергают детей жестокому обращению), данный вывод не должен автоматически следовать из решения о том, что ребенку необходима стабильная постоянная семья, которая невозможна с биологическими родителями.

198. Центр AIRE также утверждал, что у родителей с ограниченными умственными способностями детей обычно изымали в младенческом возрасте, при этом основную озабоченность вызывали медленный набор веса, общее отставание в физическом развитии и недостаточное понимание родителями потребностей детей. Родители с ограниченными умственными способностями имеют право на поддержку. Данное позитивное обязательство подчеркивается, *inter alia*, в Замечании общего порядка № 14(2013) к Конвенции ООН о правах ребенка.

(k) *Усыновители*

199. Усыновители X утверждали, что представление его интересов в Европейском Суде затронуло в настоящем деле важный вопрос. Принцип обеспечения наилучших интересов ребенка также должен применяться к процессуальным нормам представительства. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда нормы, касающиеся представительства детей, были гибкими и применялись в целях обеспечения того, чтобы все соответствующие интересы были доведены до сведения Европейского Суда. Разрешение биологическим родителям представлять интересы ребенка, охраняемая семейная жизнь которого протекала с приемными родителями или с усыновителями, не обеспечивало эффективной защиты прав ребенка в соответствии с Конвенцией.

200. Согласно прецедентной практике Европейского Суда «семейная жизнь» по сути представляла собой вопрос факта. Европейский Суд подчеркивал, что установление справедливого баланса между публичными интересами и мно-

жеством различных частных интересов играет особенно важную роль в случае, если у ребенка установились семейные связи с двумя разными семьями. Усыновители ссылались, *inter alia*, на Постановление Европейского Суда по делу «Моретти и Бенедетти против Италии» (Moretti and Benedetti v. Italy) от 27 апреля 2010 г., жалоба № 16318/07¹. Вместе с тем следует также уделять надлежащее внимание и иным сформировавшимся связям, например, с братьями и сестрами.

201. Кроме того, в прецедентной практике Европейского Суда сформировался принцип обеспечения наилучших интересов ребенка в качестве первостепенного и решающего фактора в делах, касающихся передачи детей на попечение государства и на усыновление. Большая Палата Европейского Суда должна стремиться к тому, чтобы объединить прецедентную практику, касающуюся семейной жизни ребенка с его приемными родителями, и с наилучшими интересами ребенка в настоящем деле.

4. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(а) Общие принципы

202. Первый пункт статьи 8 Конвенции гарантирует каждому право на уважение его семейной жизни. Как следует из сложившейся прецедентной практики Европейского Суда, взаимная радость, которую дети и родители получают в обществе друг друга, представляет собой основополагающий элемент семейной жизни, и меры государств-ответчиков, препятствующие этому, равносильны вмешательству в право, гарантированное указанным положением Конвенции. Любое подобное вмешательство является нарушением этой статьи Конвенции, за исключением случаев, когда оно «соответствует закону», преследует правомерную цель или цели в соответствии со вторым пунктом статьи 8 Конвенции и может рассматриваться как «необходимое в демократическом обществе» (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии» (K. and T. v. Finland), жалоба № 25702/94, § 151, ECHR 2001-VII, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Йохансен против Норвегии», § 52).

203. При установлении выполнения последнего условия Европейский Суд с учетом всех обстоятельств дела в целом рассматривает вопрос о том, являются ли основания, приведенные для обоснования соответствующей меры, относимыми и достаточными в целях применения пункта 2 статьи 8 Конвенции (см. среди прочих

многочисленных примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Парадизо и Кампанелли против Италии», § 179). Понятие «необходимость» предполагает соответствие вмешательства острой социальной потребности и, в частности, его соразмерности преследуемой правомерной цели с учетом справедливого баланса, который необходимо установить между конкурирующими интересами (см. *ibid.*, § 181).

204. Что касается семейной жизни ребенка, Европейский Суд напоминает о широком консенсусе, в том числе в международном праве, в поддержку идеи о том, что во всех решениях, касающихся детей, их наилучшие интересы имеют первостепенное значение (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии» (Neulinger and Shuruk v. Switzerland), жалоба № 41615/07, § 135, ECHR 2010). Действительно, Европейский Суд подчеркивал, что в делах, касающихся опеки над детьми и ограничений общения, интересы ребенка должны быть выше всех иных соображений (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Йованович против Швеции», § 77, и Постановление Европейского Суда по делу «Гнаоре против Франции» (Gnahoré v. France), жалоба № 40031/98, § 59, ECHR 2000-IX).

205. Одновременно с этим следует отметить, что учет единства и воссоединения семьи в случае разлучения является неотъемлемым аспектом права на уважение семейной жизни в соответствии со статьей 8 Конвенции. Таким образом, при установлении попечения государства, ограничивающего семейную жизнь, на органах государственной власти лежит позитивное обязательство по принятию мер, содействующих воссоединению семьи, в кратчайшие разумные сроки (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии», § 178).

206. В случаях, когда соответствующие интересы ребенка противоречат интересам родителей, статья 8 Конвенции требует, чтобы органы власти государств-ответчиков устанавливали справедливый баланс этих интересов и чтобы при установлении баланса особое значение придавалось наилучшим интересам ребенка, которые в зависимости от своего характера и важности могут преобладать над интересами родителей (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Зоммерфельд против Германии» (Sommerfeld v. Germany), жалоба № 31871/96, § 64, ECHR 2003-VIII (извлечения), а также приведенные в нем примеры).

207. Как правило, наилучшие интересы ребенка требуют, с одной стороны, чтобы связи ребенка с его семьей поддерживались, за исключением случаев, когда семья оказывалась особенно не под-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 9 (примеч. редактора).

ходящей для ребенка, поскольку разрыв данных связей означает отрыв ребенка от его корней. Из этого следует, что семейные узы могут быть разорваны только при крайне исключительных обстоятельствах и что должно быть сделано всё для сохранения личных отношений и, если и когда это необходимо, для «восстановления» семьи (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гнаоре против Франции», § 59). С другой стороны, очевидно, что в интересах ребенка также обеспечить его развитие в здоровой среде, и в соответствии со статьей 8 Конвенции родитель не вправе позволять принятие таких мер, которые могли бы причинить вред здоровью и развитию ребенка (см. среди многочисленных примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии», § 136, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эльшольц против Германии» (Elsholz v. Germany), жалоба № 25735/94, § 50, ECHR 2000-VIII, и Постановление Европейского Суда по делу «Маршалеk против Чешской Республики» (Maršálek v. Czech Republic) от 4 апреля 2006 г., жалоба № 8153/04, § 71). На международном уровне достигнут важный консенсус в отношении того, что ребенок не должен быть разлучен со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка (см. пункт 1 статьи 9 Конвенции ООН о правах ребенка, изложенный выше в § 134). Кроме того, Договаривающимся Государствам необходимо ввести практические и эффективные процессуальные гарантии для защиты наилучших интересов ребенка и обеспечить их реализацию (см. пункты 85 и 87 Замечания общего порядка Комитета ООН по правам ребенка № 14(2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов, цитируемые выше в § 136).

208. Согласно другому руководящему принципу постановление об опеке следует рассматривать как временную меру, которая должна быть отменена, как только позволят обстоятельства, а любые меры, устанавливающие временную опеку, должны соответствовать конечной цели воссоединения биологических родителей с их ребенком (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Олссон против Швеции» (№ 1) (Olsson v. Sweden) (№ 1) от 24 марта 1988 г., § 81, Series A, № 130). Вышеупомянутое позитивное обязательство принимать меры по содействию воссоединению семьи в кратчайшие разумные сроки начнет довлеть над компетентными органами со всё возрастающей силой с самого начала периода опеки, при этом указанное обязательство в любом слу-

чае необходимо согласовывать с обязательством учитывать наилучшие интересы ребенка (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии», § 178). В подобных делах достаточность меры следует оценивать по оперативности ее применения, поскольку прошествие времени может иметь необратимые последствия для отношений между ребенком и родителем, с которым он не проживает (см., *inter alia*, Постановление Европейского Суда по делу «S.H. против Италии» (S.H. v. Italy) от 13 октября 2015 г., жалоба № 52557/14, § 42). Таким образом, если органы государственной власти несут ответственность за распад семьи вследствие невыполнения ими указанного выше обязательства, они не вправе обосновывать решение о разрешении усыновления отсутствием связей между родителями и ребенком (см. Постановление Европейского Суда по делу «Понтеш против Португалии» (Pontes v. Portugal) от 10 апреля 2012 г., жалоба № 19554/09, §§ 92 и 99). Кроме того, связи между членами семьи и перспективы их успешного воссоединения так или иначе ослабнут при возникновении препятствий для их свободного и регулярного общения друг с другом (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоццари и Джунта против Италии», § 174, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Олссон против Швеции (№ 1)», § 81). Однако по истечении значительного периода времени с момента, когда ребенок был первоначально передан на попечение государства, интерес ребенка в том, чтобы его *de facto* семейная ситуация вновь не изменилась, может преобладать над интересами родителей в воссоединении их семьи (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии», § 155).

209. Что касается замены опеки со стороны приемной семьи на более радикальную меру, такую как лишение родительских прав и разрешение на усыновление, вследствие чего происходит окончательный разрыв правовых связей заявителей с ребенком, следует напомнить, что «такие меры должны применяться только в исключительных обстоятельствах и могут быть оправданы только в том случае, если они мотивированы приоритетным требованием, касающимся наилучших интересов ребенка» (см., например, упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Йохансен против Норвегии», § 78, и «Эуне против Норвегии», § 66). Сама природа усыновления предполагает, что отсутствует какая-либо реальная перспектива реабилитации или воссоединения семьи, и что вместо этого в наилучших интересах ребенка было бы то, чтобы он был помещен в новую семью на постоянной основе (см. Постановление Европейского Суда по делу «R. и H. против

Соединенного Королевства» (R. and H. v. United Kingdom) от 31 мая 2011 г., жалоба № 35348/06, § 88).

210. Устанавливая, были ли основания оспариваемых мер относимыми и достаточными для целей пункта 2 статьи 8 Конвенции, Европейский Суд учитывает тот факт, что представления о целесообразности вмешательства органов государственной власти в опеку над детьми отличаются в разных Договаривающихся Государствах в зависимости от традиций, касающихся роли семьи и вмешательства государства в семейные дела, а также от наличия ресурсов для принятия мер на государственном уровне в данной области. Однако в каждом конкретном случае решающее значение имеет анализ того, что отвечает наилучшим интересам ребенка. Кроме того, следует иметь в виду, что у органов государственной власти есть возможность прямого контакта со всеми заинтересованными лицами зачастую на той стадии производства, когда принятие мер по организации опеки предполагается, или сразу после их принятия. Из вышеизложенного следует, что задача Европейского Суда состоит не в том, чтобы подменять собой органы власти государств-ответчиков при исполнении ими своих обязанностей по регулированию опеки над детьми и прав родителей, дети которых были переданы на попечение государства, а в том, чтобы проверить на соответствие Конвенции решения, принятые органами государственной власти в порядке осуществления их права усмотрения (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии», § 154, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Йохансен против Норвегии», § 64).

211. Пределы усмотрения, которые должны быть предоставлены компетентным органам государств-ответчиков, варьируются в зависимости от характера проблем и серьезности затрагиваемых интересов, таких как, с одной стороны, важность защиты ребенка в ситуации, которая оценивается как серьезная угроза для его здоровья или развития, и, с другой стороны, цель воссоединения семьи, как только это позволят обстоятельства. Таким образом, Европейский Суд признает, что органы государственной власти пользуются широкими пределами усмотрения при оценке необходимости передачи ребенка в приемную семью (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии», § 155, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Йохансен против Норвегии», § 64). Однако указанные пределы усмотрения не могут быть бесконтрольны. Так, Европейский Суд в некоторых случаях придавал значение тому, попытались ли органы государственной власти до передачи ребенка на попечение государства принять менее ради-

кальные меры, например, меры поддержки или профилактические меры, и оказались ли такие действия безуспешными (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Олссон против Швеции (№ 1)», §§ 72–74, Постановление Европейского Суда по делу «R.M.S. против Испании» (R.M.S. v. Spain) от 18 июня 2013 г., жалоба № 28775/12, § 86, и Постановление Европейского Суда по делу «Куцнер против Германии» (Kutzner v. Germany), жалоба № 46544/99¹, § 75, ECHR 2002-I). Требуется более строгий контроль в отношении любых дополнительных ограничений, в частности, налагаемых органами государственной власти на права родителей на общение, а также в отношении любых правовых гарантий, призванных обеспечить эффективную защиту права родителей и детей на уважение их семейной жизни. Данные дополнительные ограничения влекут за собой риск того, что семейные отношения между родителями и малолетним ребенком фактически будут прекращены (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии», *ibid.*, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Йохансен против Норвегии», *ibid.*).

212. В делах, касающихся передачи на попечение государства, Европейский Суд также учитывает процесс принятия решений органами государственной власти, чтобы установить, гарантировал ли такой процесс, что мнения и интересы биологических родителей будут доведены до сведения органов государственной власти и надлежащим образом приняты ими во внимание и что биологические родители смогут своевременно воспользоваться любыми доступными им средствами правовой защиты (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «W. против Соединенного Королевства» (W. v. United Kingdom) от 8 июля 1987 г., § 63, Series A, № 121, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эльсхольц против Германии», § 52). Необходимо установить, учитывая конкретные обстоятельства дела и, в частности, серьезный характер принимаемых решений, участвовали ли родители в процессе принятия решений в целом в достаточной степени, которая гарантировала бы им необходимую защиту их интересов, и смогли ли они представить свое дело в полном объеме (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «W. против Соединенного Королевства», § 64, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Т.Р. и К.М. против Соединенного Королевства» (T.P. and K.M. v. United Kingdom), жалоба № 28945/95, § 72, ECHR 2001-V (извле-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 11 (примеч. редактора).

чения), упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии», § 139, и Постановление Европейского Суда по делу «У.С. против Соединенного Королевства» (У.С. v. United Kingdom) от 13 марта 2012 г., жалоба № 4547/10, § 138). Из изложенных выше соображений следует, что использование биологическими родителями средств судебной защиты, чтобы добиться воссоединения со своим ребенком, само по себе не может быть вменено им в вину. Кроме того, в подобных делах всегда существует риск того, что любая процессуальная задержка приведет к *de facto* решению вопроса, переданного в суд, до проведения слушаний по нему. Аналогичным образом эффективное уважение семейной жизни требует, чтобы будущие отношения между родителем и ребенком определялись исключительно с учетом всех значимых для дела доводов, а не просто ввиду естественного истечения срока (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «W. против Соединенного Королевства», § 65).

213. Вопрос о том, защищает ли процесс принятия решений интересы родителей в достаточной степени, зависит от конкретных обстоятельств дела (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Зоммерфельд против Германии», § 68). С учетом проведенного анализа настоящего дела Европейский Суд отмечает, что в вышеуказанном деле он был призван рассмотреть вопрос о вынесении распоряжения в целях подготовки психологического заключения о возможностях установления контакта между ребенком и заявителем. Европейский Суд отметил, что по общему правилу суды государств-ответчиков должны оценивать представленные им доказательства, в том числе способы установления соответствующих фактов (см. Постановление Европейского Суда по делу «Видал против Бельгии» (Vidal v. Belgium) от 22 апреля 1992 г., § 33, Series A, № 235-B). Было бы преувеличением утверждать, что суды государств-ответчиков во всех случаях обязаны привлекать психолога для решения вопроса об установлении контактов с родителем, лишенным права опеки над ребенком. Данный вопрос зависит от конкретных обстоятельств каждого дела с надлежащим учетом возраста и уровня зрелости заинтересованного ребенка (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Зоммерфельд против Германии», § 71).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

214. Стороны в настоящем деле не оспаривали, и Европейский Суд находит однозначно установленным, что обжалуемые решения, принятые в ходе разбирательства, возбужденного первой

заявительницей 29 апреля 2011 г. (см. выше § 81), начиная с решения Совета от 8 декабря 2011 г. и заканчивая постановлением Специального проверочного апелляционного комитета Верховного суда Норвегии от 15 октября 2012 г., представляли собой вмешательство в право заявителей на уважение их семейной жизни согласно пункту 1 статьи 8 Конвенции. Кроме того, в настоящем деле не оспаривалось, что указанные решения были приняты в соответствии с законом, а именно Законом о благополучии детей (см. выше § 122), и преследовали правомерные цели: «охрану здоровья или нравственности» и «прав и свобод» Х. Европейский Суд не усматривает оснований считать иначе. Таким образом, вмешательство отвечало двум из трех оправдывающих его условий, которые были предусмотрены пунктом 2 статьи 8 Конвенции. Спор в настоящем деле касается третьего условия, а именно было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе».

215. Принимая во внимание ограничение пределов рассмотрения дела, как изложено выше в §§ 147–148, Европейский Суд в своем анализе сконцентрируется на проверке дела Окружным судом, как она отражена в его постановлении от 22 февраля 2012 г., которое вступило в силу 15 октября 2012 г., когда Специальный проверочный апелляционный комитет Верховного суда Норвегии отклонил апелляционную жалобу первой заявительницы (см. выше §§ 98–113, 118 и 121).

216. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что в состав Окружного суда входили профессиональный судья, представитель общественности и психолог. Окружной суд провел трехдневное слушание, на котором первая заявительница присутствовала вместе со своим адвокатом и на котором 21 свидетель, включая экспертов, дал показания (см. выше § 98). Кроме того, Европейский Суд отмечает, что Окружной суд действовал в качестве апелляционной инстанции и что производства, аналогичные производству в данном суде, проводились ранее Окружным советом по социальному обеспечению, который приводил схожие веские основания и состав которого был аналогичен составу Окружного суда (см. выше §§ 89–95). Постановление Окружного суда подлежало проверке в процессе разбирательства по выдаче разрешения на обжалование в апелляционном суде (см. выше §§ 114–118), которое, в свою очередь, подверглось пересмотру со стороны Специального проверочного апелляционного комитета Верховного суда Норвегии (см. выше §§ 119–121).

217. В своем постановлении Окружной суд принял решение не отменять постановление об опеке над Х, лишить первую заявительницу родительских прав в отношении него и разрешить его усыновление приемными родителями согласно статьям 4–21 и 4–20 Закона о благополучии детей соответственно (см. выше § 122). Учитывая, что

Окружной суд ссылаясь на несколько оснований для обоснования своих решений, Европейский Суд отмечает, что в соответствии с изложенными выше положениями главным условием для введения оспариваемых мер является способность биологических родителей принять на себя опеку над ребенком. Так, в силу статьи 4–21 Закона о благополучии детей предварительным условием для отмены постановления об опеке служила высокая вероятность того, что родители смогут обеспечить надлежащий уход за ребенком. В соответствии со статьей 4–20 Закона о благополучии детей согласие на усыновление может быть дано, если следует считать вероятным, что родители не смогут на постоянной основе обеспечить надлежащий уход за ребенком.

218. Окружной суд дал оценку этому вопросу, главным образом, в мотивировочной части, посвященной ходатайству заявительницы об отмене постановления об опеке, которую можно кратко изложить следующим образом. В некоторых аспектах ее положение улучшилось (см. выше § 100). Однако Х был уязвимым ребенком, который эмоционально реагировал на сеансы общения (см. выше §§ 101–102). Приведенные доказательства ясно свидетельствовали о том, что фундаментальные недостатки, имевшиеся у первой заявительницы на момент вынесения апелляционным судом постановления в ходе предыдущего этапа судебных разбирательств, по-прежнему сохранялись. Ее способность регулировать ситуации общения не улучшились. Она подтвердила, что будет бороться до тех пор, пока ребенок не будет возвращен ей, и заявила, что не считает, что публичность и повторные судебные разбирательства могут причинить вред ребенку в долгосрочной перспективе (см. выше §§ 103–104). Кроме того, эксперты, которые давали показания в суде, за исключением К.М., не рекомендовали возвращать Х матери (см. выше § 105). Отсутствовали какие-либо основания для более подробного рассмотрения иных доводов, касающихся способностей первой заявительницы осуществлять уход, поскольку возвращение ей Х в любом случае не считалось приемлемым вариантом ввиду серьезных проблем, которые возникнут у ребенка вследствие изъятия из приемной семьи (см. выше § 106).

219. Принимая решение по ходатайству службы опеки и попечительства о лишении первой заявительницы родительских прав в отношении Х и о разрешении на усыновление последнего, Окружной суд поддержал доводы Совета относительно альтернативных критериев, изложенных в пункте «а» статьи 4–20 Закона о благополучии детей, а именно, что следует считать вероятным, что первая заявительница не сможет обеспечить Х надлежащий уход на постоянной основе или что Х настолько привязался к своей приемной семье и окружению, что, по общей оценке, его изъятие

может привести к серьезным проблемам для него (см. выше § 108). Что касается вопроса о навыках по осуществлению ухода за детьми, в данном контексте заслуживают внимания следующие выводы Совета. Отсутствовали какие-либо указания на то, что навыки первой заявительницы по осуществлению ухода улучшились со времени вынесения апелляционным судом постановления от 22 апреля 2010 г. Она не осознавала, что ненадлежащим образом осуществляла уход за Х, не могла сосредоточиться на ребенке и на том, что было лучше для него. Хотя информация о том, что первая заявительница вышла замуж и имела второго ребенка, была принята к сведению, она не имела решающего значения в отношении ее способности осуществлять уход за Х. Он являлся особенно уязвимым ребенком и испытывал серьезные недостатки в уходе, представляющие угрозу для жизни, в течение первых трех недель своей жизни. Совет также принял во внимание опыт, полученный в ходе сеансов общения. Кроме того, поскольку Х прожил в приемной семье три года и не знал первую заявительницу, возвращение ей ребенка потребовало бы развитой способности сопереживать и понимать его и проблемы, с которыми он столкнется. Однако первая заявительница и ее семья были полностью лишены такого сочувствия и понимания (см. выше § 90).

220. Европейский Суд полностью осознает первичную заинтересованность ребенка в процессе принятия решений. Тем не менее процесс, который привел к лишению родительских прав и к даче согласия на усыновление, свидетельствует о том, что органы власти Норвегии не пытались установить подлинный баланс между интересами ребенка и его биологической семьей (см. выше §§ 207 и 208), а сосредоточили свое внимание на интересах ребенка вместо того, чтобы попытаться совместить и те, и другие интересы. Вместе с тем они серьезно не рассматривали возможность воссоединения ребенка с его биологической семьей. В данном контексте Европейский Суд, в частности, не убежден в том, что компетентные органы государства-ответчика надлежащим образом изучили потенциальное значение того факта, что на момент подачи первой заявительницей ходатайства об отмене постановления об опеке или в качестве альтернативы о расширении прав на общение в ее жизни произошли существенные изменения: тем же летом и осенью, когда началось оспариваемое судебное разбирательство, она вышла замуж и родила второго ребенка. В связи с этим, поскольку решение Окружного суда в значительной степени основывалось на оценке неспособности первой заявительницы осуществлять уход за ребенком, представляется, что фактическая основа, на которую он ссылаясь при проведении такой оценки, демонстрирует ряд недостатков в процессе принятия решения.

221. Европейский Суд отмечает, что рассматриваемые решения были приняты в контексте достаточно ограниченного общения между первой заявительницей и Х. Совет в своем решении от 2 марта 2009 г. и апелляционный суд в своем постановлении от 22 апреля 2010 г. (об отмене постановления Окружного суда от 19 августа 2009 г.) исходили из того, что передача Х в приемную семью, скорее всего, будет долгосрочной и что Х вырастет в приемной семье (см. выше §§ 31, 43 и 75). Апелляционный суд отметил, что сеансы общения могут, таким образом, служить средством поддержания контакта между матерью и сыном, чтобы он знал о своем происхождении. Следовательно, их цель не заключалась в том, чтобы установить отношения для будущего возвращения ребенка на попечение его биологической матери (см. *ibid.*). Что касается проведения сеансов общения, Европейский Суд подчеркивает, что их организация не особенно способствовала тому, чтобы первая заявительница могла свободно установить дружеские отношения с Х, например, в части того, где проводились сеансы общения и кто на них присутствовал. Хотя сеансы общения зачастую не были эффективными, представляется, что было мало сделано для того, чтобы использовать альтернативные механизмы реализации общения. Таким образом, по мнению Европейского Суда, редкое общение между заявителями с момента помещения Х в приемную семью служило ограниченным доказательством, на основании которого можно было сделать четкие выводы о навыках первой заявительницы по осуществлению ухода за ребенком.

222. Более того, Европейский Суд считает существенным отсутствие повторных экспертных заключений с момента вынесения экспертных заключений в ходе предыдущего разбирательства по делу в период между 2009 и 2010 годами в отношении передачи Х на попечение государства. К указанным заключениям относились заключение психолога В.С. и семейного врача Е.В.А., подготовленное по распоряжению службы опеки и попечительства в отношении реакций Х на сеансы общения в начале сентября 2009 года (см. выше § 58), а также заключение психолога М.С., назначенного апелляционным судом 15 ноября 2009 г. (см. выше § 61). Первое заключение датировано 20 февраля 2010 г., а второе – 3 марта 2010 г. (см. выше §§ 62 и 63 соответственно). На момент вынесения Окружным судом его постановления от 22 февраля 2012 г. обоим заключениям было уже два года. Действительно, наряду с другими свидетелями, такими как члены семьи, психологи В.С. и М.С. также дали показания в ходе слушания дела, проведенного Окружным судом в 2012 году (см. выше § 98). Однако оба психолога не проводили каких-либо новых обследований с момента проведения обследований перед подготовкой их заключений, датированных началом 2010 года, и только

одно заключение психолога М.С. было основано на наблюдениях за взаимодействием между заявителями и то только в двух случаях (см. выше § 63).

223. Европейский Суд принимает во внимание тот факт, что служба опеки и попечительства запросила у первой заявительницы информацию о ее новой семье, которую она, очевидно, отказалась предоставить (см. выше §§ 85 и 115). При этом Европейский Суд отмечает, что адвокат первой заявительницы прямо ходатайствовал о проведении новой экспертизы, но апелляционный суд отклонил данное ходатайство (см. выше §§ 114 и 118). Окружной суд также не распорядился о проведении новой экспертизы *proprio motu* в ходе разбирательства по делу. Хотя по общему правилу решение о необходимости экспертных заключений должно быть принято органами власти государства-ответчика (см., например, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Зоммерфельд против Германии», § 71), Европейский Суд считает, что отсутствие новой экспертизы существенно ограничило фактическую оценку нового положения первой заявительницы и ее навыков по уходу за ребенком на соответствующий момент времени. В таких обстоятельствах, вопреки тому, как, по-видимому, предполагал Окружной суд, первой заявительнице нельзя обоснованно вменить в вину, что она не осознавала, что повторное судебное разбирательство может причинить ребенку вред в долгосрочной перспективе (см. выше §§ 104 и 218).

224. В дополнение, из доводов Окружного суда следует, что при оценке навыков первой заявительницы по осуществлению ухода за ребенком он отдельно отметил особые потребности Х в уходе с учетом его уязвимости. Однако хотя уязвимость Х послужила основной причиной первоначального решения передать его в приемную семью (см., например, выше §§ 31 и 42), в постановлении Окружного суда отсутствовала информация о том, почему такая уязвимость сохранялась несмотря на то, что он проживал в приемной семье с трехнедельного возраста. Постановление также практически не содержало какого-либо анализа характера его уязвимости, за исключением краткого экспертного описания, согласно которому Х легко приходил в возбужденное состояние, нуждался в тишине, безопасности и поддержке, а также указания на сопротивление и отстраненность Х при общении с первой заявительницей, особенно когда он сталкивался с ее эмоциональными вспышками (см. выше §§ 101–110). По мнению Европейского Суда, принимая во внимание важность рассматриваемых интересов, компетентные органы были обязаны более подробно оценить уязвимость Х в ходе рассматриваемого разбирательства.

225. При указанных обстоятельствах, особенно принимая во внимание ограниченный характер доказательств, которые могли быть получены

в результате проведенных сеансов общения (см. выше § 221), во взаимосвязи с отказом, несмотря на новую семейную ситуацию первой заявительницы, назначить повторную экспертизу в отношении ее способности осуществлять надлежащий уход за ребенком и с учетом значимости данного фактора в оценке Окружного (см. выше §§ 222–223), а также с учетом отсутствия доводов в отношении сохраняющейся уязвимости Х (см. выше § 224), Европейский Суд не считает, что процесс принятия решений, которые привели к вынесению оспариваемого постановления от 22 февраля 2012 г., проводился таким образом, чтобы обеспечить надлежащий учет всех взглядов и интересов заявителей. Таким образом, Европейский Суд не удостоверился в том, что оспариваемая процедура сопровождалась гарантиями, которые были соразмерны серьезности вмешательства и важности затрагиваемых интересов.

226. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд приходит к выводу, что имело место нарушение требований статьи 8 Конвенции в отношении обоих заявителей.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

227. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. УЩЕРБ

228. Заявители требовали выплатить каждому по 25 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

229. Власти Норвегии просили Европейский Суд в случае установления нарушения присудить справедливую компенсацию в соответствии со статьей 41 Конвенции.

230. Европейский Суд считает целесообразным в настоящем деле присудить компенсацию первой заявительнице, учитывая боль и страдания, которые она, как представляется, испытывала вследствие осуществления процедур, связанных с ее требованием о возвращении Х, а также в результате обращения службы опеки и попечительства в суд с ходатайством о лишении ее родительских прав в отношении Х и о разрешении на его усыновление. Европейский Суд присуждает первой заявительнице 25 000 евро по данному основанию. Что касается Х, учитывая его возраст на соответствующий момент времени и тот факт, что он не воспринимал указанные процедуры таким же образом, как первая заявительница, Европейский Суд счи-

тает, что установление нарушения само по себе может считаться достаточной справедливой компенсацией.

B. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

231. Заявители также требовали выплатить им 50 000 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в рамках производств в органах власти Норвегии и в Палате Европейского Суда, а также 9 564 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в ходе рассмотрения дела в Большой Палате Европейского Суда.

232. Власти Норвегии просили Европейский Суд в случае установления нарушения присудить заявителям справедливую компенсацию в соответствии со статьей 41 Конвенции.

233. Согласно прецедентной практике Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той части, в которой доказано, что они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру.

234. В настоящем деле с учетом имеющихся в его распоряжении документов и вышеизложенных критериев Европейский Суд отклоняет требование заявителей о компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в ходе производств в Норвегии и в Палате Европейского Суда, поскольку заявители не доказали, что такие расходы были действительно понесены. Что касается судебных расходов и издержек, понесенных в ходе рассмотрения дела в Большой Палате Европейского Суда, Европейский Суд отмечает, что, кроме расходов на проезд, было предъявлено требование со ссылкой на соглашение об условном адвокатском гонораре, в соответствии с которым первая заявительница обязуется выплатить своему адвокату 9 000 евро в случае «успешного разрешения дела Европейским Судом». Подобные соглашения, порождающие обязательства исключительно между адвокатом и его доверителем, не связывают Европейский Суд, который должен оценить уровень подлежащих присуждению судебных расходов и издержек не только с учетом того, были ли они фактически понесены, но и были ли они разумными по размеру (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Иатридис против Греции» (*Iatridis v. Greece*) (справедливая компенсация), жалоба № 31107/96, § 55, *ECHR* 2000-XI). Следовательно, Европейский Суд в качестве основы для своей оценки примет другую информацию, представленную заявителями для обоснования их требований. В соответствии с пунктом 2 правила 60 Регламента Европейского Суда заявитель должен представить все свои требования в виде расчета с распределе-

нием по рубрикам. В отсутствие такого расчета Европейский Суд отклоняет требование полностью или в части (см., *inter alia*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А, В и С против Ирландии» (A, B and C v. Ireland), жалоба № 25579/05, § 281, ECHR 2010). В настоящем деле Европейский Суд, учитывая, что требование не оспаривалось, считает разумным присудить сумму в размере 9 350 евро в связи с производством дела в Большой Палате Европейского Суда. В обстоятельствах настоящего дела целесообразно присудить данную компенсацию только первой заявительнице.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

235. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда:

1) *отклонила* 15 голосами «за» при двух – «против» предварительные возражения властей Норвегии;

2) *постановила* 13 голосами «за» при четырех – «против», что имело место нарушение статьи 8 Конвенции в отношении обоих заявителей;

3) *постановила* 16 голосами «за» при одном – «против», что установление факта нарушения Конвенции само по себе является достаточной справедливой компенсацией морального вреда, причиненного второму заявителю;

4) *постановила* 13 голосами «за» при четырех – «против», что:

(а) власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить первой заявительнице следующие суммы, подлежащие переводу в норвежскую крону (NOK) по курсу, который будет установлен на день выплаты:

(i) 25 000 (двадцать пять тысяч) евро, а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 9 350 (девять тысяч триста пятьдесят) евро, а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на заявительницу, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(б) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на указанные выше суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредит-

ной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

5) *отклонила* единогласно оставшуюся часть требований первой заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, вынесено на открытом слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 10 сентября 2019 г.

Сёрен ПРЕБЕНСЕН	Линос-Александр
Заместитель	СИЦИЛИАНОС
Секретаря	Председатель
Большой Палаты Суда	Большой Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения судей:

(а) совпадающее мнение судьи Карла Ранцони, к которому присоединились судьи Анна Юдковская, Эгидиус Курис, Армен Арутюнян, Петер Пачолаи и Ладо Чантурия;

(б) совпадающее мнение судьи Эгидиуса Куриса;

(с) совместное особое мнение судей Йона Фридрика Кьельбро, Алёны Полачковой, Полин Коскело и Дага Бюгге Нордена по существу дела;

(d) совместное особое мнение судей Полин Коскело и Дага Бюгге Нордена по вопросу права первой заявительницы представлять интересы второго заявителя.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КАРЛА РАНЦОНИ, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛИСЬ СУДЬИ АННА ЮДКОВСКАЯ, ЭГИДИУС КУРИС, АРМЕН АРУТЮНЯН, ПЕТЕР ПАЧОЛАИ И ЛАДО ЧАНТУРИЯ

I. ВВЕДЕНИЕ

1. Я голосовал совместно с большинством судей за установление нарушения статьи 8 Конвенции. Однако я частично не согласен с доводами, которые, на мой взгляд, недостаточно затрагивают основные вопросы, послужившие причиной передачи дела в Большую Палату Европейского Суда. В этом отношении большинство судей предпочли чрезмерно узкий подход, сопряженный с весьма ограниченным «процессуальным» нарушением.

2. Настоящее дело можно кратко представить следующим образом. 25 сентября 2008 г. первая заявительница родила сына, второго заявителя. Впоследствии она находилась с ним в семейном центре. 17 октября 2008 г. органы государственной власти решили экстренно разместить ребенка в приемную семью, разрешив матери посещать сына до полутора часов в неделю. Решением

Окружного совета по социальному обеспечению (далее – Совет) от 2 марта 2009 г. ребенок был передан в приемную семью в обычном порядке, и общение с матерью было установлено в количестве шести раз в год продолжительностью по два часа. Окружной суд отменил указанное решение, но апелляционный суд своим постановлением от 22 апреля 2010 г. оставил в силе решение Совета о принудительной передаче ребенка на попечение государства и уменьшил права матери на общение с ним до четырех посещений в год продолжительностью по два часа. Ребенок оставался в приемной семье до тех пор, пока 8 декабря 2011 г. Совет не принял решение о лишении матери родительских прав и о разрешении приемным родителям усыновить ребенка. При рассмотрении жалобы первой заявительницы 22 февраля 2012 г. Окружной суд оставил указанное решение в силе, и оно стало окончательным после принятия Специальным проверочным апелляционным комитетом Апелляционной коллегии Верховного суда Норвегии решения от 15 октября 2012 г.

3. С учетом того, что доводы большинства судей касались главным образом производства в связи с решением Совета от 8 декабря 2011 г., в частности, постановления Окружного суда от 22 февраля 2012 г., я полагаю, что «подлинные» проблемы, которые подлежат разрешению, касаются производства, предшествовавшего принятию указанных решений, и особой правовой ситуации в Норвегии.

II. НЕДОСТАТКИ РАЗБИРАТЕЛЬСТВ ДО ДЕКАБРЯ 2011 ГОДА

4. Согласно прецедентной практике Европейского Суда постановление об опеке должно рассматриваться как временная мера и, по общему правилу, соответствовать конечной цели воссоединения биологических родителей с их ребенком (см. §§ 207–208 настоящего Постановления). Однако в настоящем деле указанная конечная цель отсутствовала с самого начала производства в Норвегии. 21 ноября 2008 г., спустя два месяца после рождения ребенка и один месяц после вынесения постановления об опеке, Управление по делам детей, молодежи и семьи заявило, что мальчик нуждается «в помощи адекватных взрослых, которые смогут обеспечить хороший уход за ним» (см. § 30 настоящего Постановления). Через семь дней Совет по социальному обеспечению¹ в ходатайстве о вынесении постановления об опеке предположил, что «речь будет идти о долгосрочном помещении и что Х., вероятно, вырастет в приемной семье», а также что способности первой заявительницы как матери будут «ограничены» (см. § 31 настоящего Постановления).

¹ Так в тексте. Вероятно, должно быть «муниципалитет» (примеч. переводчика).

5. Даже на данном раннем этапе Совет не преследовал цель воссоединения ребенка с его матерью. В своем решении от 2 марта 2009 г., через четыре с половиной месяца после вынесения постановления об опеке, Совет также исходил из того, что ребенок будет расти в приемной семье. Совет подчеркнул, что это означало, что «приемные родители станут психологическими родителями Х, и количество контактов должно быть определено таким образом, чтобы гарантировать, что привязанность [между приемными родителями и ребенком], которая уже активно развивается, не была прервана» (см. § 43 настоящего Постановления). 22 апреля 2010 г., через 18 месяцев после вынесения постановления об опеке, большинство судей апелляционного суда подтвердили, что целью сеансов общения не является установление отношений для будущего возврата ребенка на попечение его биологической матери (см. § 75 настоящего Постановления).

6. Кроме того, органы государственной власти никоим образом не способствовали развитию хороших отношений между матерью и ее сыном. Напротив, сеансы общения были чрезвычайно ограничены, четыре и шесть раз в год соответственно продолжительностью по два часа, и должны были проходить под наблюдением и в присутствии приемной матери, иногда даже в доме приемной семьи. В таких обстоятельствах сеансы общения явно не могли создать положительную атмосферу и способствовать сближению матери и ребенка. Довод властей Норвегии о том, что реакции ребенка ослабнут и уровень общения улучшится, если сеансы общения станут менее частыми (см. § 75 настоящего Постановления), представляется достаточно циничным.

7. Власти Норвегии никогда не рассматривали помещение ребенка в приемную семью как временную меру с конечной целью воссоединения матери с ребенком и не оказывали матери серьезную поддержку в целях развития ее материнских способностей. В этом отношении они игнорировали прецедентную практику Европейского Суда и свои соответствующие обязательства.

8. Отношение властей Норвегии основано на законодательстве Норвегии, которое устанавливает достаточно низкий порог для передачи ребенка на попечение государства, но чрезвычайно высокий порог для прекращения такого попечения (см., в частности, статью 4–21 Закона о благополучии детей, процитированную в § 122 настоящего Постановления). Для отмены постановления об опеке родители должны доказать наличие «высокой вероятности» того, что они смогут обеспечить ребенку надлежащий уход. Это требование является проблематичным с учетом прецедентной практики Европейского Суда и обязанностей государства принимать меры по содействию воссоединению семьи в кратчайшие разумные сроки (см.

§ 208 настоящего Постановления). Также представляется, что Закон о благополучии детей предоставляет органам государственной власти возможность неограниченного усмотрения. Кроме того, даже если в конкретном деле родителям удастся доказать это, их попытки будут тщетными, если «ребенок настолько привязался к людям и среде, в которой он проживает, что... изъятие ребенка из такой среды может привести к серьезным проблемам для него» (см. статью 4–21 Закона о благополучии детей). Иными словами, сам ход времени делает крайне маловероятной отмену постановления об опеке.

III. ПОДХОД БОЛЬШИНСТВА СУДЕЙ К НАСТОЯЩЕМУ ДЕЛУ И МОЯ СОБСТВЕННАЯ ПОЗИЦИЯ

9. Большинство судей в своих доводах уделили основное внимание оценке разбирательств в 2011–2012 годах, связанных с лишением первой заявительницы родительских прав в отношении ее сына и согласием на его усыновление. Точнее, в центре анализа большинства судей была проверка со стороны Окружного суда, которая нашла выражение в его постановлении от 22 февраля 2012 г. (см. выше § 215). Однако в настоящем Постановлении как таковом не затрагиваются недостатки в период с момента вынесения постановления об опеке в октябре 2008 года до принятия Советом решения в ноябре 2011 года. Данные недостатки кратко упомянуты в §§ 220 и 221 настоящего Постановления, но исключительно для того, чтобы объяснить недостатки, которые имели место в ходе производства по делу в Окружном суде в 2012 году, в частности, тот факт, что редкие контакты между заявителями представляли собой ограниченные свидетельства, на основании которых можно было сделать четкий вывод о навыках матери по осуществлению ухода за ребенком. Указанный аспект, наряду с отсутствием обновленных экспертных заключений, позволил большинству судей сделать вывод о том, что процесс принятия решений, в результате которого Окружной суд вынес постановление от 22 февраля 2012 г., имел недостатки, а также вывод о наличии «процессуального» нарушения статьи 8 Конвенции.

10. По моему мнению, установление нарушения статьи 8 Конвенции нелегко совместить с таким узким подходом, и я бы предпочел рассмотреть дело шире и получить о нем «целостное представление».

11. В настоящем Постановлении рассматривается только процесс принятия решения в Окружном суде, который 22 февраля 2012 г. оставил в силе решение Совета о лишении заявительницы родительских прав и о даче согласия на усыновление. Однако несмотря на возможное наличие некоторых недостатков в данном процессе принятия решений

в Окружном суде, следует также признать, что на соответствующий момент времени, когда ребенок уже прожил три года и четыре месяца в приемной семье, у суда Норвегии в определенной степени были связаны руки вследствие предшествующих событий и производств, а также вследствие простого хода времени. Суд Норвегии столкнулся с неким *fait accompli*¹. На соответствующем этапе установление баланса между интересами ребенка и интересами его биологической семьи почти неизбежно привело бы к тому выводу, что ребенок должен оставаться в приемной семье. Как подтверждено экспертами и принято судом, ребенок настолько привязался к своим приемным родителям, брату и к общей атмосфере в приемной семье, что его предполагаемый переезд стал бы для него причиной серьезных проблем, поскольку первичное чувство безопасности и принадлежности сформировалось у него в приемной семье, и психологически он считал приемных родителей своими биологическими родителями (см., в частности, § 106 настоящего Постановления).

12. Европейский Суд не должен игнорировать жизненные реалии и не должен заниматься формальной оценкой постановления Окружного суда от 22 февраля 2012 г. и преувеличивать, в частности, факт отсутствия новых экспертных заключений. Представляется более чем сомнительным, что какое-либо новое заключение о способностях матери могло на соответствующий момент времени возобладать над наилучшими интересами ребенка, которые состояли в том, чтобы он остался с приемными родителями. Основные недостатки, за которые органы государственной власти несут ответственность, имели место не в ходе разбирательств в 2011–2012 годах, а, скорее, на более ранних этапах.

13. Настоящее Постановление непосредственно не затрагивает такие основные недостатки ввиду отсутствия юрисдикции (см. § 147 настоящего Постановления). Хотя, строго говоря, Европейский Суд действительно не обладает юрисдикцией для рассмотрения по существу соответствия решений, которые предшествовали вынесению постановления апелляционным судом от 22 апреля 2010 г. или были пересмотрены этим постановлением, статье 8 Конвенции, это не исключает возможности непосредственного анализа допущенных ранее недостатков.

14. Большинство судей (со ссылкой на Постановление Европейского Суда по делу «Йованович против Швеции» (*Jovanovic v. Sweden*) от 22 октября 2015 г., жалоба № 10592/12, § 73, и на Постановление Европейского Суда по делу «Мохамед Хасан против Норвегии» (*Mohamed Hasan v. Norway*) от 26 апреля 2018 г., жало-

¹ *Fait accompli* (франц.) – свершившийся факт (примеч. переводчика).

ба № 27496/15, § 121) признали в § 148 настоящего Постановления, что при анализе разбирательств, которые привели к принятию решений в 2011–2012 годах, Европейский Суд будет вынужден рассмотреть указанные производства и решения в соответствующем контексте. Это неизбежно означает, что Европейский Суд в некотором объеме должен учесть предыдущие производства и решения. Хотя я поддерживаю данное утверждение как таковое, я не согласен с узким пониманием большинством судей «относящихся к делу» разбирательств, а также с ограниченным толкованием «объема» рассмотрения.

15. В настоящем Постановлении рассматривается только процесс принятия решений, непосредственно связанных с постановлением Округового суда от 22 февраля 2012 г. На мой взгляд, Европейский Суд должен был во всей полноте оценить взаимосвязанный процесс, который в итоге привел к принятию оспариваемого решения. Данный «процесс», особенно в таком деле, каковым является настоящее, следует понимать в более широком контексте. Он касается не только окончательных судебных производств, но охватывает и предыдущее производство в административных органах, тесно связанное с последующим судебным разбирательством, результатом которого явилось оспариваемое решение. Следовательно, «относящиеся к делу разбирательства» должны охватывать все значимые действия, бездействие и решения органов государственной власти, которые подготовили почву для принятия окончательных судебных решений, составили их неотъемлемую фактическую и/или правовую основу и в значительной степени предопределили их исход.

16. В этом отношении Европейский Суд при рассмотрении предыдущих дел указывал, что необходимость вмешательства должна оцениваться с учетом всех обстоятельств дела в целом (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Парадизо и Кампанелли против Италии» (*Paradiso and Campanelli v. Italy*) от 24 января 2017 г., жалоба № 25358/12¹, § 179). Европейский Суд не может ограничиваться рассмотрением оспариваемых решений в отдельности (см. Постановление Европейского Суда по делу «Олссон против Швеции (№ 1)» (*Olsson v. Sweden*) (№ 1) от 24 марта 1988 г., Series A, № 130, § 68). Таким образом, решения, касающиеся лишения первой заявительницы родительских прав и разрешения на усыновление, должны быть рассмотрены в контексте, что означает, в моем понимании, прямую связь с предшествующим производством и соответствующими фактами. Мне кажется, что выражение «дело в целом» следует понимать, по крайней мере, в обстоятельствах настоящего дела,

в более широком смысле, то есть не ограничиваться окончательным судебным производством, а охватывать весь процесс в связи с настоящим делом и фактические последствия решений, принятых в рамках такого процесса.

17. Данный подход находит некоторое подтверждение в прецедентной практике Европейского Суда. В связи с этим я предлагаю рассмотреть, в какой степени Европейский Суд учитывал «относящиеся к делу разбирательства» по другим делам.

18. В деле «Гнаоре против Франции» (*Gnahoré v. France*) (жалоба № 40031/98, *ECHR* 2000-IX) жалоба была подана в 1997 году и касалась, *inter alia*, оспаривания отцом решения, принятого в 1996 году, которым его ходатайство об отмене постановления об опеке было отклонено. Однако оценка Европейского Суда не была ограничена указанным разбирательством, но явно охватывала первоначальное постановление об опеке от 1992 года, последующие меры и несколько решений о продлении срока действия постановления об опеке (см. *ibid.*, §§ 56–58).

19. В деле «К. и Т. против Финляндии» (*K. and T. v. Finland*) (жалоба № 25702/94, *ECHR* 2001-VII) двое детей были экстренно помещены в приемную семью в июне 1993 года, а через месяц они были переданы на попечение государства в «обычном» порядке. Хотя последние решения были оставлены в силе в ходе судебного разбирательства, предыдущие решения не были обжалованы. Европейский Суд согласился с тем, что утверждение постановлений об экстренном помещении в приемную семью «фактически» было подтверждено постановлениями о помещении в приемную семью в обычном порядке и освободило заявителей от необходимости подавать отдельную жалобу (см. *ibid.*, § 145). По этой причине Европейский Суд также проанализировал постановления об экстренном помещении в приемную семью, хотя жалоба в Европейский Суд была подана спустя более года после их вынесения и хотя Европейский Суд установил, что между двумя этапами судебных разбирательств существовали материально-правовые и процессуальные различия и что соответствующие решения были разного рода.

20. В деле «Чжоу против Италии» (*Zhou v. Italy*) (Постановление Европейского Суда от 21 января 2014 г., жалоба № 33773/11) заявительница жаловалась на усыновление ее ребенка, решение о котором было принято судом в 2010 году. Однако Европейский Суд счел, что решающее значение имело установление того факта, приняли ли власти Италии перед тем, как аннулировать правовые отношения между матерью и ребенком, все необходимые и достаточные меры, которые могли обоснованно потребоваться для того, чтобы ребенок жил нормальной семейной жизнью в своей семье (см. *ibid.*, § 49). В связи с этим Европейский Суд рассмотрел все предыдущие решения органов

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 11 (примеч. редактора).

государственной власти, касающиеся помещения ребенка в приемную семью и прав матери на общение с ним.

21. В вышеупомянутом деле «Йованович против Швеции» Европейский Суд сначала объявил жалобы на решение о передаче ребенка на попечение государства неприемлемыми для рассмотрения по существу. Тем не менее при рассмотрении жалоб, касающихся последующего решения не отменять это попечение, Европейский Суд подробно проанализировал производство, в результате которого было вынесено первое постановление об опеке, и установил, что решение властей государства-ответчика о принудительной передаче ребенка на попечение государства было «явно оправданным» (см. *ibid.*, § 78). Таким образом, Европейский Суд не просто поместил более поздние решения в контекст предыдущих разбирательств, но занял четкую позицию в отношении обоснованности предыдущих решений, хотя и объявил соответствующие жалобы неприемлемыми для рассмотрения по существу.

22. Наконец, в упоминавшемся выше недавнем деле «Мохамед Хасан против Норвегии» Европейский Суд начал с того, что ограничил свою оценку производством, касающимся лишения родительских прав и усыновления, объявив, что предыдущее производство о передаче на попечение имело значение лишь в том объеме, в котором Европейскому Суду необходимо было его учитывать при рассмотрении последующего разбирательства. Тем не менее в своего рода *obiter dictum* Европейский Суд отметил, что отсутствуют основания предполагать, что процессуальные вопросы в предыдущем производстве по делу об опеке имели такие последствия для последующего разбирательства по делу об усыновлении «или [для] дела в целом, которые требовали бы дальнейшего анализа со стороны Европейского Суда при оценке жалоб заявителя на лишение родительских прав и в отношении усыновления» (см. *ibid.*, § 151).

23. Напротив, в настоящем деле данные требования были выполнены. Предыдущее производство по делу об опеке в период с 2008 по 2011 год фактически имело решающие последствия для решений, принятых в рамках последующих разбирательств в 2011–2012 годах, и, таким образом, требовало дальнейшего анализа со стороны Европейского Суда при оценке жалоб заявителей на лишение родительских прав и усыновление.

24. В подобной ситуации Европейский Суд вынужден тщательно анализировать, как указано, *inter alia*, в вышеупомянутом Постановлении Европейского Суда по делу «Чжоу против Италии», приняли ли власти государства-ответчика перед тем, как аннулировать правовые отношения между родителем и ребенком, все необходимые и достаточные меры, которые могли обоснованно потребоваться для того, чтобы ребенок жил нормальной

семейной жизнью в своей семье. При этом необходимо принимать во внимание все предыдущие разбирательства, которые были тесно связаны с окончательным решением, независимо от того, были ли предыдущие решения официально приняты в рамках той же формальной структуры разбирательства по делу об усыновлении или в рамках отдельного производства, предшествовавшего разбирательству по делу об усыновлении.

25. Как указано выше, органы государственной власти в настоящем деле с самого начала не ставили цель воссоединения ребенка с его матерью, а, скорее, сразу предполагали, что он будет расти в приемной семье. Данное основополагающее допущение проходит сквозь все этапы разбирательства по делу, начиная с постановления об опеке. Постановление Окружного суда от 22 февраля 2012 г., принятое на момент, когда ребенок уже прожил с приемными родителями три года и четыре месяца, представляется просто «автоматическим» и «неизбежным» следствием всех предыдущих событий и решений. Иными словами, недостатки, которые возникли в октябре 2008 года и впоследствии не были устранены, привели к тому, что в 2011–2012 годах был *de facto* установлен разрыв отношений между заявителями.

26. Данный аспект также является существенным элементом особого мнения, приложенного к Постановлению Палаты Европейского Суда. Меньшинство судей подчеркнули, что решения о помещении ребенка в приемную семью «неизбежно привели к принятию решений об усыновлении, породили течение времени, столь пагубное для воссоединения семьи, в долгосрочной перспективе повлияли на оценку наилучших интересов ребенка и, что особенно важно, поставили первую заявительницу в положение, которое неизбежно противоречило позиции властей государства-ответчика, принявших постановление об опеке и продливших срок его действия, и позиции приемных родителей, чей интерес заключался в укреплении отношений с ребенком в целях его последующего усыновления». Не подвергая сомнению решения властей Норвегии о помещении ребенка в приемную семью, меньшинство судей полагают, что «невозможно игнорировать последовательность событий, которые предшествовали усыновлению и привели к нему» (см. пункт 18 особого мнения). Я полностью согласен с указанными соображениями.

27. Кроме того, следует подчеркнуть, что оценка «процесса» на внутригосударственном уровне и оснований, приведенных властями Норвегии, не означает исключительный акцент на принятых процессуальных мерах, который сделали большинство судей Палаты Европейского Суда и в некоторой степени большинство судей Большой Палаты Европейского Суда. Процессуальные требования не являются самоцелью. Они, скорее, служат сред-

ством защиты частного лица от произвольных действий государственных органов. Таким образом, необходимо выйти за рамки формальностей процедуры. Следует также изучить отношение и цели органов государственной власти. Процессуальную оценку нельзя сводить исключительно к оценке формы, которую приняли окончательные решения. Если, как в настоящем деле, власти государства-ответчика с самого начала проводили только «формальную» оценку, не занимаясь реальным и предметным учетом всех затронутых интересов и не согласовывая такие интересы с учетом прецедентной практики Европейского Суда по статье 8 Конвенции, то производство по делу «в целом», включая соответствующие предыдущие решения и действия, не было удовлетворительным и не сопровождалось гарантиями, соизмеримыми с серьезностью вмешательства и важностью затронутых интересов.

IV. ВЫВОД

28. Я испытывал бы большие сомнения, голосуя за установление нарушения статьи 8 Конвенции, если бы мне пришлось следовать подходу большинства судей и формально оценивать только разбирательство по пересмотру, по итогам которого Окружной суд вынес постановление от 22 февраля 2012 г., в момент, когда ребенок уже прожил с приемными родителями три года и четыре месяца. Однако при рассмотрении дела, представленного в Европейский Суд, в более широком контексте и при анализе «реальных» вопросов, связанных с разбирательством до упомянутого постановления, которое являлось фактическим источником проблем, у меня не возникло трудностей в том, чтобы присоединиться к мнению большинства судей о результатах рассмотрения данной жалобы и установить, что требования статьи 8 Конвенции были нарушены в отношении обоих заявителей.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЭГИДИУСА КУРИСА

1. Я (вместе с некоторыми другими коллегами) присоединился к совпадающему мнению судьи Карла Ранцони. Я хотел бы добавить лишь несколько замечаний.

2. Многие отмечают, что судебная практика в целом (а не только прецедентная практика Европейского Суда) становится все более «аналитической» в деструктивном смысле. Иными словами, проявляется тенденция к тому, чтобы разделять на небольшие части факты, на которые жалуются стороны по делу, и, соответственно, применение права к таким фактам, а затем рассматривать их по отдельности. В недавнем деле, которое рассматривала Большая Палата Европейского Суда (с иным предметом спора), мы с двумя коллегами

выразили наше несогласие с решением большинства судей искусственно и довольно формально разделить относящийся к делу период на две части и проанализировать только последнюю его часть как отдельный период, хотя всё, что происходило в течение этого последнего «периода», ушло своими корнями в предыдущий (я ссылаюсь на наше отдельное мнение совместно с судьями Анны Юдковской и Фарисом Вехабовичем, приложенное к Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Радомилья и другие против Хорватии» (Radomilja and Others v. Croatia) от 20 марта 2018 г., жалобы №№ 37685/10 и 22768/12¹). В настоящем деле была создана аналогичная структурная проблема.

3. С какой бы стороны мы на это ни взглянули, реальность представляет собой единое целое. Это вопрос факта и принципа. Хотя в настоящем Постановлении признается, что «при анализе судебного разбирательства в отношении решения Окружного совета по социальному обеспечению от 8 декабря 2011 г. и решений, принятых при рассмотрении жалобы на данное решение, а именно в отношении постановления Окружного суда от 22 февраля 2012 г., Европейский Суд будет вынужден рассмотреть указанные судебные разбирательства и решения в контексте. Это неизбежно означает, что Европейский Суд *должен учесть* предыдущие разбирательства и решения *в некотором объеме*» (см. § 148 настоящего Постановления, выделено мною. – Э.К.), неясно, что представляет собой данный «объем» и что означает «учесть».

Суды не должны допускать двусмысленность в своих постановлениях. В настоящем Постановлении двусмысленность создана намеренно.

4. Я предполагаю, что данная двусмысленность каким-то образом связана с формулой, которая применялась и воспроизводилась во многих делах, в том смысле, что «содержание и пределы “дела”, переданного на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда, ограничены решением Палаты Европейского Суда о приемлемости жалобы» (см. § 144 настоящего Постановления). Хотя во многих случаях совпадение взглядов Палаты и Большой Палаты Европейского Суда на пределы, временные и пределы рассмотрения по существу, конкретного дела не вызывает проблем, это не всегда так (в этом отношении я ссылаюсь на свое отдельное мнение, приложенное к Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Приход греко-католической церкви г. Лупени и другие против Румынии» (Greek-Catholic Parish of Lupeni and Others v Romania) от 29 ноября 2016 г., жалоба № 76943/11²). Такая «обрезка» жалоб заявителей

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 2 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2017. № 9 (примеч. редактора).

является слишком механической. Это делается без рассмотрения данного вопроса самой Большой Палатой Европейского Суда. Более того, решение Палаты, которым часть жалобы заявителя признается неприемлемой для рассмотрения по существу, никогда не становится окончательным. Таким образом, фактически для подобной «обрезки» отсутствуют какие-либо правовые основания.

Хотя решение Европейского Суда «учитывать [в некотором неопределенном объеме] предыдущие разбирательства и решения» (которые, по крайней мере, формально не рассматриваются с точки зрения их соответствия статье 8 Конвенции), помогло обойти жесткость пределов, установленных Палатой Европейского Суда (в ее никогда не становящимся окончательным постановлении) для Большой Палаты Европейского Суда, не будет ли разумным и справедливым в определенный момент времени рассмотреть, обоснованы ли такие пределы сами по себе? Поскольку до тех пор, пока данный вопрос не будет надлежащим образом проанализирован и разрешен, Большая Палата Европейского Суда будет постоянно вынуждена изобретать хитроумные формулы, чтобы обойти препятствие, которое она сама создала. В таких случаях под угрозой окажется всесторонний характер рассмотрения дела Европейским Судом.

Возможно, приемлемый результат в настоящем деле (установление нарушения статьи 8 Конвенции) был достигнут благодаря счастливому стечению обстоятельств, несмотря на то, что процесс, который следовало рассмотреть во всей полноте, был разделен на две части: одна была подвергнута формальному анализу, а другая была лишь «учтена».

5. Если бы оспариваемый процесс рассматривался во всей полноте (то есть, если бы начальный период не был просто «учтен»), стало бы еще более очевидно, что фундаментальная проблема, рассматриваемая в настоящем деле, заключается не только и не столько в конкретных обстоятельствах дела первой заявительницы, но, скорее, мягко говоря, в некоторых особенностях политики Норвегии, которая лежит в основе оспариваемых решений и процесса в целом.

Едва ли можно назвать случайностью тот факт, что к настоящему делу присоединилось так много третьих сторон. К ним относятся те государства, властям которых пришлось иметь дело с последствиями для их несовершеннолетних граждан решений, принятых норвежской государственной социальной службой по помощи и поддержке детям и подросткам (*Barnevernet*).

*Sapienti sat*¹.

¹ *Sapienti sat* (лат.) – умному достаточно, умный поймет (*примеч. переводчика*).

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ЙОНА ФРИДРИКА КЪЕЛЬБРО, АЛЁНЫ ПОЛАЧКОВОЙ, ПОЛИН КОСКЕЛО И ДАГА БЮГТЕ НОРДЕНА ПО СУЩЕСТВУ ДЕЛА

1. К сожалению, мы не можем согласиться с выводом большинства судей о том, что в настоящем деле имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

2. Наши позиции различаются в отношении приемлемости жалобы для рассмотрения по существу в том, что касается права первой заявительницы подавать жалобу от имени второго заявителя. Что касается существа дела, объявленного большинством судей приемлемым, мы придерживаемся одних и тех же взглядов.

3. В сущности мы согласны с позицией, принятой большинством судей Палаты Европейского Суда, решение которой мы находим хорошо продуманным и обоснованным, а также соответствующим надлежащей роли Европейского Суда (см. §§ 111–130 Постановления Палаты Европейского Суда).

4. Излагая ниже наши доводы, мы хотели бы сделать некоторые дополнительные комментарии, вытекающие из предмета настоящего дела и подхода, принятого большинством судей.

*Некоторые комментарии относительно
общих принципов Европейского Суда*

5. Прежде всего мы отмечаем, что настоящее дело касается вопросов, в отношении которых общие принципы, разработанные в прецедентной практике Европейского Суда, имеют довольно давнюю историю, отчасти отмеченную изменениями в социальной и правовой среде, которые определяют подход Европейского Суда к правам отдельных лиц, членов семьи и детей. Сложность вопросов, динамика лежащих в основе фактических и правовых изменений, а также разнообразие ценностей и ситуативных условий, преобладающих в таких вопросах, привели к ситуации, когда на сегодняшний день общие принципы, изложенные Европейским Судом, отмечены не только некоторой неизбежной двусмысленностью, но и неоспоримой напряженностью и явными противоречиями как на «внутреннем» уровне, так и по отношению к соответствующим специальным правовым документам, в частности, к Международной конвенции о правах ребенка² (далее – CRC).

6. Характерный аспект такой напряженности и противоречий касается вопроса о том, как совместить «священный характер» биологической семьи с наилучшими интересами ребенка, как они закреплены в CRC, а также во многих последующих конституционных положениях на уровне госу-

² Так в тексте. По-видимому, имеется в виду Конвенция ООН о правах ребенка (*примеч. редактора*).

дарств и в Хартии Европейского союза об основных правах. Действительно, нет сомнений в том, что изъятие ребенка у его биологических родителей не может быть оправдано выводом о том, что такая мера позволила бы поместить ребенка в среду, более благоприятную для его воспитания. Бесспорным является также принцип, согласно которому изъятие ребенка из-под опеки его биологических родителей или родителя требует анализа необходимости этого с точки зрения наилучших интересов ребенка и возможно только в качестве крайней меры. Это справедливо и в отношении позиции, согласно которой властям государств следует предоставить широкие пределы усмотрения при определении того, требуют ли наилучшие интересы ребенка, чтобы он был передан на попечение государства. Основная сложность и противоречия возникают в случаях, когда рассматриваются долгосрочные меры.

7. В общих принципах, изложенных в Постановлении Палаты Европейского Суда, отмечалось в качестве «руководящего принципа», что постановление об опеке должно рассматриваться как временная мера, которая должна быть прекращена, как только позволят обстоятельства, и что любые меры, устанавливающие временную опеку, должны соответствовать конечной цели воссоединения биологических родителей и их ребенка. Позитивное обязательство принимать меры по содействию воссоединению семьи в кратчайшие разумные сроки начнет довлеть над компетентными органами со все возрастающей силой с самого начала периода опеки. При этом указанное обязательство в любом случае необходимо согласовывать с обязательством учитывать наилучшие интересы ребенка (см. § 105 Постановления Палаты Европейского Суда). Аналогичным образом согласно настоящему Постановлению «учет единства и воссоединения семьи... является неотъемлемым аспектом права на уважение семейной жизни в соответствии со статьей 8 Конвенции», и «при установлении попечения государства, ограничивающего семейную жизнь, на органы государственной власти возложено позитивное обязательство по принятию мер, содействующих воссоединению семьи, в кратчайшие разумные сроки (см. § 205 настоящего Постановления).

8. Дилемма наглядно проиллюстрирована приведенным выше изложением позиции, выраженной в Постановлении Палаты Европейского Суда. В рамках этого подхода воссоединение биологического родителя или родителей с ребенком является «неотъемлемой» и «конечной» целью и «руководящим принципом», которому необходимо следовать. Данный руководящий принцип «обусловлен» оговоркой о том, что «конечная цель» (воссоединение биологической семьи) должна быть «согласована» с обязательством «учитывать» наилучшие интересы ребенка. В результате создается впечат-

ление, что «конечная цель» воссоединения биологической семьи может преобладать над наилучшими интересами ребенка. Однако в соответствии с CRC и аналогичными конституционными или иными положениями в правовых системах многих государств сложилась ситуация, при которой наилучшие интересы ребенка признаются первичным, или первостепенным, соображением, исходя из особой потребности детей в защите как зависимых и уязвимых лиц. Это, в свою очередь, подразумевает, что наилучшие интересы ребенка могут, когда того требуют обстоятельства, преобладать над целью воссоединения ребенка с его биологическим родителем или родителями.

9. Предпосылки указанных двух подходов, несомненно, восходят к истории и контексту каждого правового документа. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) исходит из защиты и согласования прав всех лиц, находящихся под юрисдикцией государства, в том числе тех, кто создал семью, тогда как CRC направлена на укрепление и защиту детей как носителей отдельных прав личности. Не следует ни преувеличивать, ни игнорировать упомянутое выше противоречие. Всегда необходимо прилагать усилия для согласования прав всех заинтересованных лиц. Тем не менее существуют неизбежные ограничения возможностей, доступных для такого согласования. Следовательно, в конечном счете, может возникнуть необходимость решить, какое соображение имеет приоритет. В этом смысле действительно имеет значение следующий вопрос: состоит ли определяющий принцип в том, что воссоединение биологической семьи может преобладать над наилучшими интересами ребенка, или в том, что наилучшие интересы ребенка могут иметь приоритет даже в тех случаях, когда это влечет за собой отказ от воссоединения ребенка с его биологическим родителем или родителями?

10. Представляется неоспоримым, что в связи с данным принципиальным вопросом Европейский Суд испытывает затруднения. В результате ему трудно сформулировать общие принципы с желаемой ясностью и последовательностью.

11. Другое проявление упомянутого выше противоречия состоит в том, что, с одной стороны, Европейский Суд совершенно справедливо обеспокоен влиянием времени на перспективу успешного воссоединения семьи. Так, он постановил, что позитивное обязательство принимать меры по содействию воссоединению семьи в кратчайшие разумные сроки начнет довлеть над компетентными органами со все возрастающей силой с самого начала периода опеки. При этом указанное обязательство в любом случае необходимо согласовывать с обязательством учитывать наилучшие интересы ребенка (см. § 209 настоящего Постановления). С другой стороны, Европейский Суд также признал, что влияние времени может стать доводом

против такого воссоединения. Например, он постановил, что по истечении значительного периода времени с момента, когда ребенок был первоначально передан на попечение государства, интерес ребенка в том, чтобы его *de facto* семейная ситуация вновь не изменилась, может преобладать над интересами родителей в воссоединении их семьи (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии» (K. and T. v. Finland), жалоба № 25702/94, § 155, ECHR 2001-VII). В данном контексте Европейский Суд дал понять, что наилучшие интересы ребенка в перспективе могут возобладать над «конечной целью» воссоединения семьи.

12. Еще одно проявление вышеупомянутого противоречия состоит в том, что Европейский Суд постановил, что «по общему правилу в интересах ребенка сохранять семейные связи, кроме случаев, когда веские основания оправдывают их разрыв» (см. § 157 настоящего Постановления). Однако особенно в ситуациях, когда необходимо принять меры по опеке в отношении младенца и оставить его на попечении приемной семьи в течение длительного срока, *de facto* семейная жизнь и семейные связи ребенка сформируются практически исключительно с приемной семьей, а не с биологическим родителем или родителями. В этом смысле конечный вопрос также может заключаться в том, какая точка зрения должна иметь приоритет, точка зрения ребенка или точка зрения биологического родителя или родителей, и (соответственно) какая семейная жизнь.

13. Указанные противоречия в общих принципах неизбежно являются источником некоторых фактических сложностей для органов государственной власти нескольких Договаривающихся Государств, не в последнюю очередь тех, конституционные положения которых предусматривают, что наилучшие интересы ребенка должны учитываться в первостепенном порядке.

Подход большинства судей

14. В настоящем деле позиция большинства судей представлена как связанная с процессом принятия решений на внутрисударственном уровне. Однако ключевой параграф настоящего дела (§ 220) показывает, что лежащая в основе фактическая проблема в восприятии большинства судей является материально-правовой и состоит в том, что органы государственной власти «сосредоточили свое внимание на интересах ребенка» и «серьезно не рассматривали» возможность воссоединения ребенка с его биологической семьей. Данный ключевой параграф передает и раскрывает упомянутое выше противоречие и отражает позицию большинства судей в отношении принципов.

15. Нам представляется сомнительным, что Европейский Суд должен действовать подобным

образом, фактически подменяя своими собственными предпочтениями оценку органов власти государства-ответчика, несмотря на то, что последние тщательно рассмотрели дело на основе обширных данных в ходе разбирательств с участием судов в составе судей и иных специалистов с опытом работы в данной области. Проблема заключается не только в том, что Европейский Суд находится в совершенно ненадлежащем положении, чтобы принимать на себя функцию суда «четвертой инстанции» в подобных ситуациях. Более глубокая проблема состоит в том, что, отдавая приоритет своим собственным предпочтениям относительно того, как следует взвешивать и согласовывать конкурирующие интересы, Европейский Суд фактически ограничивает пределы усмотрения, которые важно сохранить, особенно в ситуациях, когда органы власти государств-ответчиков должны рассматривать отдельные права и интересы, которые могут противоречить друг другу, и когда существуют различные взгляды на то, каким образом соответствующие ценности, принципы и противоречивые соображения должны быть наилучшим образом согласованы в обстоятельствах конкретного дела. Это тем более актуально в таком контексте, как в настоящем деле, в котором органы власти государств-ответчиков обязаны исполнять позитивные обязательства в отношении уязвимого ребенка.

16. В настоящем деле четко представляется, что способ, с помощью которого большинство судей установили «процессуальные недостатки», фактически следует из принятой по существу позиции, а именно из обвинения органов власти государства-ответчика в том, что они «сосредоточили свое внимание на интересах ребенка», а не на его воссоединении с биологической семьей. Таким образом, по мнению большинства судей, они могут сделать вывод о том, что «отсутствие новой экспертизы существенно ограничило фактическую оценку» (см. § 223 настоящего Постановления) и что доказательства, которые могли быть получены в результате проведенных сеансов общения, являлись «ограниченными» (см. § 225 настоящего Постановления).

17. Кроме того, большинство судей даже ставят под сомнение выводы суда Норвегии об (особой) уязвимости X (ребенка). В связи с этим мы ссылаемся на § 224 настоящего Постановления, в котором большинство судей высказали сомнения относительно того, «почему такая уязвимость сохранялась несмотря на то, что он проживал в приемной семье с трехнедельного возраста», что следует противопоставить § 90 настоящего Постановления, где цитируется заключение Окружного совета по социальному обеспечению о «серьезном отсутствии ухода за ним, представляющим угрозу для его жизни, в течение первых трех недель своей жизни». В данном вопросе наши сомнения выходят за рам-

ки проблемы принятия Европейским Судом роли суда «четвертой инстанции». Нельзя ожидать, что члены Европейского Суда знакомы с детской психологией в целом или с исследованиями, касающимися долгосрочных последствий ненадлежащего ухода за младенцем в раннем возрасте, в частности. Кроме того, нам представляется весьма сомнительным, что Европейский Суд подвергает сомнению выводы органов государственной власти об особой уязвимости отдельного ребенка, сделанные учреждениями, которые получили соответствующие доказательства и обладали профессиональными знаниями, которых явно не имеет Европейский Суд, не затронув данный вопрос в ходе производства в Европейском Суде и, таким образом, не предоставив сторонам возможность прояснить «природу уязвимости» Х (ребенка), которую Европейский Суд, по-видимому, не может понять или в которую он не может поверить. Европейский Суд должен гарантировать проведение состязательного обсуждения вопросов, имеющих особое значение для дела.

18. Таким образом, в настоящем деле трудно избежать вывода о том, что большинству судей не нравится исход дела на внутригосударственном уровне и они попытались устранить существенные возражения или опасения под видом процессуальных недостатков. Однако лежащие в основе оценочные суждения и предпочтения заслуживают того, чтобы их обсуждали с большей прозрачностью.

Наша позиция

19. Прежде всего, ограничивая наше внимание особым контекстом оспариваемых решений (об отказе отменить постановление об опеке, о лишении родительских прав и разрешении приемным родителям усыновить ребенка), мы поддерживаем прецедентную практику Европейского Суда в том, что меры, которые полностью лишают родителя семейной жизни с его ребенком и которые, таким образом, отходят от цели их воссоединения, должны «применяться только в исключительных обстоятельствах и могут быть оправданы только в том случае, если они мотивированы приоритетным требованием, касающимся наилучших интересов ребенка» (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Янсен против Норвегии» (*Jansen v. Norway*) от 6 сентября 2018 г.¹, жалоба № 2822/16, § 93, и Постановление Европейского Суда по делу «Эуне против Норвегии» (*Aune v. Norway*) от 28 октября 2010 г., жалоба № 52502/07, § 66).

20. По нашему мнению, у Европейского Суда нет оснований делать вывод о том, что оспариваемые

решения не соответствовали вышеуказанным требованиям, или о том, что имелись какие-либо существенные недостатки в процессе принятия решений на внутригосударственном уровне.

21. Хотя Европейский Суд анализирует только последние решения, принятые в 2012 году, не следует упускать из виду тот факт, что настоящее дело имеет давнюю историю, начиная с мер поддержки, которые были приняты еще до рождения Х (ребенка), и последующих мер постоянной поддержки, принятых после его рождения, чтобы научить мать брать на себя ответственность и осуществлять уход за своим ребенком. Кроме того, нельзя игнорировать тот фактор, что мера по установлению опеки была введена, поскольку оказанная помощь, хотя и интенсивная, оказалась безуспешной. Напротив, возникли чрезвычайно серьезные обстоятельства, которые сделали меры по установлению опеки необходимыми для защиты жизни и здоровья ребенка. Обстоятельства дела, изложенные в настоящем Постановлении, позволяют лучше понять проблемы, с которыми столкнулись власти Норвегии. В частности, следует отметить, что, хотя первая заявительница не оспаривала постановление об опеке, вынесенное апелляционным судом в 2010 году, она, похоже, не осознавала, почему какая-либо из введенных мер была признана необходимой, и продолжала воспринимать действия органов государственной власти как «заговор» против нее (см. §§ 77, 90 и 101 настоящего Постановления). Кроме того, представляется, что указанные сложности влияли и на сеансы общения, поскольку враждебность первой заявительницы по отношению к службе опеки и попечительства и приемной матери преобладала над ее вниманием к ребенку (см. §§ 90, 101–103 настоящего Постановления).

22. Что касается особого замечания о том, что не запрашивалось новое экспертное заключение о предполагаемых улучшениях в положении матери и в ее навыках осуществления ухода за ребенком (см. § 223 настоящего Постановления), мы не считаем, что факты дела оправдывают отход от обычного подхода, в соответствии с которым суды государств-ответчиков должны оценивать представленные им доказательства, включая способы установления соответствующих фактов (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Зоммерфельд против Германии» (*Sommerfeld v. Germany*), жалоба № 31871/96, § 71, *ECHR* 2003-VIII (извлечения)). Мы считаем достаточно надуманным критиковать Окружной суд, как это делают большинство судей, за то, что он не назначил новую экспертизу. Суд Норвегии был проинформирован о положительных изменениях в ситуации матери. Не оспаривалось, что она вместе со своим мужем и при помощи социального работника могла осуществлять уход за своей дочерью. Однако учитывая совпадающие

¹ Так в тексте. Вероятно, должно быть «от 6 сентября 2018 г.» (примеч. переводчика).

выводы Округового совета и апелляционного суда относительно поразительного отсутствия у матери сочувствия и понимания X и проблем, с которыми он столкнется в случае возвращения на ее попечение (см. §§ 90 и 101 настоящего Постановления), а также его сильную социальную и психологическую привязанность к своим приемным родителям, мы не разделяем мнение о том, что отсутствие новой экспертизы в обстоятельствах настоящего дела можно рассматривать как существенный недостаток в процессе принятия решений на внутригосударственном уровне.

23. Из обстоятельств дела, изложенных в настоящем Постановлении, следует, что власти Норвегии столкнулись с ситуацией, в которой были затронуты серьезные вопросы, касающиеся ребенка и его наилучших интересов. С позиции Европейского Суда было бы неправильно недооценивать сложности и трудности, возникающие в таких обстоятельствах. На этом фоне власти Норвегии, по нашему мнению, не должны подвергаться критике за то, что они «сосредоточили свое внимание на наилучших интересах ребенка». Мы не можем усмотреть достаточное основание, которое позволило бы Европейскому Суду прийти к выводу о том, что в конкретных обстоятельствах дела их усилия были направлены не в то русло или должны рассматриваться как неоправданная неспособность воссоединить ребенка с его биологической семьей (матерью). Хотя оспариваемые меры были действительно основаны на оценке того, что требовалось для обеспечения наилучших интересов ребенка, мы согласны с тем, что в настоящем деле с учетом фактов дела и их тщательного изучения в рамках разбирательств на внутригосударственном уровне имели место исключительные обстоятельства, которые оправдывали принятые радикальные меры по причинам, относящимся к приоритетному требованию защиты наилучших интересов ребенка (см. выше пункт 19 настоящего особого мнения).

**СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ
ПОЛИН КОСКЕЛО И ДАГА БЮГГЕ
НОРДЕНА ПО ВОПРОСУ ПРАВА ПЕРВОЙ
ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ ПРЕДСТАВЛЯТЬ
ИНТЕРЕСЫ ВТОРОГО ЗАЯВИТЕЛЯ**

1. Мы голосовали против пункта 1 резолютивной части настоящего Постановления, в котором большинство судей отклоняют предварительные возражения властей Норвегии относительно права первой заявительницы (то есть матери) выступать в Европейском Суде также от имени второго заявителя (то есть ребенка). По нашему мнению, в обстоятельствах настоящего дела имеет место конфликт интересов между матерью и ребенком, характер которого не позволяет матери представлять интересы ее ребенка в ходе производства по делу в Европейском Суде. В этом отношении насто-

ящее дело затрагивает вопросы, требующие, по нашему мнению, внесения изменений в практику, которой до сих пор следовал Европейский Суд.

Общие замечания

2. Будучи обладателями конвенционных прав, дети дают повод к возникновению особых проблем с точки зрения процессуальной защиты таких прав, поскольку они, являясь несовершеннолетними, не могут самостоятельно выступать в качестве заявителей в Европейском Суде. В прецедентной практике Европейского Суда признано, что положение детей в соответствии со статьей 34 Конвенции требует тщательного анализа, поскольку дети, как правило, должны полагаться на других лиц при предъявлении своих требований и представлении их интересов и, возможно, не достигли соответствующего возраста или не обладают необходимой дееспособностью, чтобы санкционировать какие-либо меры, принимаемые от их имени, в фактическом смысле данного слова (см. Постановление Европейского Суда по делу «А.К. и L. против Хорватии» (A.K. and L. v. Croatia) от 8 января 2013 г., жалоба № 37956/11, § 47, и Решение Европейского Суда по делу «P.C. и S. против Соединенного Королевства» (P.C. and S. v. United Kingdom) от 11 ноября 2001 г., жалоба № 56547/00). Европейский Суд счел необходимым избежать ограничительного и чисто технического подхода в данной области. В частности, необходимо учитывать связи между соответствующим ребенком и его «представителями», предмет и цель жалобы, а также возможность конфликта интересов (см. Решение Комиссии по правам человека по делу «S.P., D.P. и A.T. против Соединенного Королевства» (S.P., D.P. and A.T. v. United Kingdom) от 20 мая 1996 г., жалоба № 23715/94 (неопубликовано), Решение Европейского Суда по делу «Джусто, Борначин и V. против Италии» (Giusto, Bornacin and V. v. Italy), жалоба № 38972/06, ECHR 2007-V, и Постановление Европейского Суда по делу «Моретти и Бенедетти против Италии» (Moretti and Benedetti v. Italy) от 27 апреля 2010 г., жалоба № 16318/07). Одним из примеров дела, в котором положение несовершеннолетних было признано оправдывающим предоставление *locus standi* родственнице, которая подала жалобу только от имени несовершеннолетних, а не от своего собственного имени, является дело «N.Ts. и другие против Грузии» (N.Ts. and Others v. Georgia) (Постановление Европейского Суда от 2 февраля 2016 г., жалоба № 71776/12, §§ 55–59).

3. В ситуациях, связанных с мерами по установлению попечения государства, Европейский Суд высказывал опасения, что интересы ребенка могут быть не доведены до его сведения и, следовательно, ребенок будет лишен эффективной защиты своих конвенционных прав. В случае конфликта

между биологическим родителем и государством по поводу интересов несовершеннолетнего в отношении вопроса о лишении родительских прав государство как носитель прав опекуна не может считаться гарантом конвенционных прав ребенка, поэтому было признано, что биологический родитель обладает *locus standi* для представления интересов своего ребенка в Европейском Суде, даже если такой родитель больше не имеет родительских прав в соответствии с законодательством государства-ответчика (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ламбер и другие против Франции» (Lambert and Others v. France), жалоба № 46043/14¹, § 94, ECHR 2015, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоццари и Джунта против Италии» (Scozzari and Giunta v. Italy), жалобы №№ 39221/98 и 41963/98, § 138, ECHR 2000-VIII, и Решение Европейского Суда по делу «Сахин против Германии» (Sahin v. Germany) от 12 декабря 2000 г., жалоба № 30943/96).

4. Хотя указанный подход понятен и оправдан в свете основного беспокойства в связи с доступом несовершеннолетних к Европейскому Суду, он порождает проблемы в ситуациях, когда биологический родитель, который желает действовать от имени ребенка, сам вовлечен в обстоятельства дела таким образом, что интересы родителя и ребенка не совпадают, а, напротив, противостоят друг другу.

5. Это подводит нас к существованию проблемы. Необходимость гарантировать эффективную защиту прав несовершеннолетних в соответствии с Конвенцией влечет за собой два ключевых требования: во-первых, необходимо предусмотреть возможность обращения в Европейский Суд с жалобой на предполагаемое нарушение конвенционных прав ребенка, во-вторых, интересы ребенка должны быть надлежащим образом представлены в ходе производств, проводимых от имени ребенка. Для эффективной защиты прав детей недостаточно делать акцент на первом аспекте. Второй аспект становится решающим как раз в ситуациях, когда обстоятельства дела указывают на возможное противоречие между интересами лица, действующего от имени ребенка, будь то биологический родитель или иное лицо, и интересами самого ребенка.

6. Необходимость различать позиции родителя и ребенка, особенно в ситуациях принятия мер внутригосударственными службами опеки и попечительства, подчеркивается тем, что они могут иметь различные точки зрения. С точки зрения родителя, любые принятые меры, особенно когда они применяются против его воли, представляют собой вмешательство в семейную жизнь родителя и ребенка, тогда как, с точки зрения ребенка, дан-

ные меры представляют собой выполнение позитивных обязательств, возложенных на органы государственной власти в отношении ребенка для защиты его прав и жизненно важных интересов, при одновременном вмешательстве в существующую семейную жизнь ребенка. Таким образом, сам контекст и его сложный характер указывают на то, что две точки зрения, родителя и ребенка, не могут быть согласованы по вопросу о необходимости и обоснованности оспариваемых мер.

7. Обеспечение надлежащего представительства интересов ребенка в ходе производства в Европейском Суде становится тем более важным, когда, как это часто бывает, подлежащие разрешению вопросы зависят от оценки того, были ли наилучшие интересы ребенка надлежащим образом обеспечены на внутригосударственном уровне. Понятие наилучших интересов ребенка является широким, многогранным и сложным. Оно включает в себя различные элементы, которые в особых обстоятельствах конкретного дела могут противоречить друг другу. Восприятие наилучших интересов ребенка в конкретных ситуациях зависит от точки зрения, особенно для лиц, лично вовлеченных в обстоятельства дела, и может быть тесно связано с собственными интересами лица. В случае возникновения серьезного конфликта между биологическим родителем и государственными службами опеки и попечительства в связи с интересами ребенка практика показывает, что ни соответствующие органы государственной власти, ни родитель, чьи действия или бездействие являются предметом спора, не могут рассматриваться в отрыве от такого конфликта. Поскольку к обеспечению наилучших интересов ребенка надлежит подходить серьезно, то ребенок нуждается в независимом представительстве со стороны лица, которое не вовлечено в основной конфликт и способно принять точку зрения ребенка в соответствующем вопросе.

8. Международная конвенция о правах ребенка², принятая уже три десятилетия назад и действующая почти в течение такого же срока, определила статус ребенка как субъекта отдельных прав личности. Как указано в ее Преамбуле, «ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту» (цитата из Декларации прав ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 г.). Соответственно, ключевой стандарт наилучших интересов ребенка имеет важный процессуальный компонент, также зафиксированный в Замечании общего порядка № 14(2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов. В указанном документе Комитет ООН по правам

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 9 (примеч. редактора).

² Так в тексте. По-видимому, имеется в виду Конвенция ООН о правах ребенка (примеч. редактора).

ребенка, *inter alia*, отметил: «При проведении формализованной оценки и определения наилучших интересов ребенка судами и иными аналогичными органами возникнет необходимость в представительстве правовых интересов. В частности, в случаях, когда в отношении ребенка возбуждается административное или судебное производство, связанное с определением его наилучших интересов, ему следует предоставить адвоката, помимо опекуна или лица, представляющего его взгляды, если имеется вероятность конфликта между сторонами, затрагиваемыми решением».

9. Европейским Судом до сих пор не уделялось надлежащего внимания необходимости отдельного и независимого представительства интересов ребенка в ситуациях конфликта интересов между ребенком и родителем, который намерен действовать как от своего имени, так и от имени ребенка. Дело «X, Y и Z против Соединенного Королевства» (X, Y and Z v. United Kingdom) (Постановление Европейского Суда от 22 апреля 1997 г., жалоба № 21830/93, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-II), по-видимому, было первым, в котором в контексте, отличном от настоящего дела, судья Л.-Э. Петтити в своем совпадающем мнении сослался на конфликт интересов между родителями и детьми и отметил, что в подобных ситуациях в будущем «[Европейской комиссии и] Европейскому Суду было бы, несомненно, желательно предложить сторонам, чтобы адвоката инструктировали специально представлять интересы только ребенка». Однако данное предложение не имело последствий для практики Европейского Суда.

10. Нам представляется очевидным, что в этом отношении необходимы изменения и что существующей нормативно-правовой базы, регулирующей производство в Европейском Суде, недостаточно для удовлетворения потребности в обеспечении детям доступа к Европейскому Суду, а также надлежащего, свободного от противоречий представительства их интересов в ходе производства в Европейском Суде. В этом контексте представляется необходимым провести различие между приемлемостью жалобы, поданной от имени ребенка биологическим родителем (или иным лицом), и правом представлять интересы ребенка в целях доведения до сведения доводов по существу предполагаемого нарушения конвенционных прав такого ребенка.

11. Данный вопрос заслуживает анализа со стороны Европейского Суда и Договаривающихся Сторон в целях выработки надлежащих решений и практики с учетом необходимости соблюдения ограничений, изложенных в пункте 1 статьи 35 Конвенции (в этом отношении см. недавно совместное совпадающее мнение судей П. Коскело, Т. Эйке и Й. Илиевски, приложенное к Постановлению Европейского Суда по делу «А и В

против Хорватии» (A and B v. Croatia) от 20 июня 2019 г., жалоба № 7144/15).

Мнение, касающееся настоящего дела

12. Что касается настоящего дела, большинство судей «не усматривают в настоящем деле такого конфликта интересов, который потребовал бы отклонения жалобы [матери] от имени [ребенка]» (см. § 159 настоящего Постановления). Мы не можем согласиться с данной оценкой, которая, помимо всего прочего, не сопровождается какими-либо пояснениями или доводами.

13. Напротив, наличие конфликта интересов, по нашему мнению, очевидно с учетом обстоятельств дела. При оценке данного вопроса независимо от позиции, занятой в отношении объема рассмотрения Европейским Судом дела по существу (с которым мы согласны), а именно, что последний следует ограничить разбирательством, которое привело к вынесению Окружным судом постановления от 22 февраля 2012 г., вступившего впоследствии в законную силу, также уместно принять во внимание предпосылки принятия службой опеки и попечительства мер, в отношении второго заявителя. Обстоятельства дела, установленные судами Норвегии, свидетельствуют о том, что во время первой беременности заявительницы было признано, что ей потребуются помощь и поддержка после рождения ребенка. После родов ее поместили в специализированное учреждение для получения такой помощи и поддержки, рассчитанной на три месяца. Уже в первые дни ее пребывания в указанном учреждении ответственные специалисты всё больше беспокоились о способностях матери осуществлять уход за младенцем и удовлетворять его основные потребности, в том числе в питании и гигиене. Ситуация была серьезной, так как ребенок резко терял вес. В целях его защиты сотрудники были вынуждены установить круглосуточное наблюдение, в том числе будить мать ночью, чтобы она кормила новорожденного (см. § 20 настоящего Постановления). Однако менее чем через три недели пребывания, запланированного на три месяца, мать объявила о своем намерении покинуть учреждение вместе с ребенком. Именно в данный момент и именно по этой причине была принята первоначальная мера по установлению опеки над ребенком в экстренном порядке (см. *ibid.*).

14. Следовательно, факты, лежащие в основе настоящего дела, восходят к ситуации, когда помощь и поддержка, оказываемые матери, необходимо было заменить мерами по установлению опеки в экстренном порядке, поскольку поведение матери и ее намерение отказаться от оказываемой поддержки и помощи создавали реальную угрозу опасного для жизни жестокого обращения с новорожденным ребенком. При этом обстоятельства,

представленные в материалах дела, также свидетельствуют о том, что мать не могла понять, даже на момент проведения оспариваемого разбирательства в Окружном суде, почему соответствующие меры были приняты, и не осознавала, что имело место какое-либо пренебрежение ребенком с ее стороны (см. §§ 101 и 220 настоящего Постановления). Напротив, она воспринимала введенные меры как основанные на лжи (согласно ее жалобе губернатору округа, см. § 77 настоящего Постановления) и характеризовала их как заговор против нее (заявление в Окружной совет по социальному обеспечению от 2011 года, см. § 90 настоящего Постановления).

15. Если считать, что данные обстоятельства не приводят к конфликту, достаточному для того, чтобы лишить мать возможности представлять в Европейском Суде помимо своей позиции еще и интересы ее ребенка, то трудно представить, какими должны быть соответствующие обстоятельства. Рассматриваемые интересы не могут быть согласованы, между ними существует сильное противоречие. Ни тот факт, что вопрос, поднятый в Европейском Суде, касается решения органов государства-ответчика о разрыве правовых связей между матерью и ребенком, ни прецедентная практика Европейского Суда, согласно которой по общему правилу в интересах ребенка сохранять семейные связи, ни тот факт, что производства в органах государства-ответчика проводились на

момент, когда мать была наделена родительскими правами в отношении ребенка (см. §§ 156–157), не могут преобладать над наличием конфликта интересов, вытекающего из конкретных обстоятельств дела. По нашему мнению, данный конфликт нельзя игнорировать при установлении права родителя действовать от имени ребенка в ходе производства по делу в Европейском Суде.

Вывод

16. На наш взгляд, факты настоящего дела свидетельствуют о наличии явного и серьезного конфликта интересов. При таких обстоятельствах первой заявительнице не следовало разрешать представлять интересы своего ребенка в Европейском Суде.

17. Европейскому Суду пора пересмотреть свой подход и практику по вопросу разрешения биологическому родителю действовать от имени его ребенка, если обстоятельства дела указывают на фактический или потенциальный конфликт интересов между ними. Если Европейский Суд по-настоящему поддерживает в соответствии с Конвенцией ООН о правах ребенка идею о том, что дети являются субъектами отдельных прав личности, и признает требование об учете наилучших интересов ребенка в первостепенном порядке, представляется необходимым внести изменения и в процессуальную практику.